Н. М. АНДРЕЙЧУК

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Издание второе, стереотипное

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •
• МОСКВА •
• КРАСНОДАР •

УДК 791 12+
ББК 85.34

А 65 **Андрейчук Н. М.** Краткий курс истории и теории праздничной культуры : учебное пособие / Н. М. Андрейчук. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Лань : Планета музыки, 2024. — 332 с. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-507-49495-8 (Изд-во «Лань»)
ISBN 978-5-4495-3152-0 (Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»)

Учебное пособие адресовано студентам вузов культуры и искусств, изучающим дисциплину «История и теория праздничной культуры». В пособии представлен теоретический и фактологический материал, освещающий содержание основополагающих тем лекционного курса данной дисциплины.

УДК 791
ББК 85.34

А 65 **Andreychuk N. M.** A brief course in the history and theory of a festive culture : textbook / N. M. Andreychuk. — 2nd edition, ster. — Saint Petersburg : Lan : The Planet of Music, 2024. — 332 pages. — Text : direct.

The textbook is addressed to students of universities of culture and arts studying the discipline “The history and theory of a festive culture”. The textbook presents theoretical and factual material covering the content of the fundamental topics of the lecture course of this discipline.

РЕЦЕНЗЕНТ:

Е. А. Полякова — профессор, доктор исторических наук,
проректор по научной работе и международным связям
Алтайского государственного института культуры.

Обложка
А. Ю. ЛАПШИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленное учебное пособие предназначено для студентов, **направления подготовки** «Режиссура театрализованных представлений и праздников», изучающих в рамках учебной программы дисциплину «История и теория праздничной культуры». В ходе изучения данной дисциплины студентам предстоит познакомиться с огромным объемом информации об интереснейшей и важнейшей сфере деятельности человечества — праздничной жизни. Были эпохи, когда люди не знали ни земледелия, ни колеса, когда средой их обитания была лишь дикая природа, но, по-видимому, не было эпох, когда в людском сообществе не было бы праздников. Праздники — это первичная форма человеческой культуры, которая существует тысячелетия, являя собой необъятный и своеобразный мир человеческого духа. Однако сколь-либо серьезно этот мир стал изучаться лишь в прошлом столетии, хотя еще в XIX веке пробудился интерес к праздничной культуре с точки зрения описания форм и содержаний празднеств как традиционно-фольклорного так и светского характера. До сих пор регулярно переиздаются и пользуются спросом труды таких дореволюционных ученых как А. Н. Афанасьев, М. М. Забылин, И. П. Сахаров, И. М. Снегирёв, Н. П. Степанов, А. В. Терещенко, которые всесторонне описали исконные праздничные традиции русского народа.

Пристальный интерес к сущностной природе массовых празднеств и силе их воздействия на сознание человека возник в эпоху Октябрьской революции. Одним из тех, кто наиболее глубоко пытался вникнуть в эту сущность стал современник революционной эпохи А. И. Пиотровский. Большой вклад в развитие науки этой области человекознания внесли советские ученые второй половины XX века М. М. Бахтин, Д. М. Генкин, А. И. Мазаев, В. Я. Пропп, И. Г. Шароев и др. Среди зарубежных исследователей наиболее известными в России стали имена Л. А. Абрамяна, Л. Винничук, К. Жигульского, Р. Кайуа, Р. Мальте, И. Хёйзенги, Р. С. Уортмана, Д. Фрэзера, М. Элиаде. Сегодня этой теме посвящены многочисленные книги, диссертации, статьи. Среди наиболее серьезных исследовательских работ труды наших соотечественников нового времени Т. А. Агапкиной, М. И. Воловиковой, Е. Э. Келлер, О. Л. Орлова, А. Ф. Некрыловой, Н. А. Хренова, и др. Новое время предлагает обширнейший фактологический материал о праздниках разных народов и времен. Мощный информационный поток требует постоянного осмысления. Данное учебное пособие, разумеется, не может охватить весь горизонт растущей информации в этом мире знаний, задача пособия — помочь студенту сориентироваться в этом мире и акцентировать его внимание на тех темах и фактах из истории и теории массовых праздников, которые ему необходимы в освоении выбранной профессии.

Цель данного учебного пособия — научить будущих специалистов сферы праздничной культуры профессиональному восприятию многообразной, живой праздничной картины мира, предоставить им расширенную информацию лекционного материала для самостоятельного изучения. В пособии рассмотрены

основные темы учебной дисциплины: социальная сущность и социально-психологическая атмосфера массовых праздников, проблемы развития праздничной культуры в нашей стране и использование массовых праздников с целью манипуляции человеческим сознанием, праздникам Древнего Мира и Средневековья, праздникам основных религиозных верований в России, праздникам разных исторических эпох развития нашего Отечества, праздникам зарубежья прошлого и настоящего времени и т.д. Пособие информационно насыщено, изобилует многочисленными примерами, в нем представлены материалы из самых разнообразных источников (научных и научно-просветительских работ, художественных произведений, мемуаров и т.д.) В заключение каждого тематического параграфа даны контрольные вопросы и задания, способствующие усвоению материала.

Учебное пособие, раскрывая основные темы дисциплины в кратком изложении, направлено на формирование у обучающихся установки на перспективу самостоятельного расширения знаний.

ГЛАВА I

ПРАЗДНИКИ КАК ПЕРВИЧНАЯ ФОРМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

§ 1. Социальная сущность массовых праздников и социально-психологическая атмосфера массовых праздников

В первую очередь необходимо освободиться от примитивного понимания понятия «праздник». Обычно за этим социальным явлением видят время отдыха и веселья, возникновению которого послужил какой-то особый повод. В такой позиции ничего неверного нет, однако смысл этого явления гораздо сложнее и глубже.

Вот как характеризуется понятие «праздник» в энциклопедии: «Праздник, в архаичной мифопоэтической и религиозной традиции временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институциализированное (даже если оно носит неинституциональный характер) действо» [86, с. 329]. Сакральное — это то, что является священным, святым, божественным, тайным. Наибольшей сакральной силой обладали «сверхпраздники» — самые главные праздники народа. Сакральностью обладают в той или иной мере все массовые праздники, но в мирских (светских) праздниках она не всегда про-

слеживается так полно и ярко как в архаичной и религиозной праздничной культуре. По определению философа Платона «празднество — священное время согласно законам». В чем же сакральность, в чем же тайна явления по имени праздник?

Одним из первых, кто смог глубоко проникнуть в суть этого многозначного явления, был известный ученый XX века М. М. Бахтин. В своей книге посвященной исследованию творчества Франсуа Рабле и народной культуре Средневековья и Ренессанса он назвал празднество очень важной первичной формой человеческой культуры. В частности он писал, что праздничную культуру «нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей общественного труда или биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе. Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое и миросозерцательное содержание. Никакое «упражнение» в организации и усовершенствовании общественного процесса, никакая «игра в труд» и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не станут праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» [10, с. 13–14]. В самом деле, никакой праздник не может возникнуть там, где нет духовных связей между людьми. Более того, праздники не только возникают на основе духовных связей, но и укрепляют эти связи, и ярко выражают их, являясь зеркалом своей эпохи.

Определений праздников существует десятки, но все толкователи сходятся в одном: праздники — это не будни. «Противопоставление праздники — буд-

ни является ключевым и определяющим, а такие признаки, как ритуальность — аритуальность (точнее — степень и характер проявления ритуальности), веселость — печаль, официальность — неофициальность, торжественность — неторжественность, должны рассматриваться как вторичные и несущественные при различении праздника и не праздника» [86, с. 329]. Праздничная жизнь, подобно природе, свободна и стихийна. В праздничной жизни, утверждает Бахтин, человек не уходит от будней, а приподнимается над ними, создавая некую «вторую жизнь». Празднующий человек наполнен поэзией, мечтой об идеальном, об идеальной жизни, где все будут сыты, веселы, красивы, талантливы, исполнены любви друг к другу, самодостаточны. Можно сказать, что праздник — это временная реализация мечты об идеальной жизни. Именно идеальные (духовные) потребности прежде всего реализует праздник. Не только витальные (жизненные, т.е. пище, сне, отдыхе, продолжении рода), и не только социальные (т.е. в общении, в принадлежности к социуму) — эти потребности присущи и животному миру, а именно духовные, которые свойственны лишь человеку. Праздник — это первый шаг к духовности, к осмыслению себя в мире людей, природы, мироздания. Можно найти множество людей, которые за жизнь не прочли ни одной книги, не посетили ни разу, ни музея, ни театра, никогда не задумывались о смысле своего бытия, т.е. абсолютно лишенных духовности, но нет человека, в жизни которого бы отсутствовал праздник или хотя бы ожидание его (если, конечно, его жизнь не бесчеловечна в окончательной степени).

М. М. Бахтин акцентирует внимание и на том, что праздник не входит в область искусства, что это не чисто театрально-зрелищная форма, это сама жизнь.

Если искусство, по его словам, играет в жизнь, то праздник — это сама жизнь, которая принимает условия игры — «карнавал не созерцают — в нем живут». М. М. Бахтин рассматривает праздник через призму средневекового карнавала, однако праздник нельзя свести только к карнавалу. Об этом, в частности, пишут авторы книги «Психология и праздник»: «...в итоге нашего исследования мы пришли к пониманию, что попытка понять праздник через карнавальное переворачивание («выворачивание») для психологии не продуктивно (несмотря на авторитет Бахтина). Искать смысл праздника для человека нужно в самом простом — по-детски простом. ...Праздник — это всегда время детства: детства народа, детство человека». Авторы этой цитаты иллюстрируют свои слова примерами, среди которых есть такой: «Грузинка указывая на изображение Адама, говорит: «Это дедушка, на Еву — это бабушка. Все очень просто» [19, с. 49].

Праздник — это всегда неопосредованное общение, что приобретает очень важное значение в нашей сегодняшней полувиртуальной жизни. У праздника есть цвет, вкус и запах. Приведем к последнему утверждению забавную иллюстрацию из серии «говорят дети»:

> Диалог матери с малышом:
> — У вас в садике Ёлка будет?
> — Нет.
> — Как это не будет?
> — Я сказал не-бу-дет!
> — Так куда же вы стихи новогодние готовите?
> — На пластмассовую елку.
> — А пластмассовая елка это не Ёлка?
> — Нет.
> — А что?
> — Пластмасса.

Для ребенка имеет громадное значение, например, от кого он получил новогодний подарок — от родителей или Деда Мороза. Дети интуитивно понимают глубинное значение другой небудничной жизни — праздничной. Они безоговорочно и с радостью участвуют в соблюдение всех правил праздничной игры, которые для них и привлекательны, и значимы. Более того, дети становятся чуть ли не «контролерами» соблюдения этих правил. Не зря Д. С. Лихачёв называл детей хранителями народных традиций. Яркий пример: ребенок из дореволюционного прошлого, предвкушая Рождество, мечтает о том, что рождественский стол украсит сливочное масло в виде барашка — «А если не барашка, то и не надо!».

Определений праздников, как мы уже отмечали, множество, но они не противоречат друг другу, а расширяют и углубляют понимание этого многозначного феномена. Так А. И. Мазаев говорит о празднике как о коммуникации по поводу свободы, К. Жигульский как о связующей нити традиций, пронизанных творчеством, Й. Хейзинга о игровом характере праздника, Л. Абрамян о мифологичности праздничного времени, Р. Кайуа как о вратах в мир богов, М. Элиаде как о возращении начального Священного времени Жизни для ее обновления, М. И. Воловикова с соавторами как о вершинном состоянии души человека, принятием причастия к роду и племени. В. Я. Пропп делает акцент на магическом содержании обрядово-зрелищных форм праздника, Н. А. Хренов обращает внимание на роль консерватизма праздничной жизни, которая «в какой-то степени противостоит процессам дифференциации и индивидуализации, составляющим содержание «цветущей сложности» культуры. ...Иначе говоря, праздничная ситуация — это возвращение к первичным влечениям, инстинктам и стра-

стям в их непосредственных формах. ...Праздник — пауза в культуре, остановка в ее функционировании, в действии ее запретов» [98, с. 123–124].

Безусловно, что позиции названных выше ученых не ограничиваются выборочно перечисленными доминирующими векторами их исследований. Так, к примеру, о мифологичности праздничного времени («вневременности праздника»), «остановки времени», о «подзарядке из хаоса» и «предотвращения хаоса» (из хаоса все выходит и в хаос все возвращается), об обновлении общества и человека с помощью праздничных ритуалов мы читаем и у М. Элиаде, и у Л. Абрамяна, и у Н. А. Хренова, и у В. Я. Проппа и др. «Воссоздание идеального праздничного космоса — это воссоздание имевшего место в золотом веке первого дня творения, которое может осуществиться лишь в общении с хаосом. В праздничных ритуалах хаос воспроизводится с помощью оргий, упразднения действующих в обычное время разнообразных табу» [там же]. Стихия праздника созвучна стихии мирового хаоса, в ней есть место и теме смерти и теме рождения, теме умерщвления и возрождения, обновления. Отсюда, с древнейших времен в праздничных ритуалах присутствуют ритуалы жертвоприношений. В жертву приносились в разные времена и человеческие жизни, и животные, затем их заменили символические куклы и чучела.

Все исследователи подчеркивают первоочередную значимость жизнестроительных и регулятивных функций праздника, а не просто развлекательных. С разных позиций, и по-разному трактуя, разные ученые подчеркивали глубинный смысл праздничных обрядов, связанных с умирающими (убиваемыми) и воскресающими божествами, с магической силой смеха, маскарадным преображением и т.д.

Основной функцией праздника является, прежде всего, достижение сплоченности общества вокруг объединяющих мировоззренческих ценностей, бытовых норм и сохранение, на этой основе, духовной преемственности между поколениями. Массовые праздники — это важнейшая консолидирующая сила общества, самая прочная связующая нить поколений, пронизывающая времена и эпохи. Подлинные праздники всегда патриотичны, поскольку их идеи базируются на культе предков. Имея тесную связь с прошлым, подлинные праздники всегда устремлены в будущее, поскольку насквозь оптимистичны, и их природе свойственно простое увеселение.

Современный сценарист-режиссер сферы празднично-игровой деятельности В. В. Панфилов утверждает, что настоящему празднику присущ поток радостных обновленных чувств, традиционных обрядов, застолья, семейственность, канун, песни и игры, а иначе, это не праздник, а просто приписываемые празднику даты, поводы и события. «Без праздника,— пишет В. В. Панфилов,— жизнь людей становится адской мукой (на мой взгляд, самоубийство происходит от отсутствия грядущего праздника в душе, от неумения найти в этой жизни хоть маленький, но праздник). Именно в настоящих праздниках укрепляется здоровье людей, семьи, народа. В принципе, и народ от народа отличается праздниками, то есть образами, застольями, песнями, играми и т.д.» [60, с. 15–19]. Праздники призваны укреплять отношения между людьми, расширять горизонт их общения, помогать разрядить существующие вне праздничной жизни конфликты, компенсировать гнетущие недостатки обыденной жизни, позволять выплескивать накапливаемые и подавляемые инстинкты, восстанавливать жизненную энергию, заряжать коллек-

тивной силой, помогать преодолению страхов перед грядущей неизбежностью — и это тоже важнейшие функции праздничной культуры.

Праздник — это день торжества и радости, день духовного единения, когда с помощью синтеза искусства и действительности, художественного оформления того или иного общественного или личностного события человек поднимается над буднями. Без искусства и художественного творчества праздники не существуют, многие искусства выросли из праздников, а не наоборот.

На наш взгляд, праздник с позиций современной социально-культурной деятельности — это:

1. Многофункциональное социально-культурное явление, реализующее свободное непосредственное коллективное общение для совместного переживания значимых событий, возвышенных эмоционально-духовных преодолений и устремлений, радостной полноты и обновленной гармонии жизни, ее идеалов в связующей нити времен и поколений.
2. Разрядка духовно-эмоциональной и физической напряженности человека и общества, временная реализация мечты об идеальной жизни, невозможной в обыденности, подняться над которой помогают крылья художественного осмысления и оформления праздничного события.

Праздники нельзя сводить к зрелищу, праздники не созерцают — в них живут. И хотя мир праздника — это мир игры, его нельзя сводить и к простому развлечению и отдыху — в его основе лежат объединяющие людей духовные мировоззренческие потребности, потребности в публичном самовыражении и публичном проявлении своего духовного единства. Массо-

вая психология, психология толпы не идентичны психологии массы празднующего народа, поскольку празднующая общность не анонимна, поведение ее не стандартизировано. Это не означает, что законы массовой психологии не действуют в ситуации массовых праздников, и, прежде всего, в виде проявления эмоциональной внушаемости и эмоционального максимализма, вместе с тем, у массового праздника есть свои социально-психологические особенности, которые находят свое яркое проявление в праздничной атмосфере.

В массовом празднике удовлетворяются в той или иной мере все базовые потребности человека. Потребность в публичном эмоциональном контакте как одно из проявлений общей потребности в социальности столь значима, что по утверждению исследователя Н. А. Хренова, эта потребность порой превалирует над «первопричинными» потребностями (в художественном переживании, в получении информации), вызвавшим к жизни эмоционально-контактирующую общность [97, с. 108–109]. По его мнению «Праздники — это прежде всего способ введения эмоциональной жизни в определенные социальные границы, но введения с помощью отмены действующих в обычное время норм и предписаний. Независимо от характера праздника (языческого или христианского), он имеет социально-психологическое значение, т.е. выступает средством организации и регламентации эмоциональной энергии, имеет значение профилактическое, предотвращает от крайних всплесков негативных эмоций в самой жизни» [98, с. 133].

Если определений понятия «праздник» существует множество, то словесных определений эмоционально-чувственных ощущений восприятия того или иного празднества бесконечно многообразно.

У каждого праздника есть свое «настроение», свой «дух», свой «тон» (Й. Хейзинга), «особая душевная и психологическая настроенность» (А. И. Мазаев), свой «ритм» (М. И. Воловикова, С. В. Тихомирова, А. М. Борисова) и у каждого тона, духа, ритма, настроения может быть бесчисленное количество оттенков. Все эти характеристики и оттенки может вместить одно понятие — «праздничная атмосфера», которая может быть и теплой и горячей, и торжественной и разгульной, ликующей, священной, патетической, экзальтированной и т.д. Атмосферу праздника оценивают, характеризуют, признают ее значение и необходимость ее формирования. Однако, это словосочетание воспринимается лишь как образное выражение и употребляется оно чаще как прилагательное, для выразительной характеристики того или иного праздника. Вместе с тем, социальная психология давно и всесторонне изучила социально-психологический климат в социальных общностях как явление реально воспринимаемое человеческими ощущениями, которому очень близко (но не тождественно!) явление социально-психологической атмосферы. В отличие от климата, социально-психологическая атмосфера более вариабельна, подвижна, изменчива, динамична, ей свойственны ситуативные перемены эмоциональных тональностей и психических состояний, неуловимость. Но и то и другое понятие отражают *преобладающий психический (эмоциональный) настрой людей одной общности к миру, друг к другу, к окружающим событиям*.

Эмоционально динамичный, но при этом относительно устойчивый психический настрой массовой празднующей общности характеризуется понятием социально-психологической атмосферы, которая об-

ладает уникальным свойством — эффектом социально-психологического заражения, многократно усиливающийся с увеличением числа людей, поражая их мощным зарядом эмоций, чувств и страстей. *Социально-психологическая атмосфера массовых праздников — это проявление характера праздника, то есть преобладающего эмоционально-психического настроя празднующей общности, который аккумулирует в себе психическое состояние каждого участника праздника, проявляющееся в их отношении и непосредственной сопричастности к совместным ценностям, к окружающим, друг к другу, и к самим себе как членам данной общности.*

Перед исследователем социально-психологической атмосферы массовых праздников встает множество вопросов: в чем, например, заключаются существенные отличия атмосферы праздников религиозных, народных, гражданских, агитационно-пропагандистских, развлекательных и т.д. Но прежде чем приступить к поиску ответов на эти и другие вопросы произведем сравнительный анализ особенностей социально-психологической атмосферы свойственной зрительской аудитории театрального зала и аудитории праздничного зала (когда пришедшие на праздничное торжество также выступают в роли зрителей), что позволит контрастно оценить специфику изучаемого нами явления.

Состояние социально-психологической атмосферы в зрительном театральном зале напрямую зависит от того, насколько «разрознены» или «организованы» зрители и насколько ощутима невидимая разделяющая черта между сценой и аудиторией. Парадоксально, но театр, всемерно стремящийся удовлетворить потребности зрителя в непосредственном контакте, в определенном смысле «боится»

этого контакта. В частности театр не любит «организованных» зрителей, так или иначе общающихся друг с другом или с актерским коллективом в реальной жизни. Театр не хочет говорить о реальных проблемах реальной аудитории, поскольку все это разрушает театральную природу. Об этом говорил Г. А. Товстоногов: «...я не люблю обсуждений спектакля публикой, зрительских конференций. Они могут привести лишь к исчезновению трепетной атмосферы зрительного зала, которую я очень ценю» [27, с. 136]. Против неразрозненного зрителя выступает М. А. Захаров, обращая внимание на «тяжелейший психологический барьер, который возникает на целевых спектаклях, и который «не преодолевается безболезненно». Режиссер считает ужасным, когда театральный зал заполнен однородной аудиторией, в частности, профессиональной — «мы не знаем, как бороться с тем неизбежным и роковым изменением климата зрительного зала» [31, с. 152–158]. Тема «организованного зрителя» болезненна и для актеров. Так респонденты-актеры проявили особое внимание, отвечая на вопрос анкеты, касающейся этой темы, по их мнению, такой зритель «наименее чуток», «ему не до сцены», «он занят своими проблемами-компаниями», «ходит не в театр, а на мероприятия» [17, с. 293]. Сергей Юрский, например, считает, что актер не имеет права приносить свои интересы в жертву публике, говорить о ее делах. Не советует даже эстрадным артистам «подгонять» свой репертуар к конкретным условиям выступления: «Опыт показывает, как ошибаются эстрадные артисты, стремящиеся подгонять свой репертуар к конкретным условиям выступления. На курортах читают о курортной жизни, в обеденный перерыв на заводе — о заводских буднях, в воинской части об

армии. Нет контраста, нет воображения, нет и искусства» [110]. Интересны в этом плане эксперименты театра Е. Гротовского, который неожиданно для себя понял, что эмоциональное соучастие зрителя (свидетеля) увеличивается с отдалением его от актеров, и, наоборот, растет ощущение дистанции от происходящего на сцене, если зритель непосредственно вовлекается в действие. В последнем случае, считает Гротовский, участие зрителей бывает лишенным состояния подлинности, выглядит надуманным, неестественным, или же это являет собой буквальное соучастие с «истерической спонтанностью, от которой два шага до того, что мы называем «битьем головой об стену», до судорог, до хаоса, до игры, одновременно и глуповатой по форме и начисто лишенной всякого содержания по сути» [«Театр», 1988, № 10, с. 61–66].

Обратимся также к полемике 20-х годов прошлого века между В. Шкловским и Керженцевым, поднявшим вопрос о необходимости создания «театра без зрителя», театра действия — «игрища». Шкловский возражает, обращая внимание на то, что игрища были всегда, только называли их вовсе не театром, поскольку «театр нечто совершенно другое. В театре важна театральность... Уничтожить психологическую рампу — это то же, что уничтожить, ну, например, аллитерации в стихотворении» [105]. Он пишет о том, что мода на драматические кружки в послереволюционные годы, это своеобразный психоз по Фрейду — бегство от действительности, создание иллюзорной жизни. В то время как «народное празднество — это дело живых». «Народное массовое празднество, смотр сил, радость толпы есть утверждение сегодняшнего дня и его апофеоз. Оно законно тогда, когда на него никто не смотрит из окна или из особой трибуны, иначе оно вырождает-

ся в парад, в крепостной балет и оркестр роговой музыки. И уже поэтому оно не маскарад и не театр» [104].

Следовательно, именно граница контраста между сценой и залом, отмежевания от текущих зрительских забот и настроений, а не их пространственное отдаление, является главным хранителем таинственной атмосферы театра, разрушив которую можно говорить об атмосфере иного качества, в которой «спектакль превращается занимательную игру, в веселый праздник, в клубный вечер или просто в увлекательный разговор, в милые сердцу посиделки» [27, с. 126–127].

Итак, то, что для театральной атмосферы является угрозой ее разрушения, то для атмосферы праздника является благом. Таким образом, *психологическая рампа, которая так важна для атмосферы театральности, уничтожает атмосферу праздника*. Хотя и в театре, и в празднике человек реализует духовные потребности, но среди духовных потребностей праздничной коммуникации это, прежде всего, «потребность в самоутверждении и самосознании социальной общности, она психологически базируется на МЫ-чувстве, которое может служить источником патриотизма, национализма, корпоративности, профессиональной гордости и пр. Эта потребность аналогична потребности личности в индивидуальной самореализации» [79].

Все сказанное, позволяет сделать вывод, что атмосфера праздника возникает там, где в фокусе внимания реальная, сегодняшняя жизнь зрительской аудитории, сама эта аудитория, которая не просто созерцает и сопереживает, а является активным, центральным звеном текущего процесса. Следовательно, *атмосфера праздника тем благодатнее, чем менее обезличена его аудитория*.

Михаил Чехов, возможно, самый глубокий исследователь театральной атмосферы, писавший о том, что «не только театр, но и концертный зал, и цирк, и балаган, и ярмарка наполнены волшебной атмосферой», определял при этом волнующую театральную атмосферу как атмосферу нереальности [99, с. 188]. Но если *театральная атмосфера это атмосфера нереальности, то социально-психологическая атмосфера массовых праздников это атмосфера небудничной реальности*. Поэтому нельзя рассматривать социально-психологическую атмосферу массовых праздников и театрализованных представлений (зрелищ) исключительно с позиций театрального искусства, что делают нередко журналисты, обозреватели, и исследователи праздничной культуры. Нельзя говорить и о зависимости праздничной атмосферы от других средств выразительности — декораций, реквизита, звука, света, музыки и т.д., поскольку даже с точки зрения осмысления театральной атмосферы эта позиция, мягко говоря, поверхностна. Так Михаил Чехов утверждал, что «значительная часть содержания спектакля не может быть передана зрителю никакими иными средствами выразительности, кроме атмосферы» [там же, с. 193]. Да, на атмосферу влиять может все, но, прежде всего, как указывает М. Чехов, она глубоко связана с *содержанием*, в частности, пьесы и является *душой, сердцем* искусства. Для заполнения *психологически пустого пространства* атмосферой Чехов предлагает использовать не средства выразительности, перечисленные выше, а особый способ репетирования, опираясь на интуитивное чувство движения атмосферы внутри пьесы и свое воображение. Иначе говоря, и создание сценической театральной атмосферы нельзя сводить лишь к комплексному

использованию средств выразительности, и уж тем более, когда мы имеем в виду атмосферу праздника.

Праздничная атмосфера явление объективное, а не субъективное, и она существует независимо от индивидуальных чувств отдельных людей подобно тому, как, по приведенному М. А. Чеховым примеру атмосфера замка сохранится независимо от того, какое чувство внесет каждый из вошедших в него. «Она была *до* его появления и будет *после* того, как он покинет замок» [там же, с. 191–192.].

Априори оказывает влияние на формирование и театральной и праздничной атмосферы явление, которое носит название — хронотоп — «специфический набор пространственных и временных констант коммуникативных ситуаций». В социальной психологии под хронотопом понимают некоторую характерную коммуникативную ситуацию, повторяющуюся в определенном времени и месте. Сложившиеся хронотопы — это своего рода сложившиеся стереотипы поведения, проявление архетипического в конкретных ситуациях. Каждому традиционному празднику свойственен свой стереотип поведения. Праздничные хронотопы архетипичны, тесно связаны с «коллективным бессознательным», и в их основе лежат глубинные механизмы социального взаимодействия.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы о том, что социально-психологическая атмосфера массового праздника:

1) представляет собой объективное явление;
2) по своей сущности контрастна театральной атмосфере;
3) не возникает исключительно под влиянием суммы использованных режиссером средств театрализованной выразительности;

4) формируется не только в ходе праздничной и предпраздничной жизни, но и сложившимся стереотипом отношения социума к празднику.

Необходимо остановиться на том, что в атмосфере массового праздника ярко проявляется менталитет социума, его отношение к жизни, к миру «Всякий праздник есть манифестация некоей либо коллективной, «соборной», либо частной идеи», являющей собой «весомое культурное высказывание», приглашающее, а порой и понуждающее, под страхом наказания, к единодушию» [61, с. 120]. Поэтому содержательная сторона праздника, его объединяющая идея выходит на первый план среди факторов определяющих праздничную атмосферу, она несет в себе эмоционально-позитивный настрой празднующей общности, который находит свое проявление в эмоциональной солидарности, в ослаблении социального и личностного напряжения, в позитивном восприятии друг друга, самих себя и мира в целом. Праздничная атмосфера всегда непосредственна, а не опосредована, она сама реальность, поскольку «заочного» праздника не бывает, он всегда ощутим, имеет свой запах, свет, тепло, звучание. Праздник раскрывает подлинные чувства, тогда как по резкому суждению писателя Виктора Астафьева «сегодня вокруг все синтетическое, в том числе и нравственность, и чувства, и совесть».

Характер праздничной атмосферы может проявляться в бесконечном разнообразии типов, оттенков, нюансов, она может быть и позитивной, и, увы, не сложившейся. Оптимальной же социально-психологической атмосфере массового праздника присущи следующие черты, которые представлены в нижеследующей таблице:

Основные характеристики оптимальной социально-психологической атмосферы массовых праздников	
Духовная радость	Наличие объединяющей и возвышающей идеи, чувственно ощутимой всеми, сверхчувственная радость
Небудничная реальность	Празднуемое событие происходит «здесь и сейчас», это не иллюзия жизни, а ее «приподнятое» продолжение, выраженное в неопосредованности чувств
Ощущение преодоления	Свершения, победы (в том числе и над страхом), завершения дел
Контраст с буднями	Атмосфера преображения и обновления
Чувство всеобщности и единства в радости	Всеобщая радость, всеобщий пир, всеобщая сплоченность
Доброжелательный настрой, позитивное восприятие себя и других	Творение добра: щедрость, подарки, знаки признания, любви, повышение самооценки и оценки окружающих
Эмоциональный, а не рассудочный настрой	Ощущение «запаха» праздника, разнообразие палитры чувств

Ощущение полноты и счастья жизни	Прикосновение к идеальной жизни, мажорный тон
Наличие моментов счастливого ожидания праздника и радости воспоминаний о нем	Творческая подготовка к празднику, эмоциональное предчувствие праздника, эмоционально-позитивная готовность к воспоминаниям о прошедшем празднике

Подлинный праздник нельзя путать с «праздником-развлечением», который авторы книги «Психология и праздник» образно сравнили с растением почти лишенным корней, стелющимся по земле и не стремящемся достичь неба, при этом авторы подчеркивают, что в «народной культуре развлечение всегда занимало место, подчиненное содержательной стороне праздника» [19, с. 49–50]. Сказанное позволяет нам еще раз подчеркнуть, что духовные потребности праздника первичны, поэтому без соответственного отношения социума к событию, лежащему в основе праздника, без объединяющей идеи, праздника не может быть.

Подлинная атмосфера праздника всегда динамична, это процесс, действие — от моментов счастливого предчувствия праздника (кануны, сочельники, праздничные ситуации) до эмоционального порыва разделенной радости, всеобщего пира, обилия, радости за другого (редчайшее чувство!), до прикосновения к идеалу. Атмосфера любви и позитивного восприятия себя и других в процессе праздничной жизни помогает рождению подлинной радости без алкогольной поддержки — «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», «как одна семья».

Более того, доброжелательная атмосфера массового праздника способна помочь человеку подняться из алкогольной или иной зависимости, поскольку нужда в хорошей самооценке является самой властной из всех неосознанных потребностей, которая правит множеством наших поступков и подчас приводит к поискам ложного спасения в пьяных иллюзиях и самая надежная антиалкогольная стратегия лежит на пути улучшения самоощущения и самооценки человека во всех сторонах жизни. Люди, попавшие в орбиту «коллективной ласки» на массовом празднестве, получившие общественное одобрение, многократно усиливающееся в ситуации публичности, могут не только существенно повысить свою самооценку, но и подзарядиться мощным зарядом позитивной коллективной энергии, которая создается в атмосфере всеобщей сплоченности.

Американский психолог Дэвид Дж. Майерс утверждает: «Как и наши далекие предки, мы зависим друг от друга и нуждаемся во взаимной поддержке и защите ... группы способны усилить то лучшее, что есть в нас. В группе бегуны бегут быстрее, зрители смеются громче, а меценаты становятся более щедрыми. В группах самопомощи люди проникаются еще большей решимостью бросить пить, похудеть и лучше учиться». При этом Майерс подчеркивает, что группа может как усиливать положительные тенденции, так и подавлять их, то есть «быть либо очень, очень плохой, либо очень, очень хорошей» [48, 382]. Такой эффект, усиливающий, возбуждающий доминирующие реакции человека в присутствии других людей называют эффектом социальной фасилитации. Майерс указывает на то, что пока исследователи мало уделяли внимание прикладным возможностям использования данного эффекта [там же, с.235]. На наш взгляд,

массовые праздники предоставляют широкое поле деятельности для наиболее результативного использования названного эффекта в достижении благородных социально-педагогических целей, поскольку массовое сообщество, находясь в приподнято-возвышенном духовном состоянии праздничной атмосферы, как правило, ориентировано на проявление лучшего в человеческой природе и потому способствует усилению позитивных проявлений человека и его духовно-нравственному росту.

Атмосфера праздника порой столь заразительна и инерционна, что она может долго не отпускать попавших под ее влияние Настоящий праздник с соответствующей ему социально-психологической атмосферой всегда имеет «послевкусие», радость воспоминания. Исследования психологов показали, что воспоминание о празднике может оказывать психотерапевтический эффект: «С подобными случаями мы встречались неоднократно, когда вопрос о «празднике» настраивал отвечающего на радостный лад. Своими вопросами мы как бы задавали участникам «установку на радость. ...Праздничное богатство долго хранится в душе человека и, по-видимому, составляет ... «резерв душевных сил» [19, с. 67]. «Опыт нашей истории показал, что Настоящий Праздник усиливает стойкость людей, переживающих серьезные жизненные испытания. » [18, с. 304]. Надолго остается и позитивное отношение к тем, с кем разделил праздничное время, поскольку как утверждает психология, мы любим тех, с кем нас связывают позитивные воспоминания. Таким образом, оптимальная социально-психологическая атмосфера способствует формированию доброжелательных отношений не только в ограниченных временем рамках праздничной программы, но и в обществе в целом.

Праздничная атмосфера имеет не только «послевкусие», но и «предвкушение». Вот как описывал это явление в своих воспоминаниях поэт В. Берестов: «...в 1942 году, Чуковский, обращаясь к малышам, попробовал выразить предвкушение того всечеловеческого праздника, каким (мы это знали!) должен стать день победы над фашизмом.

Так бегите же за мною
На зеленые луга! –

Воздевая руки, приглашает нас Чуковский. И нет ни малейшего сомнения — он-то знает, что делать на зеленых лугах, где царит безудержное веселье, безоглядное счастье!

Рады, рады, рады светлые березы,
И на них от радости вырастают розы.

Целительная, духоподъемная, нравственная сила общей радости, которая так близка малым детям и большим поэтам!» [11].

Сравнивая две атмосферы, царящие на празднике и в театре, мы подчеркивали их разную природу, однако следующую характеристику значения атмосферы для театрального спектакля данную М. А. Чеховым можно смело отнести и к пониманию роли атмосферы в массовом празднике: «Спектакль, лишенный атмосферы, неизбежно носит на себе отпечаток механичности. Зритель может рассуждать о таком спектакле, понимать его, ценить его технические совершенства, но он останется холодным — спектакль будет «бессердечным» и не сможет захватить его целиком» [99, с. 195].

Какие же бывают праздники? Способов их классификации много. Кто-то предлагает разделять понятия «праздника» и «праздничная дата», кто-то разде-

ляет все праздники на две группы, в одной из которых отражается жизнь человека как объекта природы, в другой — как объекта социума. Выделяют праздники жизненного цикла отдельного человека (рождение, инициация, брак, смерть). Классификация по отношению к времени — праздники, проходящие ежегодно, юбилеи (по Библии — пятидесятилетия), раз в столетие, праздники сезонные, декадные и т.д. Праздники повторяющиеся во времени и разовые, подготовленные и импровизационные. Праздники «закрытые» (для узкой общности) и «открытые» (для всех желающих). В дореволюционной России выделяли следующие группы праздников — православные, викторианские, царские дни, дни избавления от бед и дни важнейших государственных отличий.

Исследователь праздничной культуры советской эпохи Д.М. Генкин предложил классифицировать праздники по масштабу празднуемого события и, исходя из этого принципа определил три основных группы праздников в СССР:

1. *Всеобщие, отвечающие наиболее масштабным, большим событиям.*

   Великие праздничные даты, имеющие эпохальное всемирно-историческое значение, праздники всей страны, переломные моменты в природе.

2. *Локальные, вызываемые событием, имеющим значение для определенной празднующей общности.*

   Праздники отдельных наций и народностей, профессиональные праздники, праздники отдельных возрастных групп, праздники городов и сел, трудовых коллективов, учебных заведений и т.д.

3. *Личностные, вызываемые событием, имеющим значение для отдельной личности, семьи, группы людей.*
   Праздничные события в жизни отдельного человека, семьи, компании, дружеского круга [20, с. 57].

В современной России чаще оперируют понятиями — официальные, народные и религиозные праздники. В многонациональной России особое место занимают праздники разных народов и религиозных конфессий. Однако есть праздники, которые не входят ни в один из этих трех видов. Например, 1 апреля. Официально он еще не утвержден, и народным назвать его, по ряду причин, нельзя. Стали официальными многие профессиональные праздники, но далеко не все. Данный параграф не имеет целью раскрыть все многообразие классификационных подходов, однако стоит остановиться на двух больших группах праздников, которые выделил М. М. Бахтин. Его трактовку разницы между официальными и народными праздниками попробуем продемонстрировать с помощью созданной нами сравнительной таблицы:

Официальные праздники	*Народные праздники*
Полагается являться во всех регалиях своего звания, чина, заслуг и занимать место в соответствии своему рангу. Строгая иерархия	Все равны, без привычных сословных, имущественных, служебных и иных барьеров. Чисто человеческие отношения
Праздники серьезны, смеховое начало чуждо их природе	Праздники наполнены весельем, радостью, легкостью

Праздники утверждения стабильности, незыблемости существующего миропорядка, существующей иерархии отношений, существующих религиозных, политических, моральных норм и запретов, торжество господствующей правды, смотрящие в историческое прошлое	Праздники становления, смен и обновления, враждебные всякому увековечению, смотрящие в необозримое будущее
Не создают второй жизни	Создают вторую жизнь

Нужно понимать, что М. Бахтин создавал данную трактовку доминирования определенных характеристик для карнавальных народно-площадных форм и для официальных (церковных) празднеств. Тем не менее, ее можно использовать для понимания природы народных и официальных праздников в целом. При этом, конечно, нужно учитывать конкретные реалии конкретной эпохи, состояние и взаимопроникновение официальных, социальных, народных и религиозных традиций, исторический контекст. Например, существуют такие виды народных празднеств в которых присутствует, в той или иной мере, своеобразная ситуативная иерархия базирующаяся на канонах старинных традиций, в тоже время официальные праздники (в частности, революционной поры) могут быть пронизаны мощной идеей обновления, проходить в веселой атмосфере и т.д. Кроме того,

почти любой не церковный праздник, в той или иной мере, одновременно вбирает в себя тенденции и к сохранению традиций и к их обновлению.

Подробнее об актуальных вопросах типологии праздничной культуры, о том, как складывалась и видоизменялась в течение столетий сложная классификация праздников можно прочесть в книге О. Л. Орлова «Российский праздник как историко-культурный феномен».

Праздничный календарь фиксирует важнейшие моменты человеческой жизни, помогает припомнить события прошлого, осознать ход и ритм времени, создать связь между прошлым и будущим. Как говорили древние мудрецы: «Если ты не знаешь — откуда ты, то, как ты узнаешь, куда ты направляешься?». Но наиболее полно смысл и функции праздника проявляются в том, что праздник дает отсчет новому времени. Так Бахтин, подчеркивая связь праздника с высшими целями человеческого существования, обнаруживает его тесную связь с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Праздником как бы прощаются со старым износившимся миром, обращаясь к миру новому, лучшему. Это счастливое событие обычно отмечают радостно, весело: «человек смеясь расстается со своим прошлым». Однако связь миров, смена миров и созидание нового мира — дело очень серьезное, как серьезно и понимание столь загадочного, сложного и многозначного явления по имени Праздник.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие человеческие потребности удовлетворяет праздник?
2. Является ли праздник художественной формой искусства?

3. Чем отличается праздник от искусства?
4. Дайте несколько определений понятия праздник.
5. Какие способы классификации праздников вы можете назвать?
6. Перечислите основные характеристики данные М. Бахтиным народным и официальным праздникам.
7. Почему праздник является первичной формой человеческой культуры?
8. Дайте определение социально-психологической атмосферы массового праздника.
9. Какие характеристики свойственны оптимальной социально-психологической атмосфере массового праздника?

§ 2. Массовые праздники и манипуляция человеческим сознанием

Праздничная культура является неотъемлемой частью жизни любого человека, любого человеческого сообщества (если, конечно, эта жизнь не лишена всего человеческого). В атмосфере праздника человек постигает эйфорическую полноту бытия, богоощущений, радость и гармонию жизни, неразрывность нити времени. В празднике наиболее выпукло находят свое выражение мировоззрения сообществ, их мечтания и идеалы. Неудивительно, что этот феномен общественной жизни всегда стремились взять на вооружение правители и политики. Они всегда интуитивно понимали, что, моделируя и видоизменяя праздничные традиции, можно

моделировать и видоизменять мировоззрение. Так в эпоху французской буржуазной революции республиканский Конвент отменил прежние праздники и объявил праздники в честь установления якобинской диктатуры и Декадные дни, посвященные Верховному Существу и Природе. Хорошо осознавали влияние массовых праздников на мировоззрение человека и большевики, которые задолго до революции 1917 года вели активную борьбу с «антирабочими», «зубатовскими» праздниками. Они объявили свои «контрпараздники» — протестные демонстрационные выступления, призывающие к борьбе с царским режимом, а не к празднованию «их праздников». Партия РСДРП распространила миллионы листовок с разъяснениями антинародности празднования двухсотлетия Петербурга и годовщины отмены крепостного права. Тем не менее, в 1902 году рабочие, по своей инициативе принесли по случаю очередной годовщины отмены крепостного права горы венков к памятнику царю-освободителю — Александру I.

В первые же месяцы молодой советской республики Совет Народных Комиссаров объявил новые событийно-праздничные дни Красного календаря. Однако, от объявления праздника до рождения соответствующей атмосферы, без которой праздник теряет смысл, долгий путь. Для сокращения этого пути вырабатывались особые приемы организации масс людей. Вот типичное воспоминание (точнее дневниковая запись) о первомайских днях первых лет революции:

> «30 апреля 1919 года:
>
> Большевики готовятся к празднованию 1-го мая. Сегодня, проходя, видела среди площади выстроенное наподобие капища здание с бесконечными пирамидками вдоль площа-

ди. Огромные красные шесты, украшенные красными лентами и гирляндами цветов с масонской звездой на верхушке, тянутся бесконечной линией вдоль улиц. Везде, куда не посмотришь — красно. Вся эта бутафория стоила, говорят, больше миллиона, а кому нужна эта безвкусица! Разве это не есть пародия столь осуждаемых старых порядков? В больнице появился приказ, требующий участия в празднестве всех служащих, кроме дежурных. Я себя освободила от этой обязанности, в виду ночного дежурства.

1-мая:

По случаю великого торжественного дня трамваи не ходят; и пришлось опять целый час тащиться пешком домой. Улицы уже с 8-ми утра переполнены народом и всевозможными депутатами. Все это строится в одну бесконечную процессию и под звуки музыки направляется со всех сторон к Соборной площади, где высочайшие власти и ораторы всевозможных организаций, живописно группируясь на ступеньках храма свободы среди пальм и цветов, намеревались возвестить освобожденному ими народу новую эру в истории человечества. Но, что бросается в глаза в этот день торжества большевистских людей, это отсутствие спокойных, довольных лиц, как обычно бывает у людей связанных одной общей идеей. Везде, куда не бросишь взгляд,— недовольные, мрачные, равнодушные лица. По-видимому столь восхваляемая свобода не осчастливила освобожденного от гнета народа...» [92].

Подобную запись мы находим и в «Окаянных днях» И. Бунина:

> «Два раза выходил смотреть на первомайское празднество. Заставил себя, ибо от подобных зрелищ мне буквально всю душу перевертывает. ...Возле Соборной площади порядочно народу, но стоят бессмысленно, смотрят на всю эту балаганщину необыкновенно тупо. Были, конечно, процессии с красными и черными знаменами, были какие-то размалеванные «колесницы» в бумажных цветах, лентах и флагах, среди которых стояли и пели, утешали «пролетариат» актеры и актрисы в оперно-народных костюмах, были «живые картины», изображавшие «мощь и красоту рабочего мира», «братски» обнявшихся коммунистов, «грозных» рабочих в кожаных передниках и «мирных пейзан», — словом, все, что полагается, что инсценировано по приказу из Москвы» [13].

Или же читаем у В. В. Розанова в его книге «Сумерки просвещения», воспринимающего в те времена социализм и революцию как непогоду:

> «А социализм — буря, дождь, ветер... Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе «Неужели он (социализм) был?» — И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?» — «О, да! И еще скольких этот град побил!!». ...В революции нет радости. И не будет».

Приведенные дневниковые цитаты написаны противниками советской идеологии, но атмосферу первых попыток организации массовой театрализованной пропаганды они передают весьма убедительно. Однако, история советских праздников и театрализо-

ванных представлений такая же большая, многоплановая и неоднозначная, как и вся история советского периода. Широко известны примеры ярких постановок массовых праздников и театрализованных представлений первых послеоктябрьских лет режиссерами Н. Евреиновым, К. Марджановым, Н. Петровым, С. Радловым и другими. И хотя к атмосфере «единого братства» эти постановки не приводили, но имели определенный пропагандистский эффект, а также породили множество последователей, что привело к массовому распространению творческих штампов. И, если по началу, на революционных праздниках массы были пассивным объектом воздействия, то со временем вырастали новые поколения на новых традициях с абсолютной верой в светлое коммунистической завтра и в непоколебимость правоты существующего строя. На праздниках советской молодежи в 30-е годы уже царила иная атмосфера — атмосфера энтузиазма, готовности к подвигу:

Аэроплан, аэросани,
Аэростат, аэроград...
Парит аэрочудесами
В столице аэропарад.

На обсужденье — стратосфера!
И под веселое «у-рра-а!!»
Листовки с надписью «аэро»
Ликуя ловит детвора.

Какая эра! Все — аэро!
Аэродух живет в груди,
И упоительная вера
Во все, что где-то впереди...

(*В. Коржиков*)

Задача «охватить массы» чаще всего встречается в контексте описаний организаций празднеств при тоталитарных режимах. «Охватить массы» выступало не только как цель, но и как средство, поскольку народу находящемуся в состоянии массовости, можно говорить все, что угодно, и «это останется как установка, заданная под гипнозом, все это неизгладимо и сохраняется вопреки любым разумным доводам» [71]. Активно использовали механизм массового социально-психологического заражения для формирования заданных мировоззренческих установок и робеспьеровцы, и ленинцы и гитлеровцы. Однако *если агитационно-пропагандистские установки якобинцев и большевиков были нацелены на сознание народа, то фашистская идеология на низменные инстинкты*. Политика революционеров базировалась на пропаганде классового единства, политика национал-фашизма — на пропаганде единства по крови. Отсюда и разные способы воздействия.

Фашисты будоражили массу, создавая атмосферу экзальтированного возбуждения на многотысячных торжествах, где аккумулятором выступал один человек, будь то Гитлер, Муссолини или Геббельс. Лидеры фашизма много говорили о «особой технике работы с массами», о «секретах овладения массами». Так Гитлер заявлял:

> «Некритичность масс имеет свои преимущества, но эта некритичность вовсе не такова, как ее представляют плоские мозги марксистов и реакционеров. Масса имеет свои органы критики, но они функционируют иначе, чем у отдельной взятой личности. Масса подобна животному, которое повинуется инстинктам. Она не обдумывает и не рассуждает, и если мне удалось запустить мотор самого большого

движения народов всех времен, то лишь благодаря тому, что я никогда не поступаю вопреки жизненным законам и мировосприятию массы. Это мировосприятие может быть примитивным, но оно прочно и неискоренимо, как все природные склонности. ... Схема массового мышления и восприятия очень проста. Все, что не подчиняется этой схеме, вызывает у массы беспокойство. Меня упрекали в том, что я будоражу массу фантазиями, что привожу ее в экстаз. Эти умники считают, будто наша задача — успокоить массу и держать ее в апатии. *Только взбудораженная* моими *фантазиями, масса становится управляемой* (выделено *Н.А.*). Апатично-немая масса — это величайшая опасность для любого общества. Апатия — это форма защиты массы, форма массового протеста. Протест сдерживается до тех пор, пока однажды не выплеснется в какие-нибудь совсем неожиданные поступки и реакции. Государственного деятеля не принимающего срочных мер при виде массовой апатии, нужно просто отдавать под суд! Я взбудоражил массу фантазией, чтобы иметь возможность сделать ее инструментом своей политики. Я разбудил массу!» [там же].

О действенности метода «будораженья масс» сообщал французский посланник, присутствующий на сборе гитлерюгендцев на берлинском стадионе «Олимпия»: «Когда появляется Гитлер, толпу сотрясает мистическая судорога, и первые возгласы, раздаются перед тем, как она выразит свою веру, напоминают рыдания. Эта фанатическая молодежь способна форсировать Маас и атаковать нас» [там же]. Этот процесс возбуждения массовой аудитории был не

спонтанным, а тщательно режиссированным самим фюрером, так есть свидетельства о том, что он перед своими выступлениями возбуждал себя Банденвейлеровским маршем, а в ходе выступления пользовался специальным пультом, нажимая на кнопки которого определял моменты требующие усиления света прожекторов, произведения фотоснимков, всплеска оваций и выкриков.

Ближайший сподвижник фюрера Геббельс, руководствуясь гетевским тезисом, о том, что «рассудок бессилен там, где господствует чувство», достиг такого постановочного искусства «в своих инсценировках нацистских празднеств, по сравнению с которыми представления кайзеровской империи казались жалкими спектаклями провинциального театра». В частности, выступая перед берлинцами в Спорт Паласе в феврале 1943 года, «он до такой степени лишил их рассудка, что все они — от главного режиссера государственного театра Генриха Георге, коммуниста до 1933 года и после 1945 года, до безымянной сестры из Красного Креста — с самоубийственной экзальтированностью реагировали на вопли министра о тотальной войне». Министр же, покидая трибуну, будто бы «очень холодно» сказал близким его людям» «это был час идиотизма; если бы крикнул: «Бросайтесь из окна», они сделали бы это» [95]. Вот одно из свидетельств этого выступления:

«Геббельс ... исступленно кричал в Спорт Паласе перед накаленной тысячной аудиторией фашистских активистов и различных «фюреров»:

— У нас две возможности капитулировать или вступить в тотальную войну.

Хотите ли вы капитуляции?

— Нет! Нет! — ревел зал.

— Хотите ли вы тотальную войну?

— Да! Да!» [70].

Лидеры фашизма свои выступления подкрепляли дальнейшим действенным рядом, в котором эмоционально возбужденные массы создавали атмосферу ликующего единения в шествиях и парадах, усиленную одновременными выкриками, забрасываниями своих вождей цветами. Простые действия огромных масс людей в эмоционально подогретой социально-психологической атмосфере превращались в мощное по силе зрелище, которое многократно закрепляло пропагандистский эффект ораторских речей. В планах Гитлера было расширение непосредственного влияния на людей еще в более крупных масштабах. В стенограммах застольных бесед фашистского вождя зафиксирована его цель увеличить крупнейший нюрнбергский стадион для партийных съездов так, чтобы он стал вмещать уже не 400 000 человек, «а, по меньшей мере, два миллиона» [65].

Механизм социально-психологического заражения используемый фашистскими идеологами только приобретал новую силу от экономии выразительных средств. Эти выразительные средства были лаконичны до предела — только факельное шествие, но оно ночное и нескончаемое, только выкрики «да» и «нет», но они всеобщи и несокрушимо одержимы, только костры, но это костры, горящих в огне книг, бросаемых туда с выкриками: «Нет Гейне!! Нет Маркса!! Нет Толстого!! Нет Брехта!! Нет Ремарка!! И т.д.». То есть методы сценарно-режиссерского воздействия были примитивны, но базировались на тонком знании человеческой психики и, в частности, массовой психологии, психологии толпы. Необходимая атмосфера порыва ликующего единения и готовности без рассуждений следовать за вождями, для реализации их идей, создавалась с помощью следующих способов:

- обезличивания массы людей, находящихся в едином пространстве и могущих одновременно и непосредственно воспринимать друг друга;
- ориентации на примитивные основы массового сознания;
- подчинения массы людей психопатологически возбудимой воле вожака;
- закрепления социально-психологического эффекта заражения всеобщим массовым действом с элементами театрализации.

Говорить о, подобного рода, манипулировании массовым сознанием в СССР было бы неверно, поскольку *культура массовых праздников страны Советов была нацелена на просвещение людей идеями ленинизма, а не на простое подчинение воли народа как делали идеологи фашизма*, создавая атмосферу «массового политически окрашенного психоза» [62, с. 394]. Поэтому мы можем говорить об использовании советской властью массовых праздников для агитационно-пропагандистских целей, но не о манипуляции с их помощью общественным сознанием.

> «В отличие от мероприятий национал-социалистов, советские праздники не проходили в атмосфере духовного опьянения и коллективного экстаза, это была школа дисциплинированного «энтузиазма». Требовались воодушевление ради дела, преданность вождю, энтузиазм для участия в крупных стройках социализма, но этот восторг оставался в строгих рамках, не переходя в состояние экстаза» [74, с. 304].

Массовая агитационно-пропагандистская деятельность в годы советской власти была очень разнообразна. Демонстрации, парады, шествия, фестивали,

публицистические театры, политические карнавалы и суды, движения «синеблузников», агитбригад и т.д. Безусловно, что какие-то элементы манипуляции массовым сознанием использовались в этой практике, однако к тотальному манипулированию никогда не сводилось. «Массовые зрелища родились из демонстраций. Большевики и здесь поставили все с ног на голову. Так, если в демократических обществах демонстрация — это форма проявления несогласия, то в советской России этот вид общественного волеизъявления сразу же был поставлен под партийный контроль и стал формой массового возмущения деяниями ее оппонентов — как внутри страны, так и за ее рубежами» [28, с. 332].

И агитационно-пропагандистские, и манипуляционные формы массового воздействия основываются на *механизме массового социально-психологического заражения*, основанном на передаче эмоционального психического настроя между тесно общающимися индивидами, который многократно усиливает передаваемые эмоции с увеличением числа людей. В том, почему и как меняется поведение человека в ситуации толпы, пытались разобраться психологи конца XIX и начала XX веков — Г. Тард, Г. Лебон, У. Мак-дугалл, З. Фрейд. Все они утверждали, что механика поведения толпы базируется на природных, стадных инстинктах человека, на заразительности чувств, на утрате человеческого индивидуального обособления, на повышения аффективности у каждого человека, который при этом испытывает приятные ощущения, сливаясь с массой и отдаваясь безгранично своим страстям:

> «Суть заключается в том, что заметные признаки аффективного состояния способны вызвать автоматический тот же аффект у на-

> блюдающего лица. Этот автоматический гнет будет тем сильнее, чем у большего числа людей наблюдается одновременно этот аффект. Тогда у индивида замолкает критика, и он дает вовлечь себя в этот аффект. Но при этом он повышает возбуждение других индивидов, повлиявших на него, и таким образом повышается аффективный заряд отдельных индивидов, путем взаимной индукции. При этом, несомненно, действует нечто вроде навязчивой идеи сравниться с другими, действовать заодно со многими. Более грубые и более простые чувствования имеют больше шансов распространиться таким путем в массе». Кроме того от массы исходят другие влияния — впечатления неограниченной силы и непобедимой опасности, новой авторитетности. «Склонная сама ко всему крайнему, масса возбуждается только чрезмерными раздражениями. Тот, кто хочет влиять на нее, не нуждается ни в какой логической оценке своих аргументов; он должен рисовать самые яркие картины, преувеличивать и повторять все одно и тоже. ... Все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в человеке как пережиток первобытных времен, пробуждаются для свободного удовлетворения влечений [91, с. 107–109].

И хотя о механизме социально-психологического заражения чаще говорят имея в виду поведение толпы, «неорганизованной массы» людей, этот механизм находит свое проявление и в ситуациях эмоционального накала среди спортивных болельщиков, фанатов разного толка, в солдатском строю и в эмоционально приподнятой атмосфере массовых празднеств. Тот же З. Фрейд писал, что

«массы способны под влиянием внушения и на поступки высшего порядка: отречение, преданность идеалу, бескорыстие. В то время как у индивида личная выгода является очень сильной, почти единственной двигательной пружиной, у масс она очень редко выступает на первый план. Можно говорить об облагораживающем действии массы на индивида» [там же].

Таким образом, механизм социально-психологического заражения может стать рычагом как пробуждения низменных стадных чувств человека, так и стимулятором проявлений возвышающих его гуманистическую природу чувств и поступков. Вопрос в том, в чьих руках оказывается этот рычаг.

На механизме социально-психологического заражения основан и способ воздействия на массы, названный хэппенингом (внерациональная форма театрализованного представления, использующая шоковые, манипуляционные приемы). Вот как, например, анализировал использование приемов хэппенинга советским агитационным театром М. Швыдкой:

«...у агитационного, пропагандистского театра, даже если он и использовал приемы хэппенинга, были свои цели и задачи, было мировоззрение, а не только мирочувствование. ... В отличие от хэппенинга, который ориентируется на легко адаптирующегося к обстоятельствам человека «чистого чувства» и «чистого действия», на конформиста по существу, которого предлагают «выбить» из привычных условий, чтобы навязать ему новые (в этом смысле хэппенинг ближе «тотальному» или «шоковому» театру), политический пропаган-

дистский театр предполагает, прежде всего, восприятие идей» [103].

Автор ведет речь идет о задачах политического театра, но, в сущности, у массовых праздников и представлений советской эпохи задачи были те же.

О необходимости внесения во все акты советских празднеств тенденциозного революционного характера писал и А. В. Луначарский. С позиций сегодняшнего времени смешно и нелепо звучат его призывы в контексте заявленной установки: «Во время шествий ... движущиеся массы должны явиться увлекательным зрелищем для неподвижных масс на тротуарах, на балконах...», «Хорошо, если в это влит будет просто безудержный непосредственный смех и т.п.» [46, с.204–205].

В. В. Набоков в рассказе 1936 года «Истребление тиранов» проникнутом ненавистью к серому, грубому и ограниченному поработителю своей русской родины И. Сталину ярко и саркастически описывает всенародный советский праздник:

> «В тот день праздновалось его пятидесятилетие, и уже люди выползали на улицы, черные как ноты, на фоне снега, чтобы вовремя стянуться к пунктам, где из них образуют различные цеховые шествия. ...За окном разгорался праздник, солнце обращало сугробы в искристый пух, над дальними крышами играл недавно изобретенный гением из народа фейерверк, красочно блистающий и при дневном свете. Народное ликование, алмазные черты правителя, вспыхивающие в небесах, нарядные цвета шествия, вьющегося через снежный покров реки, прелестные картонажные символы благосостояния отчизны, колыхавшиеся над плечами разнообраз-

но и красиво оформленные лозунги, простая, бодрая музыка, оргия флагов, довольные лица парнюг и национальные костюмы здоровенных девок — все это на меня нахлынуло малиновой волной умиления, и я понял свой грех перед нашим великим милостивым Господином. Не он ли удобрил наши поля, не его ли заботами обуты нищие, не ему ли мы обязаны каждой секундой нашего гражданского бытия?» [53, с. 628–629].

Атмосфера всех массовых праздников времен сталинской диктатуры пронизана диктатом большинства, но Набоков резонно констатирует что «неумолимая власть большинства, ежесекундные жертвы идолу большинства» — это закон, поставленный советским правителем-тираном, который «утратил всякий социологический смысл, ибо большинство это он».

Советские праздники должны были демонстрировать не только единство трудящихся масс, но и единство партии (ее лидеров) и народа, хотя, на самом деле, дистанция между народом и вождями была недосягаемой. Немецкий исследователь советских массовых праздников Рольф Мальте, обратил внимание на то, как эта недосягаемость («увидеть Сталина» — явление экстраординарное) «наложила свой отпечаток и на праздничную хореографию. Когда в дни праздников партийные деятели появлялись перед общественностью, то они выходили на трибуны, которые со временем становились все выше, а между ними и массой празднующих людей воздвигался все более непроходимый санитарный кордон» [74, с. 163]. Он же отметил и другую особенность характера массовых советских празднеств сталинской эпохи:

«Праздничное сообщество 1930-хх гг. было четко структурировано не только по верти-

кали, где различались «верхи» и «низы», но и по горизонтали в соответствии с критериями «передовой» и «отстающий». Кроме того, в советском празднике существовали такие знаковые понятия, как «внутри» и «снаружи». Праздничные мероприятия использовались для дисциплинирования корпуса массы и людей, его составляющей. Они несли в себе формирующий заряд, указывая каждому человеку подобающее ему место в социальной иерархии» [там же, с. 65].

Вместе с тем, надо признать, что в эпоху СССР были пионерские и комсомольские слеты, фестивали народов, праздники в парках и на стадионах, праздники трудовых коллективов и в честь трудовых свершений наполненные атмосферой подлинной радости бытия и возвышения над буднями. Не говоря уж о концентрированной атмосфере счастья в праздновании Великой Победы, или же об атмосфере торжества молодости и мира в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, в дни празднования полета Гагарина. О праздниках такого рода надо говорить отдельно как об особенных Взлетах Торжества.

В целом же новые советские обряды и праздники, особенно в пору жизни тех людей, которые выросли на дореволюционных традициях, не всегда создавали ту духовно-эмоциональную атмосферу торжества социалистических идей и сплоченного единства на которую были ориентированы. В тоже время советские режиссеры накопили большой опыт в создании массовых театрализованных празднеств. Многое из этого опыта вошло в копилку творческих удач режиссуры массовых зрелищ, но эти удачи были единичны и напрямую зависели от таланта их авторов, тогда как

общая картина, в частности, массовых политических праздников была весьма серой.

Остроумно и точно передал атмосферу подобных празднеств Дмитрий Шостакович в своем письме к другу:

«29.XII.1957. Одесса.

Дорогой Исаак Давыдович! Приехал я в Одессу в день всенародного праздника 40-летия Советской Украины. Сегодня утром я вышел на улицу. Ты, конечно, сам понимаешь, что усидеть в такой день дома нельзя. Несмотря на пасмурную туманную погоду, вся Одесса вышла на улицу. Всюду портреты Маркса, Энгельса, Сталина, Ленина, а также т.т. А. И. Беляева, Л. И. Брежнева, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, Н. Г. Игнатова, А. П. Кириленко, Ф. Р. Козлова, О. В. Куусинена, А. И. Микояна, Н. А. Мухитдинова, М. А. Суслова, Е. А. Фурцевой, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника, А. А. Аристова, П. А. Поспелова, Я. Э. Калнберзина, А. И. Кириченко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, В. П. Мжаванадзе, М. Г. Первухина, Н. Т. Кальченко.

Всюду флаги, призывы, транспаранты. Кругом радостные, сияющие русские, украинские, еврейские лица. То тут, то там слышатся приветственные возгласы в честь великого знамени Маркса, Энгельса, Сталина, Ленина, а также в честь т.т. А. И. Беляева, Л. И. Брежнева, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, Н. Г. Игнатова, А. П. Кириленко, Ф. Р. Козлова, О. В. Куусинена, А. И. Микояна, Н. А. Мухитдинова, М. А. Суслова, Е. А. Фурцевой, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника, А. А. Аристова, П. А. Поспелова,

Я. Э. Калнберзина, А. И. Кириченко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, В. П. Мжаванадзе, М. Г. Первухина, Н. Т. Кальченко. всюду слышна русская, украинская речь. Порой слышится зарубежная речь представителей зарубежного человечества, приехавших в Одессу поздравить одесситов с великим праздником. Погулял я, и не в силах сдержать свою радость, вернулся в гостиницу и решил описать, как мог всенародный праздник в Одессе.

Не суди строго.

Крепко целую. Д. Шостакович». [8].

Это письмо великого музыканта является ярким свидетельством того, как «с точностью до наоборот» выполнялись пропагандистские цели массовых празднеств. Заштампованные приемы воздействия не просто приводили к заштампованности сознания, а порождали циничное отношение к декларируемым идеям.

Кстати, следует заметить, что ношение портретов членов ЦК КПСС в праздничных колоннах было обязательным атрибутом первомайских и ноябрьских демонстраций в СССР. В связи с этим, вспоминается комичный с позиций сегодняшнего дня эпизод, произошедший в новогодние праздники 70-х годов брежневской эпохи. Эпизод, звучащий сегодня комично, чуть не кончился увольнением для заведующего отделом районного образования, поскольку произошел в одном из детских садов провинциального поселка. Дело заключалось в том, что работники детсада, формируя новогодние сладкие подарки для детей, не смогли найти для них приличной красивой упаковки. Нужна была хотя бы красивая бумага, но — дефицит! И воспитатели сообразили использовать лежащие без дела плакаты с изображением членов

политбюро, с другой стороны бумага-то классная, белоснежно-глянцевая и крепкая! Так вместе с карамелью и шоколадками ребятишки принесли домой изрядно помятые фотографии «выдающихся деятелей партии». Чудовищная провокация? Но времена были уже другие. Скандал замяли.

Недостаточность эмоционально-духовного наполнения и выразительности массовых празднеств были очевидны. Показательно в этом смысле письмо от 19 октября 1944 года А. К. Чалдымова (начальника главного управления учебными заведениями комитета по делам архитектуры) адресованное Сталину:

«Глубокоуважаемый
Иосиф Виссарионович.

Обычные формы проведения траурных и праздничных мероприятий, ограничивающиеся докладами и сценическими выступлениями, нельзя считать вполне отвечающими возросшим требованиям культуры нашего народа. Недостаточная торжественность, случайность программы, а также сама обстановка нередко при этом не отвечают величию празднуемых событий. Вместо глубокого духовного переживания отмечаемого события, которое должно бы надолго оставить след в памяти человека — патриота нашей страны, получается неудовлетворенность и досадный отпечаток неполноты торжества.

Особенно чувствуется у нас острый недостаток в формах выражения торжественно-радостных и торжественно-печальных личных событий в жизни граждан, потребность в которых совершенно очевидна. В то

же время всем известна огромная сила действия на чувства участников религиозных праздников и обрядов, которые могли волновать человека, воздействуя на его психику богатыми и разнообразными формами культа. Религия прекрасно учитывала потребность в душевных переживаниях человека и создавала посредством величественных обрядов соответствующие настроения и, тем самым, кроме того, воспитывала его в нужном направлении.

Нашей партией, с помощью школы, печати, производства, искусства, радио и т.п. в деле воспитания советского человека, проделана огромная работа. Однако до сих пор у нас еще недостаточно использовалось оружие, действовавшее непосредственно на человеческие чувства, до настоящего времени столь сильное оружие воздействия на человеческую психику как бы отдано в монопольное владение религии.

Годы Отечественной войны особенно выявили необходимость дополнить формы воспитательной работы, а также открыть доступ более полному, глубокому и торжественному выражению чувств радости, горя в личной и общественной жизни человека».

Безотлагательность предлагаемых мер обосновывается в письме кроме прочего обострением критики советских торжественно-траурных событий, в равнении с «богатством и разнообразием форм религиозного культа». Далее автор выдвигает целую серию предложений для реализации своей программы. В частности, для проведения

«народных празднеств, революционных торжеств, событий личной и общественной жизни граждан» учредить «КУЛЬТ СВЯЩЕННОЙ РОДИНЫ со специальными обрядами и театрализованными представлениями, которые будут происходить в специальном сооружении «ХРАМЕ СВЯЩЕННОЙ РОДИНЫ», где одним из выразительных средств должен стать КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН» (заглавными буквами выделены слова автором письма — Н.А) [50].

В марксистско-ленинскую идеологию пытались «вмонтировать» элементы религии, придать ей новые жизненные силы. При жизни Ленина попытки создать «социалистический тип религии» не удались, не удались они и позже, когда в ходе Отечественной войны власть была вынуждена обратиться к традиционным православным ценностям своих граждан. «Скрещивания» обычаев христианства с новой идеологией не получилось, и не могло получиться.

«Отношение социализма к религии совсем не похоже на безразлично-скептическую позицию, характерную для человека, утратившего интерес к религии. В применении к людям захваченным социалистическим мировоззрением ... термин «атеизм» неудачен, он вводит в заблуждение, следовало бы говорить не об атеистах, а о богоненавистниках, не об атеизме, а о теофобии. Таково, в частности, страстное, напоенное ненавистью отношение социализма к религии» [101, с. 151]. К примеру, лозунгами майских торжеств в советском Харькове были такие: «Долой пасху, да здравствует 1-е мая!», «Антисемитизм, религия и водка — наследие буржуазного строя. Сметем это «наследие!». При этом организаторы утверждали, что «первомайские торжества конструируются преиму-

щественно в антирелигиозном и, в частности, в антипасхальном разрезе».

Вместе с тем, советские люди того времени, воспитанные в традициях православия не могли не обратить внимание на «примирительные» попытки атеистической власти. В частности, на знаменитое радиообращение Сталина в начале войны к гражданам СССР, начинается с традиционного церковного обращения «Братья и сестры...». Или же на символическое использование белого коня с всадником Георгием (маршал Георгий Жуков) в параде Победы. Верующие люди хорошо знали, что День святого Георгия Победоносца предшествовал Дню Победы (6 мая), что он небесный покровитель Российской столицы и русского воинства, что «Георгиевский крест» был на Руси символом солдатской доблести. Неверующее новое поколение, воспитанное в атеизме, в свою очередь, вводили в заблуждение, что, мол, нравственные законы христианства и социализма чуть ли не идентичны.

Любой подлинный праздник мировоззренческий, а религиозный в особенности. Тоталитарные вожди отлично понимали объединяющую роль религии, но если Сталин в годы Великой Отечественной войны прекратил гонения на церковь, то Гитлер, при некотором послаблении, напротив, призывал «в любом случае избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге. Даже если таким образом жители отдельных деревень станут, подобно неграм или индейцам, приверженцами магических культур, мы можем это только приветствовать, поскольку тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще более усилятся» [65, с. 198].

В основе воздействия на обезличенную толпу (а в тоталитарных обществах нет речи о массе людей как о совокупности индивидуальностей), лежит также метод формирования единого мощного эмоционального настроя толпы с помощью определения ее противника — врага этой толпы — действительного или вымышленного. Так социолог Б.Ф. Поршнев писал о том, что толпа превращается в общность благодаря общему настрою — «против них». Однако *атмосфера подлинного праздника не может быть связана с образом врага, она насквозь миролюбива*. В атмосфере подлинного праздника всегда есть место индивидуальности и осмысленному осознанию содержания торжества, тогда как толпа — сфера бессознательного. Поскольку природа праздника мировоззренческая, именно через праздник во все века властители и политики пытались воздействовать в своих интересах на мировосприятие масс, кто-то с агитационными, кто-то с манипулятивными целями. Чаще всего они ломали подлинную природу праздника, внося в его атмосферу доминирующее настроение «против»,— например, против буржуев, кулаков, попов и т.д. Сегодняшние политики тоже пытаются использовать специфическую атмосферу массовых празднеств как средство управления общественным сознанием. Для этого чаще используют харизмы популярных артистов и спортсменов, реже, как лидер ЛДПР В. Жириновский, свой потенциал заразительности. Подобные массовые празднично-зрелищные акции достигают каких-то определенных пропагандистских целей, но до целей манипулирования общественным сознанием им далеко (здесь больше возможностей у средств массовой информации).

Массовые акции с праздничной атмосферой в современном обществе активно используются также

многочисленными религиозными и коммерческими сектами с той же целью манипуляции человеческим сознанием и как средство вовлечения в свои ряды новых адептов.

Неискушенный человек не увидит ничего предосудительного в театрализованных массовых действах, собирающих многочисленную аудиторию во дворцах культуры и спорта под эгидой всевозможных религиозных и «духовных» движений, поскольку они, на первый взгляд, пропагандируют общечеловеческие этические ценности. Их апологеты буквально купают в праздничной атмосфере любви всех новичков. Хорошие слова, красивые песни, всеобщее ликующее братство, бесплатные книги о нравственном, бесплатные угощения — что здесь плохого и опасного? К сожалению, о жертвах этих «объединяющих» празднеств знают только их близкие. Попавшие в сети подобных массовых праздничных воздействий теряют способность осознавать, что они стали жертвами манипуляции. Манипуляционное воздействие осуществляется в религиозных и коммерческих сектах в целенаправленно создаваемой праздничной атмосфере всеобщей любви. Такая атмосфера создается с помощью применений метода «бомбардировки любовью» и механизма социально-психологического заражения, активно действующих в эмоционально-приподнятых ситуациях массовых праздников. Манипуляторы активно используют массовые собрания в крупномасштабных помещениях, организовывают шествия по улицам. Оказавшись в ауре искусственно созданной атмосферы позитивно приподнятого настроя (что является одной из определяющих характеристик любого празднества), подвергнутые манипуляции с готовностью принимают все тезисы провозглашенной организаторами идеологии. Большая часть выдаваемой

ими информации действительно носит безобидный и даже позитивный с общечеловеческой точки зрения характер, но сквозной нитью через эту информацию тянется сверхзадача совершенно иного характера. Цель этих «благочестивых» массовых кампаний, использующих приемы праздничной театрализации одна — полностью подчинить себе духовную природу человека, получить абсолютную власть над его душой. «Любая религия похожа на огонь: он согревает жилище, помогает жить в местности, иначе непригодной для обитания, но он может это жилище и сжечь, на нем можно сжечь и человека». [101, с. 308].

Проповедуя на словах всеобщее братство, на деле эти «пирамиды», «общества», секты, внедряют убеждение — кто не с нами, тот против нас. И, проникнувшись этим убеждением, новообращенный рвет отношения с друзьями, соседями, родителями. Становится чужим среди своих не только в близком круге отношений, но и в гражданском обществе в целом. Традиционные религиозные российские конфессии проповедуют заповедь «чти мать и отца своего», возносят молитвы за предков, за павших за Отечество воинов, за землю российскую, сохраняют и укрепляют сложившееся единство семьи и общества, в то время как секты и подобные им структуры разрушают это единство. Разрушают не только тем, что проповедуют другие ценности, но и прямым противодействием возможности единения людей с помощью исконных и исторически сложившихся праздничных традиций народа. Так, например, у псевдохристианской секты «Свидетели Иеговы» строго запрещается следовать следующим традициям нашего общества: «Приветствовать флаг, главу государства или другие государственные символы», «размахивать флажками либо принимать участие в любых национальных празд-

никах каким-либо другим способом», «праздновать дни рождения», «произносить тосты на свадьбах или иных праздниках», «праздновать Рождество, Пасху, дни святых и тому подобные праздники, «отмечать военные праздники и дни воинской славы» [26].

Искусственно создавая атмосферу приподнятости и всеобщей любви в массовых акциях религиозные и коммерческие сектанты умело манипулируют человеческим сознанием, находящимся на пике позитивно-эмоционального возбуждения. К примеру, последователей коммерческой секты «Гербалайф» (в настоящее время угасшей ввиду смерти ее создателя) оглушали музыкой, заражали приплясыванием, подпрыгиванием и скандированием — то есть самым примитивным образом создавали атмосферу приподнятого настроения. После внезапно наступившей тишины на сцену поочередно выходили люди с краткими приветствиями в одинаковой манере, а затем, по свидетельству очевидцев, звучал «блок хороших новостей». «Чудодейственное средство работает (творит чудеса), а вы входите в число избранных, которым это средство наиболее доступно. Какой драматургический строй! — оглушили, завели и обнадежили! Но это еще не все — кульминацией является череда «посвященных» на сцене: «У меня был туберкулез (или язва, или половина печени отрезана), гайморит, радикулит и инфаркт миокарда, а сейчас я начал принимать Продукт, принимаю его три недели — и посмотрите какой я! Я уже абсолютно здоров! Кроме того, я стал в три раза умнее и энергичнее прежнего! Наконец-то у меня началась абсолютно новая жизнь! И это благодаря продукту! Человек говорит все громче, подпрыгивает. Приплясывает, а один из них даже завопил, вздымая руки: «Спасибо тебе, Продукт! Ты изменил мою жизнь. Это здорово! Это великолепно! Это потрясающе!» [39].

Типичен и следующий пример, когда «духовный» пастор бросает один за другим вопросы в многолюдный зал, требуя утвердительных ответов, и хоровое согласное «да!» отвечает ему всякий раз, поскольку вопросы риторические. Доведя аудиторию с помощью ее же эмоционально-волевых «да!» до гипнотического экстаза, духовный вождь дает ей установку, в которой заинтересован, заложенную им в добавочном вопросе, на который публика отвечает по инерции утвердительно. И если в известной детской игре, использующей подобный инерционный прием, после коллективного утвердительного ответа на вопрос «растут ли на елке подушки пуховые», дети весело смеются над своей допущенной оплошностью, то во взрослых «играх» этот номер проходит всерьез, поскольку готовится всерьез серьезными психологами-манипуляторами.

Социально-психологическая атмосфера подобных сборищ с использованием простейших человеческих инстинктов, закономерностей психического поведения толпы, и создание такой атмосферы преследует одну цель — заставить массы людей перестать критически мыслить, анализировать и рассуждать, чтобы подвергнуть их сознание манипуляции.

Содержательное наполнение праздничных программ, их монтажное, композиционное и образное решение, способы организация действия, зрелищного ряда и другие способы сценарно-режиссерской организации празднеств могут сами по себе оказывать мощное влияние на сознание человека, но доминирующим фактором этого воздействия является преобладающий ситуативный эмоционально-психический настрой празднующей общности, и аура массового социально-психологического заражения.

Использование эффекта социально-психологической атмосферы массовых праздников для агита-

ционных и пропагандистских целей в гражданском обществе не только возможно, но и необходимо, ведь гражданские праздники не просто выражают чувства народа, но и формируют их. Манипулятивные же цели недопустимы не только с этических позиций, но и потому, что они противоречит подлинной природе праздника, которая предусматривает освобождение сознания от пут всяческих догм, дает полную свободу человеческому духу, человеческому разуму. Праздник — это сфера свободы. У режиссеров праздников есть счастливое право помогать рождению и проявлению такой свободы, а не ее подавления. Однако знать о возможной опасности и механизмах манипулирования общественным сознанием с помощью использования эффекта праздничной атмосферы необходимо.

Контрольные вопросы и задания

1. На чем основан механизм массового социально-психологического заражения?
2. Что общего в приемах агитационно-пропагандистских и манипуляционных форм массового воздействия и чем они отличны друг от друга?
3. Дайте определение понятия хэппенинг.
4. Какие приемы массового воздействия свойственных празднику используют религиозные и коммерческие секты с целью манипуляций человеческим сознанием?
5. Почему манипулятивные приемы массового воздействия противоречат подлинной природе праздника?

§ 3. Проблема и необходимость сохранения национальных праздничных культур

Каждый народ обладает устойчивым духовным образованием — менталитетом, в основе которого и национальный характер, и национальное мироощущение. Менталитет формируется веками и тесно связан с коллективным бессознательным. В атмосфере народных праздников (здесь понимаемых в самом широком смысле, т.е. не только народно-мифологические, но и гражданские, и религиозные, и светские праздничные традиции присущие народу) наиболее полно выражается менталитет и коллективное бессознательное любого народа, его национальное лицо. Поскольку менталитет является не материализуемой составляющей традиций, задача сохранения национального лица и сохранения праздничных традиций народа представляются звеньями одной цепи. Это не музейная сохранность, а сохранение живой жизни непрерывно развивающейся культуры, которая всегда глубоко национальна.

Великой ценности *национального лица* посвятил свою речь на торжественном собрании Петербургского университета в 1922 году Питирим Сорокин. Он говорил о том, что и в Московской Руси было много хорошего, что «было смято иноземными ботфортами Петра», что хорошее было и в более близком прошлом, и что «пора оценить это ценное, заботливо поднять его семена и оживить силою мысли и напряженного труда»:

> «Пора понять, что всякая попытка отказаться от своего лица приводят либо к безличности, либо к искажению этого лица и к превращению его в истоптанный каблуками прохожих бесформенный кусок мяса, с синя-

ками, порезами и ранами. Если мы не хотим этого, пора отказаться от «чурания себя», пора исправить грех наших отцов. Нужно это сделать и потому, что международное братство мыслится не как братство безличных общественных организмов, а как братство народов, т.е. групп с определенным лицом, а не с гладким и пустым местом» [81].

Не только эпоха Петра, но и эпохи революционного XXвека (от Октября до «перестройки») были насквозь пропитаны этим «чуранием себя». В частности, это проявлялось в активном насаждение новых чуждых и даже чужеродных праздничных традиций. Их распространение в современной России вовсе не безобидное явление, каковым кажется на первый взгляд. Чужеродные традиции распространялись не сами по себе, они насаждались. Во времена перестройки, во времена социального раскола, этот процесс «насаждения» был особенно интенсивен. Одна из причин этой интенсивности чисто коммерческие интересы. На это указывает в своем диссертационном исследовании О. Л. Орлов, он прямо говорит о коммерческом успехе Дня святого Валентина, о насаждении Дня святого Патрика. *Традиционные праздники народа с присущим им единством социально-психологического настроя — базовая ценность культуры, символы национальной консолидации, культурной преемственности, идентичности, они помогают сохранить иммунитет против экспансии ценностей других культур*. Однако эта экспансия подчас осуществляется через властные верхи государства. «Установленный впервые, всякий праздник непременно отрицает старый порядок и кодифицирует новый» [61, с. 120].

Об опасности «доминирования власти над традицией» когда каждый новый властитель «вертит культурную систему на свой лад», манипулируя общественным сознанием, предупреждает современный исследователь Г. Е. Васильев. Он пишет о традициях как символически оформленном пути к спасению человеческой души, как об эстафетной палочке Культуры, хранительницах неизрекаемого опыта предков, смыслов бытия, о том, что без них человек быстро развращается, начинает презрительно относиться к своей культуре и превращается «в сущее быдло»: «У нас же Власть то и дело рвет слабенькую, подточенную традицию — и рвется тетива, и — само древко обвисает бессильно, и «стрела» развития не летит: «разруха», «реформы», «революции», надрыв — и разрыв» [14, с. 80–81].

Васильев видит основной способ отрыва человека от его культурной почвы в изменении его языка, который определяет, во многом его культурное своеобразие. Нам же видится, «дом бытия человека» в его священном времени — праздниках. *Внедрение чужеродных праздничных традиций в сознание людей одного социума, это катастрофа вселенского времени, крах национальной идентичности народа.* «В народной праздничной культуре человек учится радоваться, сопереживать. Он приобщается к духовному опыту переживания чувства единства с другими людьми. На этой основе развивается и крепнет нравственный идеал. Для того, чтобы представления о добре и зле, о любви к Родине и людям были жизненны, они должны существовать в конкретных образах и символах, уходящих корнями в древнюю культуру человечества» [18, с. 311]. Мы бы добавили в древнюю культуру праздников своего народа, образы и символы которых передавались из поколения в поколение.

Видный британский ученый А. Дж. Тойнби утверждал, что человек не способен «заморозить» «какие бы то ни было элементы своей культуры — например, обычаи, идеи, идеалы», что «культура в отличие от природы настолько гибкая, нестабильная и неустойчивая субстанция, что, даже если передающее и принимающее поколения задумали сохранить культуру общества неизменной, она все равно изменится в процессе передачи, несмотря на единодушное стремление сохранить ее статичной» [85, с. 321]. Видоизменяются и традиционные праздники, которые окажутся мертвы без обновляющей силы сосредоточенного вокруг себя силы коллективного творчества. Они не могут не впитывать, не перенимать и праздничные традиции соседствующих народов. Культурологический анализ социокультурных доминант российских праздников, основанных на взаимодействии языческой, западноевропейской и древнерусской традиций проведено диссертационном исследовании О. О. Лихачёвой. Однако все эти процессы взаимовлияния и взаимодействия органичны, поскольку происходят постепенно и естественно, не уничтожая самобытность праздничной жизни конкретного народа. Тот же Тойнби пишет:

> «Наше исследование со всей очевидностью показывает, что внедрение чуждой культуры есть процесс болезненный и тяжелый; при этом инстинктивное противодействие жертвы инновациям, грозящим разрушить традиционный образ жизни, делает этот процесс еще более болезненным, ибо сопротивляясь первым уколам чужого культурного луча, жертва вызывает лишь его дифракцию — расщепление на отдельные элементы, — после чего неохотно допускает наиболее мелкие, казалось

бы, незначительные и поэтому не столь разрушительные из всех для нее ядовитых элементов чуждой культуры в надежде, что на этом сумеет остановить дальнейшее вторжение; однако же, поскольку одно неизбежно влечет за собой другое, жертва скоро обнаруживает, что приходится по частям принять и все остальные элементы вторгшейся культуры. ...общество, обожженное радиацией более мощной незнакомой культуры, должно либо принять этот новый образ жизни, либо погибнуть» [там же, с.187].

Время перестройки в нашей стране это время интенсивной пропаганды и даже насаждения чужеродной культуры, в том числе и праздничной. И чем интенсивнее шла критика прошедшей отечественной истории, а также пропаганда зовущая к полной модернизации всей жизни бывших граждан СССР, тем сильнее проявлялась тяга к родовой памяти, потребность в опоре на традиционную культуру, возник как бы своеобразный инстинкт самосохранения народа. Необходимость возрождения культурных традиций стала осознаваться. О том, что глубоко национальное равно вселенскому, что пока народ не дает глумиться над своими святынями, он имеет шанс на развитие, активно пишут О. И. Даниленко, М. И. Воловикова. В частности, они акцентируют внимание на то, что уменьшение роли культурных традиций грозит не только утратой психического здоровья людей, но и самого народа.

Проникновение чужеродных традиций может идти и через иностранные корпорации. Так доктор социологии Л. Н. Вдовиченко обращает внимание на то, что на Чукотке владельцами многих предприятий являются корейцы и японцы: «И те, русские, кто там

работает, вынуждены подчиняться их культурным приоритетам: работают по праздникам, когда в России не работают. И отмечают те, которые характерны для владельцев предприятий,— День Императора, например. То есть постепенно меняются мировоззрение и культурные установки тех людей, кто попадает в сферу деятельности японского, китайского или корейского бизнеса. Идет культурная привязка. ...Это очень настораживает!» [49].

Стремление защитить «право на свои праздники» мы встречаем еще в русском фольклоре. Так в известном своде русских сказочных сюжетов А. Н. Афанасьев опубликовал следующий народный анекдот:

> «Был в одной помещичьей деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя».— «Какой праздник ты выдумал?» — Да святого Николы, батюшка!» — А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну, это доска! — говорит немец.— Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник».— «Какой праздник?» — «Да преподобного шерстня».— «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь,— говорит немец,— как песни-то распевает! Али водочки хлебнул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай! — закричал он во

всю мочь. — Право слово — не велю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют» [54, с. 432].

Праздники — «не будни» у всех народов. Это иная жизнь и люди ведут себя по-иному. Порой в праздниках трудно узнать вдруг ставших расточительными непритязательных в обыденной жизни японцев, или в разнузданном карнавальном веселье привыкших к строгому порядку немцев. То есть в атмосфере праздника могут проявляться такие черты национального характера, которые в обычные дни могут быть скрыты.

Праздники народа, нации живут по своим законам, сохраняют свои традиции веками и тысячелетиями, они связывают поколения, дают ощущение стабильности, вечности бытия, и в их атмосфере наиболее полно и глубоко раскрывается менталитет народа и его единство. В то же время становятся традиционными праздничные фестивали разных национальных культур, или же привлечение к участию в гражданских праздниках представителей разных национальных диаспор, в которых демонстрируется многоцветное богатство культур, и укрепляется единство народов одной страны, одной планеты. Однако попытки провести, например, межнациональную свадьбу (далеко стоящих друг от друга культур) не удаются. В частности, одна из организаторов свадьбы русской девушки и японца делилась следующими впечатлениями: «Гостей было примерно поровну, русских чуть больше. Получилось не совсем по-древнерусски, как изначально задумывалось. Ломали голову, конечно, как сделать все по русским обычаям и доступно объяснить японцам, для чего им необходимо откусывать каравай, да еще и соленый... Мы постарались использовать какие-то межнациональные обычаи. ...Тут разная специфика культур. В целом, не

очень для нас русских интересно. ...Совсем уж старинного обряда не получилось, расписались в русском загсе, потом поехали в ресторан. Там гостей встречал русский ансамбль с балалайками, дудками. Переводчики, конечно, очень старались, но японцы все равно оставались отстраненно вежливыми». [40].

В разных национальных культурах похожие, на первый взгляд, праздничные традиции могут иметь разное эмоционально-смысловое содержание. Так Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский обратили внимание на то, что «в западноевропейском карнавале действует формула «„смешно — значит не страшно“, — поскольку смех выводит человека за пределы того серьезного средневекового мира, где он делается жертвой социальных и религиозных „страхов“ (запретов)» а в аналогичных русских святочных и масленичных обрядах — «смешно и страшно», поскольку они позволяют проникнуть в заповеданные области мира, «туда, где серьезное пребывание было бы равносильно гибели» [61, с. 132].

Современная действительность все чаще отбрасывает «рутину» старинных обрядов и ритуалов, видя в них ненужные и отжившие явления не соответствующие новому времени. Говоря об этом процессе исчезновения обрядов как о большой утрате видный итальянский журналист и всемирно известный писатель Тициано Терцани, объездивший полмира с сожалением и болью писал:

> «Ритуалы. Каким ужасом, отчаяньем и пустотой оборачивались все попытки отрицать их силу. Китай утратил большую часть своего прекрасного древнего духа, когда коммунисты попытались уничтожить древние обряды. Россия, после семидесяти лет советского строя, полностью стершего духовность наро-

да, теперь стала открытой для американских протестантских сект, приняла, как собственные их ритуалы.

А мой западный мир? В погоне за сугубо светской, материальной идеей индивидуальной свободы мы бросили вызов древней традиции, высмеяли все символы веры, отменили все обряды — и тем самым изгнали из нашей жизни тайну, следовательно и поэзию.

Вот только на месте разрушенного ничего толкового не возникло, там и по сей день одна тоскливая пустота» [84].

Очень важен еще один существенный аспект поставленной проблемы сохранения духовного здоровья нации посредством сохранения самобытности его праздничных традиций. Праздники являются связующей нитью поколений, а, как утверждают группа ученых нью-йоркского университета под руководством Стива Цейтлина «чем длиннее цепочка, связывающая нас с прошлым, тем шире границы нашего личного времени», то есть, чем дальше та далекая точка в прошлом, откуда человек ведет свою родословную, с которой он чувствует тесную связь в своей жизни, чем больше «времени у него за спиной», тем более такой человек зрел, тем яснее его жизненные ориентиры, тем более он уверен в себе, тем менее боится смерти: «Пара — тройка веков под боком дает возможность думать о вечном без страха» [77]. *Праздники, веками сохраняя традиции народа, являют собой самую прочную связующую нить поколений пронизывающую эпохи и времена* и, несмотря на социальные и природные катаклизмы, представляют собой незаменимую духовную опору — веру в стабильность бытия в нашем столь шатком мире. Атмосфера праздничного оптимизма, дающая заряд для

обновления жизни, для радостного обновления жизненных сил народа, не может существовать без ощущения незыблемости и неразрывности этой нити.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему важно сохранять самобытность праздничных традиций каждого народа?
2. Какую опасность таит в себе искусственное насаждение чужеродных традиций в культуру исторически сложившегося социума?
3. Назовите известные вам праздники, которые, по вашему мнению, искусственно насаждаются в нашей стране.

ГЛАВА II

ПРАЗДНИКИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

§ 4. Массовые праздники и театрализованные зрелища Древней Греции

Нельзя понять праздничную культуру древних греков не осмыслив менталитет народа, жившего тысячелетия назад. В частности, древним эллинам был свойственен *дух агонистики* (соревновательности). «Агония» с греческого означает — «борьба». Казалось бы, этот дух свойственен всем людям, ан нет. Например, австралийским аборигенам он абсолютно не свойственен и его специально культивируют на уроках физкультуры австралийских школ. Но дело не столько в природной предрасположенности или не расположенности какого-либо человека к состязательности, а в том, что духом агонистики была пропитана вся культура Древней Греции. В частности, не только боги в греческой мифологии между собой вступают в соревнования, с богами не боятся состязаться и простые смертные. Дух состязательности присутствует, в той или иной мере, и во всех праздниках Древней Эллады.

Праздников у древних греков было много — весны, певцов, различных ремесел и т.д. У каждого праздника был свой божественный покровитель, в честь которого и проводилось празднество. Но самы-

ми яркими явления эпохи в этой сфере жизни были празднества в честь Диониса, Афины и Олимпийские игры. Об этих празднествах написано достаточно много — в научной, учебной и популярной литературе. Мы сфокусируем внимание на основных и особо интересных и малоизвестных фактах, а также определим те направления в теме, на которые студенты должны обратить особое внимание.

Дионисийские праздники: *Малые Дионисии, Ленеи, Анфестерии, Великие Дионисии*. Это система праздников, справляющихся в течении года, и отражающих в себе этапы процесса выращивания винограда, его сбора, давки, пробы вина и пр.

Праздник проходил в честь бога Диониса. Дионис (Дионисий), он же Вакх, он же Лисий, он же Бахус (в Древнем Риме) — бог плодородия, растительности, виноградарства, земледелия, вина и веселья, бог умирающей и возрождающейся, распускающейся природы. С дионисийских празднеств ведет свое начало история таких явлений и понятий как *карнавал, театр, оркестр, дифирамб, трагедия, комедия, зрелище, амфитеатр* и т.д. Например, словом «карнавал» греки называли корабельную колесницу, на которой везли из древнего святилища в храм близ рощи Академа деревянное изображение Диониса, за которой шли вакханки с тирсами[1], сатиры в козлиных шкурах, распевающих козлиные песни, вели приготовленных к жертве козлов («трагедия» — козлиное пение), шумная и хмельная толпа («комос») с измазанными винной гущей лицами, в масках («комедия» — песнь комоса). Это была *вакханалия*, как мы и по сегодня говорим о безудержном, выходящем за рамки прили-

[1] Тирс — жезл Диониса, увитый плющом, виноградными листьями, увенчанный еловыми шишками

чий веселии. Вино лилось рекой, но оно разбавлялось водой — на две трети и более! В дни праздника никто не работал, отпускали на поруки узников и никого не арестовывали, не взыскивали долгов, не оскорбляли. Наказания за не соблюдения правил праздничной жизни были суровыми, вплоть до смертной казни. Весь праздник носил характер огромной игры.

Малые (Сельские) Дионисии (первая проба вина). По сказаниям, Дионис научил жителя Древней Эллады Икария разводить виноград и делать вино, тот напоил им пастухов, а они, опьянев, посчитали себя отравленными и убили Икария. Его дочь Эригона повесилась над трупом отца. В честь Эригоны для девочек в дни Малых Дионисий устраивались качели, а мальчики соревновались в том, кто дольше удержится, стоя на одной ноге, на тугом бурдюке с вином, смазанным маслом.

На Малые Дионисии, приуроченные к первой пробе вина, процессия ряженых, ведущая козла на жертвенник, поливала друг друга молодым вином и пела дифирамбы в честь Диониса.

Афинские Ленеи (время давки винограда) тоже представляли торжественное, но еще более пышное шествие со статуей Диониса на корабельной колеснице (Дионис прибыл в Афины на корабле), что в совокупности называлось карнавалом. Шествие заканчивалось принесением жертв в афинском храме Диониса и богатыми пирами. Ставились первые театральные постановки (VI век до нашей эры).

Анфестерии или Антестерии (время открывания бочек со зрелым вином). Три весенних дня были посвящены цветам, детям, мифологическим персонажам и памяти умерших. «День горшков» (горшки с вареными плодами относились на могилы близких или ставились перед скульптурными изваяниями).

Великие Дионисии. Программа мартовских Великих Дионисий, продолжавшихся шесть дней, состояла из трех основных частей:

1. Ритуальная часть (торжественное шествие и жертвоприношение)
2. Гражданская часть (игры, состязания)
3. Зрелищная часть (театрализованные представления).

Праздничное шествие переносило статую Диониса из храма в священную рощу, где воздавали богу почести, а после захода солнца возвращали статую в город, устанавливали ее на специальной площадке и приносили Дионису в жертву козла.

В ходе зрелищной части Великих Дионисий происходила театрализованная схватка хоров из разных районов города. Каждое выступление было построено по определенному сценарию на современные темы сатирического содержания, которым руководили зачинщики (авторы сценариев) — прямая ассоциация с современным театрализованным игровым шоу, называемым КВН. Театральные представления первоначально тоже проходили соревновательно — чья пьеса и постановка лучше. 534 год до н.э — год первой постановки трагедии Эсхила принято называть годом рождения театра. Театральные постановки предварялись церемониями официального характера — награждениями, славословием, жертвоприношениями и угощениями.

Праздники и праздничные зрелища поначалу проходили в естественных декорациях природы. Так долгое время естественным амфитеатром для древних греков были склоны гор. Прошли века, прежде чем стали строить специальные архитектурные сооружения для массовых зрелищ — амфитеатры, театры, стадионы, цирки и.д. Одним из первых таких архи-

тектурных сооружений стал знаменитый афинский театр Диониса, возведенный в V веке до н.э., вмещающий более полутора тысяч зрителей. Театральные постановки там проходили и на Великие, и на малые Дионисии. Древняя Эллада дала начало массовому строительству одеонов, которые в отличие от первых театров имели крыши.

В дни и ночи праздника танцевали, соревновались в пении, игре на кифарах, сочинении рапсодий, в красоте, питии вина, играх, шутках и т.д. Награды подчас были символическими — проигравший хор отдавал принесенные с собой сыр и лепешки победившей команде. Дома с ритуальными песнопениями обходили юноши с украшенными ветвями оливы или лавра. Украшения были из фруктов, лент и сладостей.

С Дионисийских праздников началось серьезное отношение к праздничной культуре, которой была посвящена специальная наука — *эортология*.

Наряду с Великими Дионисиями особо почитался ежегодный праздник в честь Афины Полиады (городской) — *Панафинеи*. Афина — главное божество страны и одноименного города. Богиня мудрости, неба, плодородия, военной мощи, подарившая грекам законы, научившая строить корабли, обуздывать коней и запрягать быков, делать колесницы, производить оливковое масло. Афина считалась покровительницей наукам, музыке, поэзии, врачеванию и ремеслам, ей посвящались земледельческие праздники и почитали наравне с Зевсом. Раз в четыре года (третий год после Олимпиады) проводились *Великие Панафинеи* — праздник государственной мудрости. Самым ярким моментом празднества была *помпа* — торжественное шествие, центром которого становился *пеплос* — тканое покрывало (или платье) в дар богине с изображениями ее подвигов, прикреплен-

ное на время шествия к мачтам священного корабля, которое катили на колесах к Акрополю. В шествии, в торжественном облачении и с дарами богине, шли все жители Афин и почетные гости города, а также, предназначенные для последующего жертвоприношения сотня быков. Пеплосом обряжали деревянную статую Афины в храме Эрехтейон, а потом был всеобщий пир, где раздавалось мясо жертвенных животных. В ходе праздника состязались легкоатлеты, наездники на колесницах, чтецы и музыканты. Яркими зрелищными моментами празднества были танцы воинов в полном вооружении и ночные соревнования в беге с фонарями.

Спортивные состязания в Древней Греции отнюдь не ограничивались Олимпийскими играми. Их было множество — *Пифийские, Немейские, Истмийские* и другие, но самыми-самыми были, конечно, игры у горы Олимп, посвященные Зевсу. Изначально Олимпийские соревнования были элитарного характера, в них принимали участие те, кто претендовал на совершенство духа и тела. Если на *древних Олимпийских играх* наградой победителю были оливковый венок (символ мира), (символ доблести, триумфа, служителей Аполлона, пророчеств), то на других играх это могли быть венки из сосновых веток, сельдерея, виноградной лозы или просто яблоки. Традиционно победителям было принято вручать также пальмовую ветвь. Именно бескорыстием поражали спортивные игры иноземцев, даже враги греков говорили своему полководцу: «Против кого ты ведешь нас в бой, ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести!». Олимпийская программа традиционно шла в течение пяти дней (поначалу один день и только в беге). Начиналась она с ритуала жертвоприношения на алтаре Зевса и присяги судей, участников соревно-

ваний и их ближайшего окружения на готовность состязаться честно с соблюдением установленных правил. Олимпиаде всегда сопутствовала *экехерия* — это обязательное перемирие (прекращение войн) в честь Олимпиады. «О, спорт! Ты — мир!». Срок экехерии был около двух-трех месяцев. Принято считать, что древние Олимпийские игры существовали в период с 776 года до Рождества Христова до 393 года нашей эры. Они проходили раз в четыре года в первое полнолуние после летнего солнцеворота. От года первой Олимпиады греки вели свое летоисчисление — «второй год третьей Олимпиады», «первый год шестой Олимпиады» и т.п. По преданиям известно, что игры проходили и ранее, но нет документального подтверждения. За 1170 лет указанного периода истории Олимпиада прошла 293 раза. Слава олимпиоников (олимпиакосов) — победителей Олимпиады была безмерной, их чествовали более пышно, чем царей и триумфаторов. Они пожизненно освобождались от налогов, приобретали почетное право сражаться в боях бок о бок с царем, занимать почетные места в дни городских празднеств, поставить свои статуи в Олимпии, они выбирали жен из самых лучших невест, их пожизненно кормили за счет государства, и даже их дети могли иметь преимущества. Жители одного из городов буквально разрушили его крепостные стены — «кто посмеет напасть на город, где живет победитель Олимпиады?». Однако современного человека может неприятно поразить то, что «мирная политика» древних олимпиад была относительной. Спортивные состязания древних игр отличались крайней жестокостью. Так, например, в ходе состязаний борцов, позволялось и даже приветствовалось калечить и убивать соперников не было почти никаких ограничительных правил — можно было делать с про-

тивником все, что угодно — рвать ноздри, рвать пальцы, наносить любые удары в любые части тела. И насколько велика была слава олимпиоников, настолько же позорна могла оказаться участь проигравших им. Проигравшие спортсмены не только получали клеймо позора, но и могли быть изувечены и даже убиты.

О древней Олимпиаде известно и написано много — о культурной программе, зажжении огня, клятвах спортсменов и их тренеров, системе суровых штрафов за нарушение клятв (вплоть до сооружения позорного памятника с лицом нарушителя за его счет), о причине отсутствия одежды на спортсменах и на тренерах, о недопущение женщин на соревнования и т.д. Подробно описана даже олимпийская деревня, площадью 3,5 гектара, с храмами, «гимнасиями» (для спортивных тренировок), банями, постоялыми дворами, торговыми лавками, ипподромами и т.д., поскольку она во многом сохранилась после землетрясения VI века. В 393 году указ христианского правителя Феодосия I упразднил Олимпийские игры. Причины называют разные. Среди них, несоответствие культа обнаженного сильного тела спортивных игр христианской культуре, проявляемая жестокость в ходе состязаний, а также то, что посетивший Олимпиаду император был поражен степенью коррупции (!), царившей на играх.

Традиция проведения современных Олимпиад возродилась по инициативе французского барона Пьера де Кубертена, который потратил свои силы и свои сбережения на то, чтобы в 1896 году в Афинах прошли первые Олимпийские игры нового времени, впоследствии ставшие всемирными. С перерывами на мировые войны, эти игры продолжаются в XXI веке. В город страны, где проходит очередная Олимпиада, доставляют факел, огонь которого зажигается на ро-

дине этого великого празднества. Традиции современных олимпийских игр складывались постепенно. К примеру, впервые были использованы пьедестал и золотые медали в церемонии игр нового времени в 1932 году в Лос-Анджелесе.

В культуре Древней Греции мы часто находим истоки современных праздничных традиций, которые, в свою очередь, уходят далеко в глубину веков. К примеру, традиция праздничных веселых обходов карнавальными группами домов с благословляющими песнопениями, целью которых было получение щедрого угощения. Так на праздник весны жители острова Родос обходили дома с ласточкой и песней, в которой легко узнаются мотивы русских колядок:

«Прилетела ласточка
С ясною погодою,
С ясною весною.
Грудка у нее белая,
Спинка черненькая.
Что ж ты ей ягод ей не даешь
Из дома богатого?» [16].

Или же, понятие *мистерия* (с греч.— «таинства»), тоже пришло к нам из культуры древних эллинов, у которых мистерии являлись системой тайных театрализованных обрядов посвящения в религиозные сообщества, с использованием торжественных шествий и драматических постановок священных сказаний. От античных мистерий ведут начало и средневековые мистерии и, даже, некоторые христианские таинства. Однако, очевидно, что мистерии, как и многие другие ритуалы и традиции древних греков восходят к первобытным магическим обрядам, но это уже иная тема.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем находит проявление дух агонистики древних греков?
2. Как еще называли в Древнем мире бога Диониса?
3. В каком контексте в современном мире употребляются понятия «дионисийский характер», «вакханалия»?
4. Что вы знаете о программе праздника Великих Дионисий?
5. Назовите даты существования Олимпийского движения в Древней Греции и их возрождения в современном мире.
6. Что означают слова «эортология» и «экехерия»?
7. Какие традиции древних олимпийских игр вам известны?

§ 5. Массовые праздники и театрализованные зрелища Древнего Рима

Если в Древней Греции праздник являл собой, прежде всего, массовое действо, где зрелище дополняло его и обогащало, то в Древнем Риме масса людей стала четко делиться на исполнителей и зрителей. То есть, в Древней Греции празднество предполагало активное состояние человека, в Древнем же Риме праздничный досуг все больше сводился к зрительскому созерцанию. Зрелище стало центром всего праздника и главной потребностью граждан после хлеба. «Хлеба и зрелищ!» — по утверждению Ювенала — главное устремление римского народа тех времен. В огромном

количестве строились *амфитеатры* (около сотни), в которых перед зрителями состязались гладиаторы, проходили водные зрелища и травля зверей. До появления амфитеатров (середина первого века прошлой эры), зрелища проходили на городских площадях.

Самый знаменитый амфитеатр того времени, сохранившийся в определенной степени до наших времен — амфитеатр Флавиев — Колосиум (Колизей), вмещавший более пятидесяти тысяч зрителей, которые легко могли покинуть здание за пять минут не создавая давки. Это огромное четырехъярусное сооружение с тремя подземными этажами, высотой в 50 метров. Мощное здание обладало прекрасной акустикой, арена могла трансформироваться в бассейн и т.д. Открытие Колизея проходило в 70-е годы нашей эры в течение ста дней. В один из таких дней на сцену было выпущено пять тысяч диких зверей (львов, слонов, кабанов, тигров и т.д.).

О *гладиаторских боях* и их традициях много написано и в научной, и в научно-популярной, и в художественной литературе. Эти страшные кровавые зрелища возникли в третьем веке до нашей эры. Слово «гладиатор» происходит от слова «гладиус» — меч. Еще ранее гладиаторов звали бустуариями («бустум» — костер, где сжигали погибших в ходе сражений). Существовала целая система своеобразного древнего «шоу-бизнеса» гладиаторства — специальные школы (ланисты), классификации, традиции, ритуалы. Были афиши и перекупщики билетов, гладиаторы «звезды» и их «фанатки», закулисные интриги. Кровавая бойня, в которой принимали участие до последнего издыхания порой до десяти тысяч бойцов в одном сражении, сопровождалась музыкой. Гладиаторы могли сражаться один на один, отряд на отряд, с мечами или трезубцами, с петлями или с сетям, вглу-

хую или вслепую и т.д. Собиратель трупов представал в образе Харона-перевозчика. Император Нерон удивлял публику, например, такими показами:

> «В театр, где он показывал зрелища, внезапно была пущена морская вода, в которой даже плавали рыбы и морские животные, и в этом бассейне был устроен морской бой между персами и афинянами, а после этого воду тотчас выпустили, и на сухом дне снова вышли друг на друга бойцы. Уже не один на один, а отряд на отряд» (Д. Кассий. «Римская история»).

Публика страстно жаждала подобных зрелищ. Однажды толпа перекрыла дорогу похоронной процессии с требованием к именитому родственнику усопшего устроить кровавое зрелище (поскольку зрелища часто устраивались по обету, в честь умерших или погибших в бою родственников). Политик, желающий достичь успеха, должен был учитывать эту страстную потребность толпы и для достижения своих целей устраивать зрелищные акции с раздачей хлеба и денег.

Публика, веселясь, наблюдала за кровавой бойней и простым поворотом пальцев своей руки решала участь проигравших в бою, молящих о пощаде. Однако существуют разночтения в описании этих жестов, так всем известные жесты публики решающие судьбу поверженного гладиатора — большой палец вверх (жизнь) и вниз (смерть), полагают, внедрил в сознание потомков спустя несколько веков французский художник Жан-Леон-Жером, создавший в 1872 году полотно «Pollice Verso» («Пальцы вниз»), иллюстрирующий заключительный эпизод гладиаторской битвы. Вслед за художником эти жесты в последующем стали использовать и в кинематографе (чтоб не путать

публику). Однако, в ошибочной трактовке жестов зрителей художник не виноват, поскольку так трактовали подобные жесты и некоторые историки, не точно понявшие их описание в древних источниках. И по сию пору можно прочесть разные объяснения жестов зрительских боев по окончании поединка. Например, одно из объяснений говорит, что преобладающий среди публики жест «палец вниз» в действительности означал одобрение, помилование гладиатора, а призыв «добей его» означал жест «палец спрятанный в кулак». (В других версиях, кулак означал — «убери ножны и оставь его»). Судьбу проигравшего решал арбитр, который оценивал на реакцию зрителей и выбрасывал окончательный жест. Возможно, что в течение веков могли возникать разные варианты этой трагической сцены, но все же больше утверждений, что судьбу гладиатора решать мог только император (или устроитель игр), когда его простертая рука с раскрытой ладонью даровала жизнь, а призыв «добей его!» означал большой палец повелителя, который он направлял параллельно земле указывая на свою шею или сердце. Раненый же гладиатор, моля о пощаде поднимал вверх палец.

Кровавые представления устраивались и в виде живых мифологических картин, где в роли погибающих героев выступали осужденные на смерть преступники (они сгорали в огне, пожирались львами и т.д.). Немногие среди римлян, в том числе и Сенека, выступали против подобных зрелищ, утверждая, что любование жестоким человекоубийством (пусть даже преступников) порождает зло, которое падает на головы тех, кто наблюдает за ним.

С одной стороны, гладиаторы давали клятву «Даю себя жечь, вязать и убивать железом», с другой, есть предположения, что поскольку содержание глади-

аторских школ и создание подобных зрелищ было занятием не из дешевых, то многие «смертельные муки» на арене сражений бывали порой мастерски поставлены и обыграны. Вместе с тем, достоверно и то, что некоторые бои, в которых участвовали пленники, представляли собой сплошную кровавую резню, без всяких доспехов и правил, до последнего человека.

Древние римляне любили устраивать *навмахии* (театрализованные инсценировки военно-морских сражений) на пространствах как искусственных, так и естественных водоемов. Подобные зрелища были очень дорогими и поражали масштабами. Часто в них принимали участие тысячи исполнителей. Например, Октавиан Август показал в навмахии на искусственном озере эпизод из греко-персидских войн на 30 кораблях, где 3000 человек, не считая гребцов, вели бой. Ареной для водных сражений служили не только природные реки и озера, но и специально построенные водоемы и каналы. Самой грандиозной навмахией стало морское сражение сицилийского и родосского флотов, устроенное в царствование Клавдия на Фуцинском озере, в ходе которой сражались с обеих сторон 19 000 человек

Во времена Возрождения такой опыт продолжался. Так в 1561-году, скульптор Леон Леони писал Микеланджело: «Я занят самым пышным празднеством, какое только осуществлялось за последнее сто лет. В нем участвуют горы, острова, настоящие воды, сражения на суше и на море, с небом, адом и многочисленными постройками в перспективе. Мантуя представляет собой сейчас настоящий хаос, и можно подумать, что я прислан сюда для разрушения. Здесь больше не найти ни досок, ни гвоздей, ни крыш, ни чего: так много материала я употребляю для этих построек» [7, с. 121].

Популярны среди римлян были цирковые зрелища, посвященные укрощению зверей и их травли. Количество и перечень этих зверей поражает. На арену выпускались сотни, тысячи разнообразных и невиданных римлянами зверей — слонов и крокодилов, пантер и гиппопотамов, львов, оленей, страусов, медведей, косуль и т.д.

Излюбленными зрелищами римлян помимо гладиаторских сражений, звериных боев, навмахий и театрализованных казней были театральные постановки, торжественные шествия в честь богов, спортивные состязания, состязания на колесницах и триумфальные шествия. Зрелища были всеобщей страстью древних римлян за исключением единиц просвещенных людей, вроде Сенеки и Цицерона, которые считали эти зрелища недостойными.

Триумфы устраивались в честь победителей полководцев, завоевавших новые земли для империи. Победитель в золотом лавровом венке с великим почетом въезжал в город на колеснице через триумфальную арку, впереди него вели плененных рабов, несли трофеи. Идущие впереди колесницы воины громко восхваляли победителя, но только идущие впереди... Те же воины, которые шли вслед за колесницей триумфатора, кричали, к примеру, следующее: «Граждане Рима, прячьте жен — вот едет лысый развратник!». И это кричали не обиженные полководцем воины, а его боевые друзья, кричали не просто правду, а издевательскую правду. Критика «сзади» была своего рода мудрой профилактикой зазнайства. Однако, как мы знаем, самокритика не самая сильная сторона человеческой природы, особенно человека обласканного славой. Здесь хочется вспомнить мудрую притчу о том, как Александр Македонский предложил мудрецу Диогену свою дружбу. На что тот ответил: «У царей

нет друзей, одни подхалимы. И как только ты поверишь им, ты погиб».

Помпа — так называли латиняне шествие, рассчитанное на внешний эффект. Так помпой, т.е. красочной процессией открывались спортивные состязания, в частности, состязания колесниц (квадриг). Вместе с тем римляне сохранили и традиционную празднично-обрядовую культуру в честь многочисленных богов: *Флоралии* — в честь бога растительного мира, *Весталии* — в честь богини домашнего очага, *Большие квинкватрии* — в честь Марса и Минервы, покровителей людей искусств, ремесленников и учащейся молодежи. *Палатинские игры и Августалии* в честь императора Августа. *Праздники в честь богов, покровительствующих военным, пастухам, пекарям* и т.д. Мир римских праздников бесконечно широк и интересен, его календарь вмещал десятки праздников общегосударственных, семейных, сельских, городских, профессиональных.

Берет свое начало в истории римской истории традиция встречи Нового года 1 января. Конечно, празднования встреч Нового года существовали задолго до возникновения римской империи у разных народов, но традиция его встречи именно 1 января началась в 153 году до нашей эры в Риме. Выбор этого дня был связан с тем, что 1 января проходили официальные торжества в честь вступления в должность новоизбранных консулов (жертвы Юпитеру, клятвы императору, обмен подарками и пр.). Окончательно эта традиция была закреплена Юлием Цезарем в 45 г. до н.э. До этого в Римской империи и у многих других народов (у русских до конца XIV века) празднование Нового года большей частью было приурочено к началу весны.

Римляне также зачинатели традиции отмечания дня рождения человека, у которого по их поверью

от рождения есть свой дух-покровитель — «гений». В традицию вошли праздники, посвященные любви и согласию в семьях, дни поминовения усопших и т.д. Регулярно римляне проводили разнообразные спортивные игры — ежегодные, иные раз в пять лет, а *Секулярные игры* в честь юбилея Рима — раз в сто лет. В честь Юпитера проходили *Плебейские игры*.

Из всего многообразия римских праздников выделяются *Дни декабрьских Сатурналий*, поскольку через их призму ярко демонстрируется утопическая природа подлинного праздничного времени, создающего «вторую жизнь». Если у древних греков главными богами были Зевс и Гера, то у римлян — Юпитер и Юнона. Сатурн был отцом Юпитера и Юноны, которые свергли его с престола. Якобы в древние времена Сатурн (бог посевов и земледелия) был успешным царем Латии. Золотым веком называли время правления Сатурна, когда было всеобщее равенство и свобода, не было рабства, и все люди жили как братья. В честь этого бога у подножия Капитолийского холма был построен храм и ежегодно проводился праздник. Пять праздничных дней следовало прожить согласно законам «золотого века». В эти дни даже рабы приобретали временную свободу. Им позволялось возлежать за столами на месте патрициев, есть, пить, вольно шутить в адрес своих хозяев, а хозяева с друзьями должны были им прислуживать. Мир в эти дни буквально выворачивался наизнанку, царило всеобщее веселье, вседозволенность и безделье. Нельзя было работать, заниматься серьезными делами (спортом в том числе), вести серьезные разговоры. Никого не арестовывали, арестантов выпускали на волю. Гостеприимство и бескорыстие вводилось в закон. Подарки и угощения бескорыстные. Делать подарки мог исключительно богатый человек бедному, но ни

в коем случае не наоборот, иначе этот подарок отбирался в казну. Ученым людям полагалось преподносить подарки в двойном размере, поскольку «они этого достойны». Бедняку же, осмелившемуся сделать подарок богачу, богач должен был в ответ нанести по рукам палкой не менее 250 раз. Сам же богач должен заранее узнать о том, в чем нуждается его бедный сосед, и решить его проблемы вплоть до уплаты долгов. Подарки следовало готовить заранее, себе ничего из них не оставлять и никогда о них не сожалеть. Бедный имел возможность преподнести богатому лишь венок и немного благовоний или же собственную (или же древнюю) книгу, а получивший ее должен был ее немедленно прочесть. Каждый подарок предписывалось принимать как большой.

Праздничные законы Сатурналий были не писанными и писанными в буквальном смысле слова. По свидетельству Лукиана эти законы писали на медных дощечках, которые ставились в центре двора, как гарант от несчастий. Эти законы следовало постоянно перечитывать. В частности, в них обозначались и застольные законы. Так во время застолий предписывалось каждому возлежать где придется вне зависимости от положения и богатства, слугам не угодничать, мясо делить поровну, всем подавать одинаковые чаши для вина, здравицы произносить за всех, и первым за других должен пить богач. Правила также гласили — «не принуждать пить того, кто не сможет», «в остротах да будет мерой безобидность для всех». Нельзя было приглашать на пир профессиональных, опытных музыкантов и танцовщиков, только самых начинающих. Запрещалось играть в кости на деньги, только на орехи, а нарушившим закон, на следующий день не давать есть. Следовало до праздника очистить жилище от мелочности и корыстолюбия.

Декабрьские Сатурналии древних римлян — это яркая иллюстрация к теории М. М. Бахтина о карнавализации праздничной жизни, о ее мировоззренческих истоках и устремлениях, о мире идеалов празднующей общности.

Древнеримские праздники в целом поражают масштабностью, яркой зрелищностью и богатым разнообразием праздничного календаря. Подробнее об этом, как и о древнегреческих праздниках можно узнать в многочисленной литературе, в частности, в книге Л. Винничук «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима».

Контрольные вопросы и задания

1. В чем заключается существенное отличие культуры массовых праздников Древней Греции и древнего Рима?
2. Какие зрелища Древнего Рима вам известны?
3. Проиллюстрируйте с помощью сведений о римских Сатурналиях теорию М. Бахтина о празднике как второй жизни народа.

§ 6. Театрализованные праздники и представления Средневековья

Мрачное Средневековье — привычное словосочетание. Войны и эпидемии, тяжелый быт и тяжелый труд большинства населения, бесправие и инквизиция — о праздниках ли вести речь. Тем не менее, по утверждению М. М. Бахтина, глубоко изучившего сущностную природу народной культуры Средневековья и Ренессанса, в ту эпоху в Европе существовало около 115 ежегодных празднеств. Среди них

официальные (церковные) и неофициальные (народно-площадные). Поначалу церковь пыталась вытеснить народно-площадные праздники из жизни, как пережиток язычества. Кроме того, религиозные праздники чужды раскрепощенному веселью. Для своей цели церковь использовала все свое богатство, создавая пышные зрелищные шествия с церковными реликвиями, театрализованные представления на религиозные сюжеты со светскими мотивами *(средневековые мистерии*). И все же она не смогла справиться с задачей полного искоренения народных праздников, слишком велика была их жизнеутверждающая сила, слишком крепки исторические корни. Поэтому церковь нашла оправдание для послабления народу в том, что будто бы глупость, как вторая природа человека, в народном карнавальном празднике изживает себя. Кроме того, церковные иерархи полагали, что человеческая натура переполнена дурью, страхом и как бочка с вином нуждается в том, чтобы периодически открывать свои клапаны. Таким образом, карнавал представляет человеку своеобразную отдушину для выплеска его первобытных инстинктов — «хоть раз в году». И все же церковь последовательно в той или иной мере всегда вела и ведет борьбу с «бесовскими игрищами», к которым относятся и народные карнавалы.

Народный карнавал — главная форма праздничной жизни народа Средневековья. Подобно римским Сатурналиям он вмещал в себя идеи обновления мира на лучших, справедливых началах, являлся формой веселых проводов и встреч времен года, торжества вечно обновляющейся жизни во всех красках ее буйного изобилия. Высмеивание существующего строя общественных отношений в карнавале выражалось в гротесковой пародийности, в непристойном выво-

рачивании жизни наизнанку, в логике «обратности», перемещения верха и низа, лица и зада — «сбросить высокое и старое — готовое и завершенное — в материально-телесную преисподнюю для смерти и нового рождения (обновления)» [10, с. 94].

Смеясь в карнавале, человек пытался освободиться от всевозможных страхов и многочисленных табу, от старой жизни и возродиться к новой. М. М. Бахтин подчеркивал, что средневековый карнавал не является театрально-зрелищной, а временно-реальной формой самой жизни, когда «сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью». По поводу гротескности карнавального смеха Бахтин писал, что он разрушает «ограниченную серьезность и всякие претензии на вневременную значимость и безусловность представлений о необходимости и освобождает человеческое сознание, мысль и воображение для новых возможностей. Вот почему большим переворотам даже в области науки всегда предшествует, подготавливая их, известная карнавализация сознания» [там же, с. 58]. Далее автор формулирует три особенности карнавального смеха:

1. Всенародность — смеются все, «смех на миру»;
2. Универсальность — смех над всем и над всеми, над веселой относительностью мира;
3. Амбивалентность — смех отрицающий и утверждающий, хоронящий и возрождающий, высмеивающий и ликующий.

Говоря об амбивалентности карнавально смеха, Бахтин подчеркивает, что голое отрицание совершенно чуждо народной культуре. Так если в карнавальном шествии едет в черном балдахине сама Смерть, то она беременна, и из ее разверзшегося живота вылетают голуби! Народная культура, в том числе и праздничная, подобно настоящему искусству всегда несет

свет, жизнеутверждение. Это хорошо иллюстрирует даже просто название одной из средневековых народных немецких баллад, оно звучит так «Старинное предсказание близкой войны, которая, однако, окончится весною». А строки следующей баллады, можно было бы поставить эпиграфом к статье посвященной народным карнавалам средневековья:

Так Смерть сказала:
«Мир этот — мой!
Иду с войною я и чумой.
В могилу ляжет весь род людской».
Так Смерть сказала:
«Мир — этот мой!»

Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой!
Распашет кладбища плуг стальной.
Взойдет колосьями перегной»,
Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой!»

Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой,
С весельем, песнями, кутерьмой.
Я — солнце в небе, я — свет дневной».
Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой!»

(«Спор между жизнью и смертью»,
немецкая народная баллада)

Народная праздничная культура заражает и силой утверждения Жизни, и веселым пониманием относительности всего происходящего в будничном ее течении. Возможно, с поиском духовной опоры связано и то, что в перестроечной России (эпохи полного

очернения своей истории) стал бурно возрождаться интерес к народным праздничным традициям.

Средневековые карнавалы — это праздники шутов, дураков, ослиных месс и т.д. Один из таких празднеств ярко и подробно описал в романе «Собор Парижской Богоматери» Виктор Гюго. Празднество, в котором «с незапамятных времен» объединялись праздник Крещения Господня и *празднество шутов*. Объединение это, всякий раз, происходило спонтанно. По описанию Гюго, 6 января 1482 года в парижском дворце правосудия толпы людей ожидали начало мистерии — «превосходной моралите под названием «Праведный суд Пречистой девы Марии». Однако мистерия в середине действия была прервана чулочником Копенолем:

> «Господа горожане и дворяне Парижа! Клянусь богом, я не понимаю, что все мы тут делаем... не знаю, может быть, это и есть то самое, что у нас называется „мистерией“, но я не вижу здесь ничего занятного. Эти люди только треплют языком! Вот уже четверть часа, как я жду драки. А они ни с места! ... Мне обещали показать празднество шутов и избрание шутовского папы. У нас в Генте ... мы делаем так. Собирается такая же толпа, как и здесь. Потом каждый по очереди просовывает голову в какое-нибудь отверстие и корчит при этом гримасу. Тот, у кого, по общему мнению, она получится безобразней, выбирается папой».

Предложение чулочника было принято с восторгом, и под его руководством началась вакханалия шутовства. Не только рожи, но и то, что пониже спины демонстрировали соискатели звания шутовского папы. Напрасно автор мистерии пытался возобновить представление, он видел только спины, повернутые к сцене. Папой шутов был избран уродливый

Квазимодо, которого галдящая толпа облачила в шутовской наряд и на носилках понесла по городу, дав начало многоликому и выразительному шествию всей парижской черни и королевства Арго:

«Впереди двигались цыгане. Во главе их, направляя и вдохновляя шествие, ехал верхом на коне цыганский герцог в сопровождении своих пеших графов; за ними беспорядочной толпой следовали цыгане и цыганки, таща на спине ревущих детей; и все — герцог, графы и чернь — были в отрепьях и мишуре. За цыганами двигались подданные королевство Арго, то есть все воры Франции, разделенные по рангам на несколько отрядов; первыми шли самые низшие по званию. По четыре человека в ряд со всевозможными знаками отличия соответственно их ученой степени в этой особой науки, проследовало множество калек — хромых и одноруких: карманников, богомольцев, эпилептиков, скуфейников, христарадников, котов, шатунов, деловых ребят, хиляков, погорельцев, банкротов, забавников, форточников, мазуриков и домушников, — если перечислить их всех, то это утомило бы самого Гомера. В центре канклава мазуриков и домушников можно было с трудом различить короля Арго, великого кесаря, сидевшего на корточках в тележке, которую тащили две большие собаки. Вслед за подданными короля Арго шли люди царства галилейского. Впереди бежали дерущиеся и выплясывающие перрический танец скоморохи, за ними величаво выступал Гильом Руссо, царь галилейский, облаченный в пурпурную, залитую вином хламиду, окруженный своими жезлоносцами, кливретами и писцами счетной

палаты. Под звуки достойной шабаша музыки шествие замыкало корпорация судебных писцов в черных мантиях, несших украшенные цветами „майские ветви“ и большие восковые свечи. В самом центре этой толпы самые знатные члены братства шутов несли на плечах носилки, на которых было больше свечей, чем на раке св. Женевьевы во время эпидемии чумы. А на носилках, облаченный в мантию и митру с посохом в руке, блистал вновь избранный папа шутов — звонарь Собора Парижской Богоматери. Квазимодо горбун». [24, с. 196].

Отзвуки этой карнавальной традиции «мира наизнанку», когда хоть раз в году «кто был ничем, тот станет всем», мы встречаем в современной Европе, к примеру, в датском городе Ольборге, где в ходе трехдневного карнавала выбирают Короля, и под его руководством на городской площади устраивается роскошный Банкет нищих. Лучшие официанты разносят самые изысканные блюда сидящим за столами, тем, кто в обыденной жизни кормится подаянием, не имеет крыши над головой и т.д. Но если в современном мире такой временный карнавальный переворот создается весьма благополучно живущими энтузиастами, то в средневековой Европе это свершалось самодеятельностью черни.

Шут на народном карнавале и *шут при дворе* — разные категории, они отличались также как народный карнавал от придворного маскарада. При дворе, как утверждает Бахтин, маскарад потерял амбивалентную непристойность карнавала и приобрел поверхностную эротическую фривольность. Шутовство же при дворе стало профессией. Уродство и грубость шутов были призваны оттенить величие и великолепие правителей, ублажать их.

Обычай содержать шутов идет с древнего мира, они были в древних странах Египта, Греции, Рима, Китая. Существовали целые шутовские династии. В Китае, например, шутов «производили», специально уродуя растущие тела, помещая их в разнообразные тиски-кувшины. В Европе чаще использовали людей с врожденными уродствами, но калечили специально, как описано в романе того же В. Гюго «Человек, который смеется». Быть шутом при дворе означало быть рангом чуть выше обезьяны в зверинце. Шутов могли постичь изощренные издевательства и унижения или, наоборот, любовь и всепрощение царствующих особ. Но чаще всего веселость и жестокость правителей по отношению к шутам шли рядом, а иначе быть и не могло с «обезьяной» для развлечений. Например, в эпоху Людовика XIII пажи любили убивать время, мучая шутов, например, помешанного шута прибивать за ухо к забору. В то время как сам Людовик был настолько терпим к шутам, что допускал их на государственные совещания. Или же он, выступая в роли брадобрея собственного шута, получал за работу от того плату в 15 су с отповедью: «Когда научитесь брить лучше, получите 30». В шуты, забавы ради, рядились на праздники даже епископы, генералы и герцоги. Даже было создано добровольное «Общество дураков». Однако выходки членов общества стали выходить за рамки приличий, и король своим указом прекратил его существование. Подобные общества создавались и позднее. У нас в России эту традицию развивал Петр I, создав «Всешутейный и всепьянейший Собор», деяния которого широко описаны в литературе. У Петра был и шут-любимец по имени Комар (Яким Волков), который во времена детства царя спас сына растерзанного стрельцами царского родственника Матвеева, за что Петр его всячески опекал. А вот времена правления в России Ивана

Грозного и Анны Иоанновны оставили страшные воспоминания о жизни шутов. Так шут Ивана Грозного скончался оттого, что тот вылил на него миску горячих щей и ударил ножом. О жестоких фантазиях Анны Иоанновны, придумавшей с приближенными шутовскую свадьбу, можно прочесть в книге И. Лажечникова «Ледяной дом».

Многие шуты вошли в историю — умнейший шут Шико, по сути, прекратил кровавые распри во Франции, при всех посоветовав Генриху IV обратиться в католическую веру.

История средневековой культуры включает в себя и такую зрелищную форму как знаменитые *рыцарские турниры*. Об этом подробно и живописно рассказано в романе В. Скотта «Айвенго».

С наиболее глубоким анализом феномена средневековой праздничной культуры можно познакомиться в уже неоднократно цитируемой нами книге М. М. Бахтина.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение понятию «средневековая мистерия».
2. Найдите и прочтите в книге В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» страницы посвященные описанию сюжета мистерии, подготовленной для показа в парижском Дворце правосудия.
3. В чем разница между понятиями «карнавал» и «маскарад»?
4. Назовите три особенности карнавального смеха, сформулированных М. М. Бахтиным.
5. Найдите и прочтите в книге В. Скотта «Айвенго» страницы с описанием ритуалов рыцарского турнира Средневековья.

ГЛАВА III

НАРОДНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ РОССИИ РАЗНЫХ ЭПОХ

§ 7. Русские народные праздники

Говоря о русских народных праздниках, часто добавляют слово «календарные», поскольку они тесно связаны с ритмами природы. Однако в этом случае нужно иметь ввиду, что система летоисчисления на Руси и русские календари в обозримой истории менялись неоднократно. Так в дохристианской Руси времяисчисление велось по лунно-солнечному календарю («Метонов цикл» 19 лет — 12 лет по 12 месяцев, следующие 7 лет по 13 месяцев). В 1699 году Петр I повелел праздновать новый год с 1 января. До того, с X по XV века Новый год на Руси мог начинаться и в марте и сентябре, а с 1492 года только с 1 сентября. По-своему называл русский народ и месяцы года, прозвищ у них было множество, но все точны в своих определениях и часто образно-поэтичны:

Январь — новолетник, перелом зимы, лютовей, сечень, просинец (светлеющий)
Февраль — снежень, крутень, вьюговей, лютень, кривые дороги, сечень
Март — бокогрей, зимобор, протальник, капельник, соковник, свистун, просыхало
Апрель — березень, снегогон, «зажги снега», водолей, цветень

Май — травень, скопидом, пролетень, росеник, соловьиный

Июнь — изок (кузнечик), земляничник, светозар, паутной, комарный

Июль — страдник, макушка лета, жарынь, грозник, червень (красные ягоды), серпень

Август — разносол, густоед, густарь, зарник

Сентябрь — хмурень, листогон, дождезвон, зоревник

Октябрь — свадебник, грязник, жовтень, зазимник, листопад

Ноябрь — полузимник, груденъ (груды смерзшейся земли), листокос

Декабрь — стужайло, лютень, ледостав

Мир дохристианских верований нашего народа многообразен и загадочен, впрочем, как и любые языческие верования. В основе современных представлений о верованиях наших предков находится Владимирский пантеон, собранный в Киеве князем Владимиром за восемь лет до своего крещения. Пантеон славянских богов предстал из следующих божеств: *Перуна* (бога грома и молнии), *Хорса* (бога света, солнца) и очень близкого к нему *Даждьбога* (бога огня, чьи отцом был *Сварог*), *Стрибога* (бога ветра, воздушных стихий), который, как и Даждьбог давал благо, *Семаргла* (семиглавый, возможно воплощение всех семи божеств) и *Макоши* (богиня женщин, плодородия, судьбы). Нужно учесть, что наука функции перечисленных божеств рассматривает в дискуссионном ракурсе и разброс мнений широк, поэтому нами выбраны те из них, которые чаще всего представлены в различных научных и справочных публикациях. До сих пор неясно и то, почему Владимир не включил в перечень идолов, воздвигнутых по его приказу, од-

ного из самого почитаемого в Древней Руси бога *Велеса* (покровителя земли и скота), при том, что капище с идолом Велеса в Киеве все же был, но не на холме, а в низине, на киевском Подоле.

Трактовок и разночтений в понимании языческого пантеона Древней Руси множество. Существуют многочисленные попытки расширить список языческих богов славян за счет известных персонажей народного фольклора и даже персонажей поздних литературных произведений или «кабинетной мифологии». Много суждений и споров о возникновении в нашем сознании таких персонифицированных образов как Род, Див, Чур, Лада, Карачун, Лихо и т.д.

Имена других восточнославянских мифологических персонажей сохранились благодаря связанными с ними сезонными народными праздниками и устному фольклору. Эти имена трактуются в разных источниках весьма неоднозначно. Возможно, такая неоднозначность происходит не только в силу загадочности этих древних образов и их неизученности, но и в многообразии вариантов их обыгрывания в праздничных обрядах разных славянских народов и на разных территориях. Порой их причисляют к божествам. Чаще всего, этим приближенным к обожествлению антропоморфным существам русской мифологии (изображаемым чаще в виде чучелов) даются следующие характеристики:

- *Купала* — главный персонаж летнего солнцестояния, от «купать» (вода), «кипеть» (огонь), изображался в виде соломенного или тряпичного чучела, которое подвергалось ритуальным похоронам в ходе празднования Дня Ивана Купалы.

- *Кострома* — воплощение весны и плодородия (от «костра», «костерь» — мохнатая верхушка некоторых трав, кора деревьев). Изображалась часто в виде соломенной куклы в белых одеждах и дубовой ветвью, которая подвергалось ритуальным похоронам в ходе ее проводов.
- *Коляда* — персонаж, которому посвящено время Зимних Святок (трактовку образа смотри ниже в разделе Зимние Святки).
- *Авсень* (Овсень, Усень и т.д.) — персонажи близкие Коляде.
- *Ярило* — символ весеннего плодородия — «ярый», «яркий», «яриться», чаще изображался в образе румяного юноши в цветах, лентах и бубенцах. Кукла Ярилы в итоге праздника подвергалось ритуальным похоронам. Яриле посвящались разгульные летние и весенние праздники в разное время.

Нельзя понять народную праздничную культуру и без учета языческих верований в низшие мифологические существа, многочисленных духов природы, нечисть. Среди них *лешие, русалки, кикиморы, банники, водяные, домовые, полевики* и пр. Нечисть, по народным представлениям делится на берегинь и злыдней, в зависимости от того вредят они или помогают конкретному человеку. Версии о природе нечисти существуют разные, в основном базирующиеся на том, что это души тех, кто восстал против Бога, или умер некрещеным. Православие не отрицает существование языческих духов, понимая их как проявление бесовской, демонской силы.

Народные праздники проносят сквозь века связь с архаичным, доисторическим человеческим созна-

нием, значимость многих традиций неосознанна, заветна. Н. А. Хренов считает, что народные праздники, это общественные праздники, стихия которых «сохраняет источники жизни, подчас не включаемые в ценности, утверждаемые с помощью государственных институтов» [98, с. 102].

Русские люди дореволюционной России свободно ориентировались в праздничном месяцеслове, в котором народные календарные празднества, обычаи, обряды и наблюдения за явлениями природы были соотнесены с днями церковного календаря. Это хорошо иллюстрирует следующий бытовой диалог того времени из романа И. А. Гончарова «Обломов». Мы выделили в этом небольшом диалоге все упоминаемые праздники и значимые календарные даты курсивом:

«— А когда, бишь, она уехала от нас? — спросил Илья Иванович.— Кажется, после *Ильина дня*?

— Что ты, Илья Иванович! Всегда перепутаешь! Она и *семика* не дождалась,— поправила жена.

— Она, кажется, в *Петровки* здесь была,— возражает Илья Иванович.

— Ты всегда так! — с упреком скажет жена.— Споришь, только срамишься...

— Ну, как же не была в *Петровки*? Еще тогда все пироги с грибами пекли: она любит...

— Так это Марья Онисимовна: она любит пироги с грибами — как это не помнишь! Да и Марья Онисимовна не до *Ильина дня*, а до *Прохора* и *Никанора* гостила. ...Вот, бог даст, дождемся *святок*, приедут погостить свои...» [22].

В данном параграфе мы сделаем лишь краткий обзор самых значимых народных праздников русского

месяцеслова. Основные из них связаны с солнечным циклом и, соответственно, с календарем трудовой деятельности крестьянина. В частности, со временем зимнего и летнего солнцеворота (солнцестояние), которое делило год пополам — Зимние Святки и Купала (по старому стилю), а также весеннего и осеннего равноденствия — Сороки и Осенины.

Зимние святки (с 7 января по 19 января)

«Зима — за морозы, а мужик за праздники». Зимние святки — это русские народные праздничные дни между двумя великими православными праздниками — Рождеством и Крещением, точнее от первой звезды в канун Рождества до освящения крещенской воды — «от звезды и до воды».

Зимние святки — иллюстрация к синкретизму православных и русских народных праздников. В них живет атмосфера бурного веселья, гуляний, катаний, гаданий, переодеваний, игровых забав, шуток, колядований, традиции которых корнями уходят в необозримо далекое прошлое и одновременно обрядовые песни и вертепы, прославляющие Христа, его рождение. С одной стороны это дни чествования Коляды, с другой — «Коляда пришла, Рождество принесла!». Вместе с тем, православию не просто чужды многие народные праздничные традиции эпохи языческих верований, оно стойко противостоит им многие века. Так церковь, принимая традиции и обряды, связанные с радостью земной жизни дарованной Богом (встречи весны, солнца, нового урожая и т.п.), является решительным противником любых забав, связанных с гаданием, суеверными приметами, телесной и духовной распущенностью, ряжением, общением с потусторонним миром, «непотребным хохотом»

и «бесовскими игрищами». Однако за этим «варварством» народных традиций скрывается определенный глубинный смысл, многозначность его трактовок раскрывают в своих книгах В. Я. Пропп, Т. А. Агапкина, Л. М. Ивлева, Н. А. Хренов и др.

Первая неделя святок — страшные вечера, вторая — святые вечера, посередине Старый Новый год (1 января по старому стилю). Новогодняя ночь — Щедрый вечер (Щедрец), Васильев вечер (Старый Новый год день святого Василия, покровителя свиней) — «Готовь боровка для Васильева вечерка».

В основе народных традиций времени зимнего солнцестояния — общение с миром мертвых, в основе православных — рождение Христа, который «и мертвым живот даровав». В Святки как бы возвращались времена, когда на земле все было перемешано, когда и живые, и мертвые, и нечисть ходили рядом, и, принимая иную личину на святочных гуляниях, человек как бы приобщался к чужому, потустороннему миру — это только одна из многочисленных существующих трактовок сути ряжения. С другой стороны, это было простым увеселением — надо было нарядиться поуродливее и посмешнее, чтобы никто не узнал, а потом еще и вести себя согласно выбранному образу. Пугать и веселить окружающих одновременно — вот где простор для выдумки! Везде остроты, визги, хохот! Рядились в животных, мертвецов, чертей, странников, горбунов, страшных старух, цыган, кузнецов и т. д. Все эти личины не имели каких-либо индивидуальных черт, это были обобщенные образы, которые проявляли себя более в жестах и движении, нежели в слове (слово лишь акцентировало движение и жест). Святочные игры, потехи и забавы — это отдельная и содержательная тема, которая нашла достаточно

широкое и глубокое освещение в популярной, художественной и научной литературе.

На святках жгли святочные костры для того «чтобы родителям на том свете тепло было». Поначалу церковь всячески пыталась бороться с «бесовскими» праздниками, но преодолеть мощь древних народных традиций ей не удалось, и, в каких-то моментах, она смирилась не только с некоторыми традициями данных святочных забав, но и других языческих праздников. Очень важно помнить — «в каких-то моментах», поскольку церковь не может принять ни в каком виде общение с бесовскими силами в любом плане (гадание, переодевание, «бесовские» игры, прославление языческого Коляды). Коляда — это древнее языческое божество не вошедшее во Владимирский пантеон. Трактовка этого образа различна, поскольку представление о нем можно почерпнуть только из обрядовых фольклорных песен, как и упоминаемых в колядках образов Овсени (Усени, Авсени, Тавсени). Есть множественные попытки постичь их содержание и с помощью изучения этимологии этих слов. «Коляда», по мнению одних (в том числе Карамзина) — бог пиршества и мира, бог праздника, по мнению других, он вообще не божество, а сам праздник народных сказаний и песен, существуют трактовки коляды как бога солнца-младенца («коло», «колесо», «хоровод» — солнце) и т.д.

Прославляющие Коляду обходят деревню приплясывая и величая хозяина каждого дома песнями с пожеланиями добра и хорошего урожая, требуя за это вознаграждения. Структура колядок строится по схеме: введение, величание, требование подарков, пожеланий (или угроз). Основу такого вознаграждения составляло обрядовое печенье в виде коровок, овец, петухов и т.д. Такое печенье называли козульками,

коровками, овсеньками, каледушками, каледашками. Просьбы колядовщиков сопровождались разного рода угрозами — «Не подашь коляду — я корову уведу!», «Будешь дарить — будем хвалить, не будешь дарить — будем корить!». Однако нельзя оценивать колядовщиков как обычных просителей, которые просто воспользовались праздничными днями для более легкого получения желаемого, поскольку они отнюдь не попрошайки, а исполнители древнего магического обряда, с помощью которого более значимое желаемое должно сбыться в будущем и не только у них самих:

«Чтобы рожь родилась,
На гумно свалилась!»

«Сто бы тебе коров,
Полтораст быков!
По ведру бы те доили,
Все сметаною!»

«Иван Иванычу
Житья сто лет!
Прасковьюшке
Всегда здравьице!
Всем детушкам,
Зятьям, снохам,
Сыновьям, дочерям-
Боярышням!»

Любимой забавой русских девушек были святочные гадания, разгул которых приходился на Васильев вечер (подблюдные гадания), когда, по поверью, все, что по гаданию не выйдет, все сбудется. Гадали часто в банях, где гадание граничило с колдовством, поскольку в бане «нечисть собирается погреться». Один из ярких, но при этом смешных примеров — гадание о том, бедный или богатый муж окажется в будущем

у девушки. Девушки поочередно приоткрывали банную дверь на улицу и, в образовавшуюся щель, просовывали, предварительно обнажив, определенную часть тела со словами: «Мужик богатый, ударь по ж... рукой лохматой». Если ощутит лохматую руку — к богатству, голую — к голытьбе. Смех смехом, но в одной из популярных современных газет в святочные дни 2021 года опубликовано письмо участника таких гаданий в российской деревне тридцатилетней давности: «Прослышали мы с парнями, что деревенские девчонки в бане собрались на гадание... Я снял шапку и притаился за дверью... От удара шапкой девушка улетела в сугроб. Хохоту и визгу было!» Эта история стала семейной, пара поженилась.

В ходе святок широко использовались зерна злаков. С Рождеством и Васильевым вечером связаны такие обрядовые ритуалы как варение каши и «засевание» зерен. Так в рождественский сочельник готовили специальное кушанье (сочиво) из зерен пшеницы, их же вместе с зернами ржи и овса сыпали на рождественский стол (под скатерть), а ранним рождественским утром «обсевали» избы с разными приговорками, например: «Сею-посею ярой пшеницей, овсом, гречихой на телят, на ягнят и на всех крестьян!», «На живущих, на плодущих, на здоровье!». Традиционно пекли из пшеничного теста печенье.

Сочельник предварял и праздник Крещенья.

Масленица

Масленичная (сырная, мясопустная) неделя предваряет Великий пост, по сути, это аналог европейского предвесеннего карнавала, посвященного проводам зимы и встречи весны, когда упраздняются обычные нормы и запреты, когда господствуют весе-

лые законы особой праздничной жизни — «Не жизнь, а Масленица!». Когда-то она была продолжительной по времени, но с приходом православия сократилась до недельного срока. Каждый день русской масленичной недели «веселой, широкой и пьяной» имеет свое значение и имя.

Понедельник. Встреча: создание чучела Масленицы, ее демонстрация в массовой процессии с обрядовыми приветственными песнями, воздвиженье Масленицы («Чистая Масленица», «Широкая боярыня») на почетное место, начало зимним забавам, выпечке блинов с особыми предварительными ритуалами, посещениям родных.

Вторник. Заигрыши: зазывание гостей на блины и катальные горы, веселые игры и забавы.

Среда. Лакомка: зятья ходят к тещам на блины, заодно и другие родственники приглашаются для веселья. Надо иметь ввиду и то, что в старорусских семьях зять был не один, их могло быть много, и праздник получался многолюдным. День «объедения» — «Блин — не клин, живота не разломит», «Есть до икоты, пить до перхоты, петь до надсады, плясать до упаду!».

Четверг. Разгул, Перелом: начало Широкой Масленицы, прекращение повседневных работ, кулачные бои и битвы за взятие Снежного городка (иногда взятие городка проходило в день прощания с Масленицей), «карнавальные поезда» на дровнях, забрасывание чучела Масленицы снежками, безудержное веселье, пирушки.

Пятница. Тещины вечерки: чучело Масленицы вывозили на катание. Ответный визит тещ к зятьям на блины, с неоднократным почтенными приглашениями — с вечера тещу сам зять приглашает, а с утра его посыльные (чем больше посыльных, тем больше честь). Особый почет теще — приглашение ее поучить дочь блины печь в первую для молодой семьи масленицу. В таком случае, теща с тестем обеспечивали семью зятя всем тем, что необходимо для выпечки блинов, с вечера отправляя все необходимые атрибуты этого действа — от муки и масла до сковородок и половников.

Суббота. Золовкины посиделки: молодые жены потчевали и одаривали приглашенных в гости сестер мужа — золовок. В приглашенных могли быть (в зависимости от семейного статуса золовок) незамужние подруги или замужняя родня мужа.

Воскресенье. Прощенный день, Целовальник: бурное прощание с Масленицей, масленичные карнавальные шествия — «шуточные поезда», обходы домов по типу колядования. Сжигание чучела Масленицы как символа уходящей зимы, всего ненужного, враждебного, уходящего, мертвящего. Умерщвление Масленицы как символа праздника означало, что ее смерть — залог последующего возрождения новой жизни в злаках и цветах. В конце дня люди обращались друг к другу уже по православной традиции с просьбой о взаимном прощении. Говорили с поклоном, обращаясь к родным и близким: «Простите меня Христа ради!», слыша в ответ — «Бог простит, и вы меня простите!», или же «Прости меня, пожа-

луйста, буде в чем виноват перед тобою. Дети кланялись родителям в ноги. (Надо заметить, что по православным традициям было принято ежедневно перед уходом ко сну попросить у своих домашних прощения, примириться, если возникали неприятные ситуации). Для соблюдения этого ритуала, специально обходили дома друг друга. К вечеру, сразу после колокольного благовеста, в домах не оставалось ни скоромной пищи, ни бурно-веселого настроя, ни красочных одеяний, впереди ждал Великий пост, начинавшийся с Чистого понедельника.

Прощаться с Масленицей, хоронить ее на Руси могли и другими способами кроме сжигания на костре — топить, закапывать в землю, разрывать на куски. Прощание сопровождалось ритуальными песнями с оплакиванием Масленицы и ее поругиванием за недолгое гостевание, с использованием шутливых прозвищ, порой непристойными, глумливыми. Масленицу величали жироедой, широконосой, кривошеей, замарахой и т.д. Костер, на котором сжигали Масленицу, был не обычным, а из соломы и старых вещей, как символ того, что вместе с зимой из нового года уйдет все ненужное, а вместе с прощением людей друг друга уйдут и их обиды. На «погребальном» масленичном костре жгли и разный хлам, и оставшуюся скоромную пищу (чаще остатки пищи отдавали скоту). Пепел Масленицы развеивали над полями для богатого урожая.

Масленичные забавы обязательно включали в себя катание с гор и на качелях, катание на санях, потешные зрелища, многочисленные игры, особые обряды с блинами, включая процесс выпечки и поедания этого сакрального блюда, напоминающего солнце. Ни вил-

кой, ни ножом пользоваться не позволялось. Первый блин — на помин усопших. Все ключевые действа сопровождались обрядовыми песнями, скороговорками, поговорками. Дни масленой недели использовались как возможность молодым и их близким присмотреть пару для будущего создания семьи, для весенних свадеб. Существовали разнообразные ритуалы одаривания друг друга — кто дарит, кому дарит, почему дарит, что дарит и как дарит. Не принимать участие в масленичных забавах и обычаях считалось предвестником самых разных бед грозящих человеку. «Хоть с себя все заложи, а Масленицу проводи!».

Важно обратить внимание на то, что Масленичное действо могло проходить по-разному в разные времена и в разных губерниях. И это объяснимо, прежде всего, тем, что народный праздник «играли», всякий раз он подпитывался новой энергией живого творчества его участников, «кто во что горазд», «лишь бы смешно было». Праздничное действо имело ритуальные правила, но не ограничительные рамки для проявления фантазии в их воплощении. Описаний такого разнообразия сохранилось множество, как в подробном описании зрелищно-игровых действ, так и в поэтическом фольклоре.

Весенние праздники

Евдокия — плющиха (14 марта) — кликали весну «Приди к нам, весна со радостью! Со великою к нам со милостью!». Снег в эти дни сплющивается, отсюда и прозвище «плющиха». Вода из растопленного снега на плющиху считалась целебной.

Герасим — грачевник (17 марта): «Увидал грача — весну встречай!». Пекли хлебы в виде грачей, в некоторых районах России «жаворонков», изгоня-

ли нечистую силу (в этот день их легче уничтожить, особенно кикимор).

Сороки (22 марта) — сорок сороков (день сорока мучеников) в народном календаре посвящен предвестникам весны — жаворонкам: «В день сорока мучеников сорок пичуг прилетает». Наступает весеннее равноденствие. День считался детским праздником. В этот день дети кликали жаворонков и весну. С испеченными из пресного теста «жаворонками» дети поднимались на крыши скотных дворов, сараев, натыкали их на длинные палочки и т.п. (чтобы повыше), поднимали свои ладошки с жаворонками к небу и кликали Весну:

Жавороночки, прилетите!
Весну-красну принесите!
Зима нам надоела,
Все сухарики поела!

«Жаворонков» дети в конце дня съедали. Испеченных птиц могли крошить для угощения птиц. В некоторых губерниях был обычай отдавать головы птичьего печенья своим мамам.

Стряпали жаворонков по определенным правилам (сейчас они часто не соблюдаются). Так у жаворонка, испеченного по старорусской традиции, обязательно должен быть хохолок, шейка поддерживаться шарфиком, концы которого перекинуты за спинкой друг на дуга, перекинуты друг на друга и крылышки за птичьей спинкой, хвостик распластан. Концы крылышек и хвостик разрезаны по типу оперения. В один из жаворонков могли запечь копеечку — «на счастье».

Благовещенье (7 апреля): с датой православного двунадесятого праздника Благовещения связана древнейшая русская традиция отпускания птиц на волю.

«Благовещенье — на волю птиц отпущенье». Право отпустить птицу на волю предоставлялось детям. Вот как вспоминала о таком дне из своего дореволюционного детства художница революционных празднеств Октября В. Ходасевич: «На Трубной площади устраивали птичий торг. Продавали разнообразнейших птиц, даже воробьев. На площади толчея. Невероятный гомон, крик, да и взволнованные птицы болтают невесть что. Я всегда просила отца купить снегиря. Пахло талым снегом, бежали вдоль тротуаров ручейки. Светило солнце, и когда я отпускала на волю купленного снегиря, то долго была видна на небе его алая грудка. Было и жалко, и как-то восторженно. От волнения часто-часто билось и замирало сердце» [94]. Этот обычай воспринимался как старинный даже во времена А. С. Пушкина, который очень точно выразил глубинную мудрость и поэтичность этой народной традиции:

«В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
Зачем на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать».

Красная горка — первое воскресенье после Пасхи (Фомино воскресенье). «Красную весну» встречают с восходом солнца на самой красивой в округе возвышенности, освещаемой солнцем и покрытой первой зеленью. День девичьих хороводов-веснянок, девичьих хороводно-обрядовых игр, качелей, сватовства и свадеб. Весенние хороводы — как символ солнечного круговорота.

Зеленые святки, Семицко-Русальная неделя

Зеленые святки — это неделя перед Троицей, седьмая неделя после Пасхи, которая захватывала и дни после Троицы (троицко-семицкий цикл). Основу семицко-троицкой обрядности составляет культ растительности, прежде всего, березы, трав и цветов. В широком смысле к зеленым святкам относят время от Вознесенья (или даже Красной горки) до Петрова дня.

Неделя летних Святок имела три особых дня: вторник, четверг и субботу:

Задушные поминки (вторник) — поминание умерших родственников на кладбище. Это поминки, которые не приняты православной церковью, но в народной традиции почитались очень высоко. Поминки несли не траурный, а светлый характер. На могилы приносили венки и березовые ветви, еду и выпивку. Поскольку по поверью в этот день покойники бродят по кладбищу, то часть еды оставляли для них.

Семик (четверг семицкой недели) — Это и день поминовения «нечистых покойников», и девичьи гуляния в лесных рощах и на берегах водоемов с завиванием берез. Девушки украшали одну из берез, сплетали ветви у одной березы, у рядом стоящих берез, переплетали березовые ветви с травой, тем самым как бы сохраняя силу их весеннего роста и передавая ее траве, полю, воде, людям. Образовавшиеся березовые венки использовался для обряда кумления — девушки целовались через венок (кумились), обменивались личными вещами, нательными крестиками как знаком готовности к преданной дружбе. Венки использовались в качестве предмета девичьих гаданий, для чего их бросали в воду, умывались, зачерпывая воду из центра венка. По тому, как чей венок поведет себя, оказавшись в воде, толковали предстоящую судьбу

его владелицы. Девичьи песенные хороводы и угощения с использованием яиц были также обязательными атрибутами праздника. Семик считался большим праздником, а обряд завивания березок обязательным как жизненный оберег:

«Кто венков не вьет,
Того матка умрет.
А кто вить будет –
Того жить будет!»

Заканчивался праздничный четверг всеобщим пиром юношей и девушек.

Клечальная суббота — клечальный (русальный) день, когда усмиряли русалок, якобы являющихся людям с целью обольстить их своим пением и защекотать насмерть. Усмиряли русалок и успокаивали водяного дедушку с помощью ответных песен и огнями костров вдоль водоемов.

Народные традиции Зеленых Святок оказали влияние и на празднование православной Троицы, во время которой церкви украшались также, как украшались дома и дворы по традиции древних славянских народных гуляний — травами, цветами и ветвями берез.

Духов день (понедельник) — день после Троицы. С Духова дня начиналась Русальная неделя. Русалки в это время, по поверьям, выходят из воды на сушу, бегают по полям, распевают песни, качаются на ветках деревьев и заманивают прохожих, чтобы защекотать их до смерти. Вместе с тем, по народным верованиям поля, по которым бегали русалки, становятся плодороднее. Русалки, по поверью это «нечистые покойники» — души утопленниц, девушек умерших до брака, умерших некрещеными детей и другие «заложные» покойники. Таких покойников поминали в Семик (неизвестных, казненных и т.д.) За Русальной неделей

шла Всесвятская неделя, и хотя вместе с ней начинается Петровский пост, это время характеризовалось традицией Всехсвятских хороводов. Березовые венки развивали, кое-где березку топили. Хороводы порой водили до окончания поста (12 июля).

День Ивана Купалы

День Иваны Купалы (Иванов день) — 7 июля. Купала — значимый праздник в русской народной культуре, который издревле приурочивался к времени летнего солнцеворота — 23–24 июня (7 июля по новому летоисчислению). Само слово «купала» созвучно словам «кипеть» и «купать», не случайно празднику свойственно очистительные обряды связанные с водой и огнем. «Закупываться» начинали еще с Аграфены-купальницы (6 июля), когда проводились и общие купания в водоемах и обязательное посещение бань с использованием в парной многообразия целебных летних трав, которые в это время наполняются особой чудодейственной силой. Колючие же растения (крапива, шиповник и др.) сжигали от нечистой силы. Купание в водоемах, начинающееся с полудня сопровождалось песнями, играми, пиршеством. Поскольку в самую короткую «страшную и чародейную» Ивановскую ночь по поверью оживает вся нечистая сила, собираясь на свой шабаш, то спать было нельзя, а для охраны жилищ и скотных дворов использовали обереги в виде крапивы и осиновых деревцев. Девушки в эту ночь гадали с использованием трав и цветов. Вариантов таких гаданий существовало великое множество. Ивановская ночь была наполнена безудержным весельем с хороводами, песнями, игрищами, купанием. Украшенные венками и подпоясанные травами прыгали через

зажженные костры и крапивные кусты, обливали друг друга и всякого встречного-поперечного водой (щадя только маленьких детей и стариков), обмазывали их грязью для последующего обмывания в водоеме. Все это происходило в радостной атмосфере всеобщего крика и смеха.

Купальские костры — неотъемлемый атрибут праздника. На них сжигали одежды больных, через них прыгали, взявшись за руки, влюбленные пары, проверяя, разойдутся ли их руки во время прыжка или нет (знак крепости союза). В центр главного костра водружали шест с горящим колесом (солнце). С этой ночью связано и народное сказание о цветущем ровно в полночь папоротнике (как известно папоротник никогда не цветет), и кто сорвет это волшебный цветок, перед тем откроются все клады земные, и он приобретет особую силу неведомую простым смертным. Купальское утро встречали обрядом умывания целебной утренней росой. Существовал обряд «черпать росу» — по мокрой траве таскали чистые тканевые полотна, отжимали их и этой росной водой умывались и окропляли избы.

В празднике должны были участвовать все, это было залогом здоровой и долгой жизни как самих участников гуляний, так и их близких. Кое-где венки развивали и топили березку.

Николины дни

Святой Никола особо почитался русским крестьянством как «скорый помощник», защитник бедных и угнетенных, радетель перед Богом — «Нет за мужика поборника — супротив Николы». Два Николина дня 22 мая и 19 декабря (Весенний и Зимний) стали для крестьянства большими праздниками

и обросли многочисленными народными традициями, главными из которых стали крестьянские братчины.

Никольская братчина проводимая в Зимний Николин День (19 декабря) носила семейный характер, на нее собирались, прежде всего, старики рода, обязательно приглашались соседи. В основе этого праздника лежит семейно-родовой культ, где основные роли принадлежат домохозяевам и старикам. В ходе семейного сбора подводились итоги года, обсуждались хозяйственные проблемы, говорилось о родственниках живых и умерших. Вместе с тем, в этот день отмечалась и общая братчина поселян, которая начиналась с общего церковного молебна (в ходе которого ставили общую большую свечу перед образом почитаемого святого), заканчиваясь общим угощением и раздачи остатков стола нищим. Помимо зимней Никольской братчины главной считалась еще *Михайловская братчина* в честь Архистратига Михаила (21 ноября).

На Николу Вешнего (считавшимся мужским праздником) по типу братчин устраивались «*никольщины*». Поскольку Святой Николай являлся еще и покровителем лошадей, то в этот день особенно славили пастухов и погонщиков, а парни первый раз выходили в ночное, где молодежь гуляла до утренней зари.

Егорьевы дни

Среди дней в святцах, посвященных святому Георгию, русское крестьянство выделяло два «Егорьевых дня» — Вешнего (6 мая) и Холодного (9 декабря). Святой Георгий, изображаемый на гербе России с давних времен и почитаемый как покровитель русского воинства, также является покровителем земледельче-

ства и скотоводства. Само имя Георгий переводится с греческого как «земледелец». На вешнего Егория впервые выгоняли скотину на летний выпас, пахали землю, катались для здоровья по росяной траве Холодный (Осенний — поскольку по старому календарю отмечался 26 ноября). Егорий вошел в историю как знаменитый Юрьев день. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — эта поговорка появилась в начале XVII века после окончательно закрепощения крестьян и запрета для них уходить от одного помещика к другому в ближайшие к Юрьеву дню недели.

В этот день также по типу Никольских братчин устраивались складчины — общие пиры сельчан.

Кузьминки

Кузьминки, дни в честь святых Кузьмы и Демьяна (Космы и Дамиана) бывают Летними и Осенними.

Летние Кузьминки (14 июля) — чисто женский праздник: ходили в гости, устраивали посиделки в складчину (женская братчина, каша — «ссыпчина») с песнями и разговорами, с пивом и растительной пищей. Однако посиделки устраивались только после выполнения необходимых огородных, сенокосных и домашних работ. Поскольку святые Кузьма и Демьян были лекарями-бессеребрениками, считалось, что в Кузьминки любой недуг легче исцелить. Святые также почитались покровителями святости христианского брака, помощниками к обучению грамоте и просвещению разума.

«*Осенние Кузьминки* — по осени поминки» (14 ноября). Продолжение свадебной поры. «Курьи именины». Кур в этот день кропили святой водой. Хоть одно блюдо из курицы в этот день да полагалось съесть. Варили в этот день куриную лапшу, жарили

петушков и обязательно кашу. Дарили живых кур, которых берегли как высиживающих целебные яйца. Устраивались девичьи вечерки с приглашением парней. Перед этим девушки обходили дворы с украшенным веником, собирая продукты насыпную кашу, пекли блины, варили козьмодемьянское пиво. С бочонком пива и с песнями девушки отправляются приглашать на праздничное застолье сельского старосту, родственников-мужчин. После застолья начинались молодежные игры и забавы. Вечером парни могли воровать кур, это воровство не осуждалось, поскольку входило в одну из забав праздника.

Петров день

Петровки — 12 июля. Петров день — конец Петровского поста. В этот день солнце «играет», наступают петровские жары, лето Красное и время трудных работ земледельцев.

«Петр-Павел — жару прибавил», «С Петрова дня — красное лето, зеленый покос!». Время разгара земледельческих работ, работы не прекращались, но «у мужика то и праздник, что Петров день». «Гулянки-петровки начинались в канун праздника, всю ночь играли, водили хороводы и караулили солнце. Для трапезы вокруг костров устраивали складчину — *петровщину*. «Как ни сторонись девка, а на петровских качелях с пареньком покачаешься!», «На Петров день качались, к Покрову свадьбу-радость справили!». Рыбаки считали этот день своим праздником, так как апостол Петр, сам из рыбаков и слыл покровителем рыбного промысла. Петров день традиционно считался временем отдачи долгов, завершением торговых сделок, временем ярмарок.

Праздники урожая

Госпожинки, Оспожинки, Спожинки, Осенины — народные празднества связанные по времени с двунадесятыми православными праздниками в честь Успения (28 августа) и Рождества (21 сентября) Пресвятой Богородицы. Успенье давало начало молодому бабьему лету, а неделя с 13 по 21 сентября — старое бабье лето.

До Успения (первая Пречистая) полагалось успеть дожать последний сноп, принести разные зерна, колосья и свежеиспеченный хлеб из новой муки в церковь для освящения. Несколько колосьев, перевязанных лентой, полагалось оставить в поле — «завить борозду» для хорошего урожая в будущем. В разных местностях были разные традиции, связанные с окончанием жатвы — катание жниц по жнивью, обливание их водой и т.д. Спожинки продолжали отмечать и 29 августа (Третий Спас). Устраивались в складчину совместные пиры, начинались осенние посиделки.

На вторую Пречистую (Рождество Богородицы) женщины встречали на берегу водоемов овсяным хлебом матушку Осенину.

Уборка урожая, хлеба сами по себе были радостью, праздником, сопровождаемые веселым пением, символическими обрядами связанными с украшением цветами цветочными венками и символических снопов («сноп-дожинок»», «именинник»), и головы девушек-жниц, и полевые шесты. В венки традиционно вплетались колосья ржи. Заканчивалась уборка хлеба пирами именуемыми «дожинками», «обжинками».

Сегодняшняя жизнь народных праздников все дальше уходит от их исконного смысла, все больше превращаясь в праздничные забавы. Вместе с тем, растет инстинктивная потребность современных людей в возрождении традиций народных праздников,

поскольку в стремительно меняющейся действительности возникает необходимость в ощущении незыблемости основ бытия. Мощная сила народной традиционной праздничной культуры, преодолевая все испытания исторических времен и техногенной цивилизации, продолжает жить в тех или иных формах, оставаясь неистребимой как природная стихия.

Контрольные вопросы и задания

1. Как определить время празднования русской Масленицы? Назовите каждый день недели празднования Масленицы и объясните их содержание.
2. Назовите календарное время русских Зимних и Зеленых святок.
3. Какой праздник русского народного месяцеслова вызывает у Вас наибольший интерес? Найдите в рекомендованной литературе и в других источниках новые детали описания традиций этого празднества, не упомянутые в данном параграфе.

§ 8. Праздники царского двора Петровской эпохи

В боярской Руси не было особых отличий в праздничных ритуалах знати и простонародья. Разве что, в ходе больших православных и народных празднеств цари и бояре демонстрировали власть и единство с церковью перед своими подданными с помощью пышного торжественного выезда или выхода в народ в роскошных одеяниях и украшениях себя и своего окружения, публичного участия в церковных обрядах. Визуальные впечатления народа подкреплялись

публичным провозглашениями царских милостей в честь праздника и публичной раздачей даров в виде угощений.

С началом царствования Петра ситуация изменилась. Реформаторские идеи требовали решительных действий в отторжении сложившихся традиций. То есть если боярская Русь жила вместе с народом по единому праздничному месяцеслову, соблюдая общие праздничные законы, то с эпохи Петра у знати появились свои обряды и ритуалы, которые все дальше отодвигали власть от простонародья. Своеобразная театрализация стала пронизывать всю жизнь царского двора и в обыденной жизни. При этом, поскольку реформаторская деятельность Петра противоречила народно-православным устоям, он сделал объектом осмеяния церковь и ее обряды. В частности, проводились пародийные церковные службы, и был создан «всешутейший собор», диктующий веселое отношение к переменам в русской традиционной жизни.

«Искоренение древних обычаев в эпоху Петра приводило к упадку нравственности. Вслед за М. Щербатовым В.Е Ключевский повторит, что желание Петра смягчить грубые древние обычаи привело к распущенности и порче нравов, признавая тем самым связь древних обычаев и обрядов с нравственным здоровьем народа, а значит, и с педагогическими задачами. Именно эта порча нравов и вызвала идеализацию допетровской Руси» [98, с. 103].

Петр I придавал огромное значение публичным зрелищам, используя их для популяризации своих преобразований, внедрения своих идей, для увеселения и устрашения. В роли главного «сценариста-постановщика массовых действ выступал сам царь. С детских лет его привлекали военные потехи, которые со временем стали напоминать настоящие сраже-

ния, в которых принимали участие до полутора тысяч человек. Фантазия Петра была смелой, веселой, неограниченной, остроумной и порой жестокой. Любимыми формами массовых действ и зрелищ были:

- Огненные действа (фейерверки и иллюминации);
- Торжественные триумфальные шествия;
- Придворные и уличные маскарады;
- Свадьбы и пародийные обряды;
- Устрашающие зрелища;
- Ассамблеи.

Первый *фейерверк*, напугавший всех насмерть, был устроен еще при Алексее Михайловиче Нарышкине, а при Петре I искусство огненных действ достигло своей вершины. Фейерверки, поражающие грандиозностью иностранцев, зажигались при каждой одержанной Россией победе. Это были не просто световые зрелища, а сюжетные представления со специальными сложными декорациями, продолжавшиеся в течение двух-трех часов. Сюжеты были, как правило, аллегоричны, и для того, чтобы они были понятны, выпускались специальные книги и гравюры. Так по случаю Ништадтского мира в 1721 году, в результате которого прекратилась многолетняя Северная война со Швецией и Россия закрепила за собой выход к Балтийскому морю, почти целый месяц праздновали победу. «Сия радость — говорил Петр, — превышает всякую радость для меня на земле». Среди других торжественных акций была осуществлена и огненная феерия. В основе ее лежал аллегорический сюжет: Российский Орел побеждает молнией врага. Фигура Орла двигалась по веревке от здания Сената к храму двуликого Януса (специально построенное символическое сооружение). Через открытые две-

ри храма была видна фигура Януса, у ног которого лежало сложенное оружие. Петр самолично поджег Орла, от которого в свою очередь загорелись 2000 разноцветных огней храма. Две огромные фигуры рыцарей олицетворяющих собой Россию и Швецию (российский рыцарь на голову выше шведского) подали друг другу руки и закрыли двери символического храма. Раздался гром сотен пушек, колокольный звон, барабанов, литавр, и тысячи ракет взметнулись в воздух. Казалось, по словам очевидцев, что земля и небо готовы были разрушиться. На двух щитах появились изображение Правды и корабля, входящего в пристань с надписями: «Всегда победит!» и «Конец дело венчает».

> «Рядом с щитами вспыхнули две пирамиды, образованные таким искристым красивым белым огнем, что они казались сделанными из бриллиантов; над каждым сияло по звезде из подобных же огней. Через несколько минут к горевшим уже пирамидам присоединилось еще две, обсыпанные звездочками вокруг, а еще через некоторое время над звездочками взвились шары, колеса и фонтаны из огненных искр. В завершение фейерверка по Неве пустили несколько фигур из яркого белого и голубого огня вместе со множеством сверкающих шаров, колес и звезд. Около полуночи кончилось это волшебное зрелище». [82, с. 122].

Во время этого праздника народу был отдан жаренный на вертеле бык, пробу с которого снял сам царь. От быка в мгновение остались одни кости, а тот, кому достались «золотые» рога вдобавок получил денежную награду. По обе стороны вертела били два фонтана с белым и красным вином, которое лилось

каскадом в нижние бассейны, откуда его мог черпать любой желающий. Подобное празднество прошло и в Москве. Для российского государства, как и для Петра Великого, празднуемая победа была очень значимой, и именно после нее Петр посчитал заслуженным для себя звание императора всея Руси.

Традиция *торжественных шествий* с возведением триумфальных ворот берет свое начало в России с празднования в 1696 году в Москве взятия Азова. Основу праздника составили демонстрация на большом пруду батальных сцен покорения крепости, триумфальное шествие и фейерверк. Шествие состояло из вереницы конных всадников самого разного характера (воины и вельможи, шуты, певцы, гудошники), золотой царской кареты, волочения 16 турецких знамен за которыми следовали пленные. Заключали шествие стрелки во главе с самим Петром, одетым в морской кафтан и с протазаном (большой пикой) на плече. Историки пишут, что зрелище было ярким, но малопонятно москвичам того времени.

После основания Петербурга праздники стали проходить гораздо пышнее и масштабнее. Так в ходе празднований успехов в Северной войне в Москве и Петербурге было построено шесть триумфальных ворот. Аллегорический язык оформления триумфальных арок, строящихся в честь викторий, был понятен лишь образованному люду того времени. Аллегории были не библейские или же мирские, а исторические и поэтические — «от стихотворцев с вымышленными лицами и подобиями, от зверей, гадов, птиц, древес и прочих». Как уже говорилось, в петровскую эпоху велась предварительная работа по разъяснению образно-поэтической иносказательности данных аллегорий, которые использовались не только при создании триумфальных ворот. Одна из таких самых

известных аллегорий, знаменующая собой победу русского оружия в Северной войне и сохранившаяся до сегодняшнего дня — центральная скульптурная фигур Петергофского фонтана «Самсон, раздирающий пасть льву».

Триумфальных торжеств было много, но праздник в августе 1723 года стал самым выразительным и ярким, это был праздник в честь успехов Балтийского флота. Центром этого торжества стал эпизод чествования реставрированного и доставленного на Неву ботика, с которого началась история Балтийского флота и его побед. Роль кормчего на ботике выполнял сам Петр. Ботик приветствовали выстрелами из полуторы тысяч пушек, а когда он поравнялся с современными большими кораблями, те в знак великого к нему уважения спустили свои флаги и вымпелы до самого низу. В застолье Петр произнес в честь ботика тост: «Здравствуй, дедушка! Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят».

Уличные маскарады часто были кульминацией придворных маскарадов. Маскарадные костюмы заблаговременно утверждал сам царь. Маскарады могли длиться неделями и даже месяцами, и принимать в них должны были все дворяне без исключения. В дни маскарада они не имели права выходить из дома без костюмов, а для отлынивающих от веселия Петр устраивал дополнительные принудительные вакханалии. Вот как описывал один из таких маскарадных дней в масленичную неделю камер-юнкер Берхольц:

> «...рано по утру началось необыкновенное движение в подмосковном селе Всесвятском, откуда должен был начаться маскарад. Взору зрителей была представлена необыкновенная картина: множество морских судов разной величины и разного вида с парусами, флагами

и вымпелами казались флотом, занесенным неведомую силой в московские окрестности. Тут же находились до полусотни саней, запряженных различными зверями. Толпы народа ожидали, когда необыкновенный поезд тронется. Наконец сигнальная ракета лопнула в воздухе и сухопутный флот, утвержденный в санях, длинною вереницею потянулся от Всесвятского к Тверским воротам.

Шествие было необыкновенным: торжественное и смешное, величественное и потешное переплеталось самым необыкновенным образом. Впереди всех на больших санях, запряженных вереницей лошадей, с множеством привесок и побрякушек, ехал придворный шут, наряженный арлекином. За ним следовали сани, где на особо устроенном троне восседал князь-папа, облаченный в длинную мантию красного бархата, подбитую горностаем. В ногах его верхом на бочке восседал Бахус. Далее на шести оседланных волах ехала свита папы — шесть кардиналов. Потом в маленьких санях, запряженных четыремя свиньями, ехал опять шут, наряженный подобно первому, а уже за ним начиналось шествие самого флота.

Впереди, в небольшой лодке, флотские офицеры, одетые лоцманами, постоянно бросали лот, как бы из меряя глубину. За лодкой двигалась громада: 88-пушечный корабль, построенный наподобие корабля Фредер-макера, спущенного на воду в марте 1721 года в Петербурге. Кораблем правил сам Петр, ему помогали юнги, которые с проворством ставили и переменяли парус. Иначе 16 лошадей,

тянувших корабль, едва ли смогли бы сдвинуть его с места. Из 88 корабельных пушек 8 были настоящими. На пушечные выстрелы с императорского корабля отвечали пушки с шлюпки князя Д. Кантемира, следовавшего в хвосте этого необыкновенного поезда, состоявшего более чем из шестидесяти судов и саней. Здесь можно было найти всевозможные маски: возле пестрого Арлекина сидел черный дракон; волк беседовал с журавлем, напоминая известную басню Эзопа; придворный шут Виташи, зашитый в медвежью шкуру, был точно живой медведь, его сани везли 6 ручных медведей. Интересно отметить, что в этом маскараде принимала активное участие большая группа иностранных представителей» [23].

Петр очень любил принимать активное участие в устройстве свадеб, но особое удовольствие ему доставляли пародийные свадьбы. Так 14 ноября 1710 года он устроил свадьбу своего любимого карлика Якима Волкова, на которую свезли отовсюду около семидесяти карликов и карлиц. А в январе 1714 года решил женить своего дядьку (диакона-учителя) Никиту Зотова («князь-папы» *Всешутейшего собора* созданного Петром). Зачем царю понадобилось создавать «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор» историки пытались объяснить по-разному, приписывая Петру самые разные цели — воспитательные, педагогические и прочие. Однако большинство склоняются к мнению, что мощная энергия Петра требовала выхода и находила его в подобном роде развлечении. При этом, участие в пьяном разгуле разношерстной компании пьяниц, обжор, шутов и дураков ничуть не мешало ему не упускать из внимания важные государственные дела. Пьяная компания чис-

лом до двухсот человек часто носилась от дома к дому по Москве на санях запряженных свиньями, козами, собаками и медведями, славя хозяев и требуя от них вознаграждений.

По одним сведениям Никита Зотов, получивший титул «всешутейшего отца» за умение пить, просился в преклонном возрасте на покой в монастырь, по другим — сам задумал жениться, наполовину выживший из ума, на молодухе. К свадьбе дядьки готовились около трех месяцев. Весь Петербург стал ее зрителем. О начале свадьбы объявляли на уличных перекрестках глашатаи — четыре самых страшных заики. В маскарадном шествии в честь свадьбы приняло участие 100 музыкальных квартетов, играющих на самых разных инструментах и приспособлениях. Во главе процессии шел окруженный генералами с барабаном сам Петр в костюме голландского крестьянина. Князь-кесарь Ромодановский ехал на огромных козлах для распилки дров, на четырех концах которых сидело по медведю, которые громко ревели оттого, что их специально кололи рогатками. Весь этот грохот, рев, шум дополнительно сопровождался колокольным звоном петербургских церквей. Для венчания 70-летнего дядьки царя с молодой 34-летней женой была выстроена специальная полотняная церковь, где обряд совершал полуглухой, полуслепой и полоумный дряхлый священник, которого держали под руки и кричали ему в ухо слова церковного ритуала. Свадебные дружки были подобраны по такому же принципу. То есть вся свадьба была построена по карнавальному принципу «перевертывания», перемещения «верха и низа» и имела смеховое начало в духе Всешутейшего Собора. В ходе свадебного пира на столах разрезали огромные пироги, из которых вышли карлик и карлица (первый на женском, вторая

на мужском столе). Карлица была в бантах, цветах, но при этом нагая, она произнесла с бокалом в руках нечто вроде игривого тоста. Жених недолго прожил после пьяного разгула, а его молодой вдове вскоре снова пришлось переживать шутовскую свадьбу уже с Петром Бутурлиным, устроенную царем. Маскарад по случаю этой свадьбы продолжался с перерывами полтора месяца. Участники маскарада были обязаны не покидать свои дома без костюмов, ходить в таком виде в гости, гулять по Петербургу, кататься в каретах и лодках. Более 1000 масок приняли участие в этом маскараде (сатиры, журавли, бояре на медведях и т.д.). Царь лично устроил им предварительный «кастинг». Уклонившиеся подвергались штрафу в сто рублей и спаиванию в ходе принудительного заключительного застолья.

XVIII век часто называют веком просвещения, иногда играющим веком, но это и жестокий век. Пытки, публичные жестокие казни был и в обычаях того времени. Увы, Петр I проявил свои фантазии и в устроении зрелищ жестоких казней. Перед картинами его публичных расправ над стрельцами-изменниками померкла бы любая трагическая постановка. Всем известна картина художника Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни», где отражен момент зловещего сценария Петра. На картине мы видим Красную площадь, фигуру царя на коне, обреченных на смерть объятых ужасом стрельцов, их страдающих близких, виселицы вдали… Десятки телег съехалось на площадь в этот день 1698 года со всех концов Москвы. В каждой телеге находилось по два приговоренных стрельца, держащие в руках зажженные свечи, и за каждой телегой с душераздирающими криками бежали толпы их бесчисленных родственников. Вдохновителя первого стрелецкого бунта Ивана Милослав-

ского царь велел выкопать из могилы и привезти на свиньях. Гроб раскрыли под эшафотом, куда стекала кровь из отрубленных стрелецких голов. Петр лично отсек пять голов и заставил делать это же бояр. Жестокость его ужасна, но ее истоки становятся понятны не только из понимания целей стрелецкого бунта, но и из биографии Петра — в детстве стрельцы на глазах десятилетнего мальчика, будущего царя, на куски растерзали его дядю и множество людей близких его семье. Месть Петра была страшна. Казням подверглось за несколько дней 799 стрельцов. Более 20 лет головы казненных простояли нанизанные на рожны. Трупы же колесованных и повешенных не убирались в течение пяти месяцев.

Среди форм публичного досугового общения отдельно выделяются *ассамблеи* (светские собрания) петровской эпохи. Ассамблеи были созданы по инициативе Петра I «не только для забавы, но и для дела» в 1700 году, а регулярно начали действовать с ноября 1718 года. Ассамблеи предполагали чисто светское, по началу, принудительное общение, которое организовывалось по три раза в неделю в частных домах. Хозяин дома должен был освободить комнаты для танцев, предоставить столы для игр в шашки и шахматы, бесед, обеспечить музыку, сладости и напитки, табак и трубки, но не должен был «ни встречать, ни провожать, ни потчевать гостей». Существовало специальное «объявление, каким образом ассамблеи отправлять надлежит», первый пункт которого гласил: «В котором дому имеет Ассамблея быть, то надлежит письмом или другим знаком объявить людям, куда всякому вольно придти, как мужскому полу, так и женскому», Летом ассамблеи проходили в парках (садах), где распоряжался сам царь, где он мог сам вместе с членами своей семьи угощать вином

приближенных. Без дозволения Петра никто не мог покинуть эти собрания. На ассамблеях танцевали, играли в шахматы, шашки, фанты, курили и беседовали. Поначалу ничего из этой затеи не получалось, поскольку окружение Петра к такому общению не были привычны, в шахматы играть не умели, светских манер не имели. Петр подробно диктовал правила поведения в обществе, вплоть до того когда и как на девиц смотреть полагается. Порядок ассамблей был строго регламентирован и по времени. В частности, начинались они не ранее четырех часов вечера и заканчивались не позднее десяти. На ассамблеях Петр, как и обыкновенно, выступал большим затейником, придумывал забавные танцы — Grossfater (дедушка), Ketten (цепочка). От участия в этих играх-танцах не мог уклониться никто, включая членов царской семьи и дряхлых стариков. Уклонившиеся от участия или потерявшие даму в процессе танцевальной игры подвергались штрафу в виде кубка вина (Большого или Малого Орла), который они должны были немедленно выпить. Устоять на ногах после такого штрафа не мог никто. Опьяневших полагалось складывать по отдельности в зависимости от принадлежности «мужескому или женскому полу». Несмотря на обильные возлияния, ассамблеи стали новой формой общения делового мира, в ходе которых велись соответствующие беседы, в том числе на политические и научные темы. Женщин же с помощью ассамблей впервые вывели из затворнической жизни.

По петровскому указу первым днем нового года с 1700 года стал первый январский день, которым до этого считался первый сентябрьский день, а до XV века считалось, что год берет начало с 1 марта:

> «Поелику в России считают Новый год по-разному с сего числа перестать дурить го-

ловы людям и считать Новый год повсеместно с первого генваря. А в знак доброго начинания и веселия, поздравлять друг друга с Новым годом, желая в делах благополучия и в семье благоденствия.

В честь Нового года учинять украшения из елей, детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям пьянства и мордобоя не учинять — на то других дней хватает» — Петр I. 15 декабря 1699 года.

В эпоху Петра Великого происходила коренная ломка всех традиций русского народа — патриархальный образ жизни, основанный на идеалах православной веры, заменялся светским и рациональным. Царь Петр был беззаветно предан в своем служении государству и реформатором был решительным, но меняя традиции и образ жизни, прежде всего столичных жителей, он надолго, если не навсегда, разделил «верхи» и «низы» русского общества. С одной стороны, своими реформами Петр способствовал высвобождению государства из-под церковного влияния и снятию замкнутости жизни личности в рамках семейно-родового общения, с другой стороны, с эпохи царствования Петра праздники на Руси утратили во многом свою объединяющую силу. Верхушка общества стремительно европеизировалась, а народные массы жили и праздновали по старинным обычаям, что привело к кризису национального самосознания. Правящие силы в российском государстве потеряли контакт с народом.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие зрелища и массовые действа были любимыми формами Петра I?

2. Что собой представляли ассамблеи петровской эпохи?
3. Как вы думаете, можно ли назвать маскарадные шествия петровской эпохи карнавальными и почему?
4. Расскажите о наиболее впечатлившей вас «режиссерской» фантазии Петра в организации зрелищ и забав.

§ 9. Система праздников царской России

В данном параграфе речь пойдет о системе праздников, которая сложилась в России на рубеже XIX–XX веков. Условно праздники делились на две большие группы — церковные и гражданские. Однако и праздники языческой природы также занимали большое место в праздничном календаре россиян (Святки, Масленица, Красная горка и т.д.). Церковь не была отделена от государства, поэтому все гражданские праздники были пронизаны духом православия и его обрядностью. В свою очередь народные праздники с языческими корнями тесно переплелись с календарем праздников православия. Об этих моментах взаимодействия праздничных традиций в России речь идет в других параграфах данного пособия. В данном же параграфе сосредоточим наше внимание лишь на том, что составляло основу системы праздников, целенаправленно поддерживаемых государством в тот исторический период.

Все праздники в царской России подразделялись на табельные (выходные) и не табельные дни. К при-

меру, в России 1898 года было 98 табельных дней. Церковные праздники составляли основу праздничного календаря. Значимых праздничных дней в церкви очень много, и они, как сказано выше, имеют тесную связь с внецерковными народными традициями, что ярко отражено в русском народном месяцеслове, представляющим из себя расписанный по дням календарь русского крестьянства, в котором народные календарные празднества, обычаи, обряды и наблюдения за явлениями природы соотнесены с днями церковного календаря (церковного месяцеслова).

Церковные праздники

Церковные праздники подразделялись на:
Великие:

- Пасха — главный праздник православного христианства;
- Двунадесятые праздники (12 праздников из жизни Христа и Богородицы);
- Пять праздников, связанных с жизнью Христа, Богородицы, Иоанна Крестителя, апостолов Петра и Павла.

А также на:

- Средние и малые праздники;
- Престольные праздники (праздники церковного прихода конкретного православного храма).

Гражданские праздники

- Царские дни (рождения в царской семье, тезоименитство, коронации и т.д.);
- Викторианские праздники (дни одержанных в сражениях побед);

- Праздники важнейших государственных отличий (дни в честь кавалеров различных орденов);
- Праздники в честь избавления от бед (эпидемий, наводнений).

Гражданские праздники, как и вовсе времена, были призваны поддерживать господствующую идеологию для поддержания существующего государственного строя. Решения этих задач были призваны выполнять специальные государственные учреждения:

1. Церемониальная часть (1718–1916 гг.) — создавала сценарий, утверждаемый царем (существовала при коллегии иностранных дел, а позднее при министерстве императорского двора);
2. Гофмаршальская часть (1891–1916 гг.) — занималась реализацией сценария (существовала при управление дворцами самодержца и его двора).

Презентация власти в царской России традиционно проходила по особым пышным и строгим ритуалам, которые были призваны максимально дистанцироваться от низших классов не только подчеркивая божественное начало власти, но и его иноземное начало, возвеличивая эстетический и культурный идеал монарха, который также как и его окружение живет иной жизнью, нежели чернь. Вместе с тем, аристократия не отделяла себя от народа в том смысле, что считала себя и простонародье детьми одного Отечества принадлежащими одной православной вере и полагала своей, Богом данной, обязанностью заботиться о простолюдинах. Поэтому соблюдение дистанции между высшим и низшим сословием в ходе даже цар-

ских дней не было абсолютным. Так, по рассказам француза маркиза де Кюстина, посетившего николаевскую Россию в 1839 году, в День тезоименитства императрицы вокруг Петергофа перемешался самый разнообразный съехавшийся на праздник многотысячный люд — офицеры и солдаты, купцы и дворяне, крепостные и царедворцы. Маркиза потрясла величавая пышность и иллюминационная яркость торжества (поразительнее, по его утверждению, он ничего доселе не видел), вкус и изящество в оформлении праздника, но он заметил лишь один недостаток — отсутствие непринужденного веселья и присутствие строгой дисциплины и в бивуаке собравшегося народа, и в ходе состоявшихся гуляний в саду Петергофа. Порядок был во всем, и, конечно, когда мы читаем, как маркиз наблюдает за беседой императора с несколькими бородатыми мужиками в национальных костюмах, понятно, что это не случайные люди из толпы, а «представители народа», приглашенные на бал в сам дворец. Большинство, не попавшие в раззолоченные апартаменты, могли наблюдать за балом в распахнутые окна дворца и чинно гулять по освещенным иллюминацией, аллеям парка. На рубеже XIX–XX веков демонстрация неотделимости царской власти от народа в государственных празднествах еще больше возрастала.

Серьезное исследование, отраженное в двухтомном издании, торжественных праздничных церемоний русской монархии от времен правления Петра I до заката русской империи провел американский историк Ричард С. Уортман, который использовал для описания индивидуальных способов презентации императорского мифа понятие «сценарии власти». Уортман хронологически продемонстрировал, как эти сценарии эволюционировали в зависимости

от конкретного исторического контекста, как эти сценарии вводили конкретные события в символический контекст и видоизменяющийся церемониал освещал действия монархии в соответствии актуальными времени целями и задачами власти. В частности, в этой хронологии отражены ритуалы от торжеств государственного уровня царской эпохи — времен освоения западных моделей жизни общества, эпохи барокко и Просвещения, национального самосознания, героизации образа государя — до эпохи приспосабливания к революционным переменам общественного сознания. Представителя советского поколения наверняка удивит, как много внимания уделялось в царское время пропаганде единства всех многочисленных народов России, поскольку советская пропаганда настаивала на том, что дореволюционная Россия была тюрьмой народов. Так в аллегорической балетной постановке хореографа М. Петипа на музыку Л. Минкуса «Ночь и День» единство российских народов демонстрировалось следующим образом:

> «Традиционный образ солнца репрезентировал монарха, который дарит всем свет и тепло. Духи ночи уступают место восхитительному дню с птицами, фонтанами и цветами, объявляющему о новом царствовании. Бабочки отделяются от роя и садятся на цветы. «Все народности Русского царства в разнообразных праздничных нарядах» — финны, грузины, донские казаки, сибирские шаманы, поляки — «соединяются для приветствования восходящего светила Дня». Каждая народность исполняет свой национальный танец, а затем все танцы сливаются в «один общий русский хоровод», центр которого образуют «самая красивая и полная женщина,

> то есть Русь». В заключении они сходятся вместе, а хор поет славу «на небе солнцу красному», а «Государю нашему на земле». Вечер завершился обычным исполнением гимна» [88, с. 311].

Традиционными в том историческом периоде были и многонациональные праздничные шествия по улицам столицы, в рядах которых можно было увидеть узбеков в национальных халатах с дынями в руках, конных черкесов в бурках и т.д.

Главным событием праздника в честь коронации Александра III в 1883 году стало аллегорическое театрализованное шествие «Весна-Красна» в центральном амфитеатре Ходынского поля (художник Ф. Шехтель, импресарио и постановщик М.В. Лентовский). О прибытии Весны, олицетворяющей жизнь и красоту, возвещали, трубя в фанфары, герольды:

> В шествии участвовали популярные герои былин и лубочной литературы. Внимание зрителей было приковано к удивительной процессии, возглавляемой герольдами «с крылатыми латами, шишаками и длинными трубами», за которыми следовали «жук верхом и пешие жуки, кузнечик верхом и попарно пешие кузнечики и семь лягушек верхом». Царица пчел ехала на колеснице-улье, за которой двигалась колесница русского богатыря Микулы Селяниновича — на ее передней части «был помещен земной шар с изображением Российской империи». Микула был одет в костюм пахаря, вокруг его колесницы шли муравьи. В руках он держал огромный золотой плуг, упиравшийся в русскую землю. ... Микула олицетворял «черноземную силу». Согласно описанию в «Короновании их Импе-

раторских Величеств», Микула пользовался наибольшим успехом у публики. Далее шел мужик в красной рубахе, держа ветку березы, за ним следовала колесница «Весны», на которой сидела изображавшая весну женщина, окруженная цветами и бабочками. Затем богатыри вели пленных. За ними на спине Змея Горыныча ехал одолевший его богатырь Добрыня Никитич. Последняя колесница в виде огромной бочки, изображала крестьянский праздник и называлась «Хмель», а на ней сидел изображавший хмель «разухабистый мужик»; на лошади сидел «подгулявший парень». За колесницей двигалась тройка со скоморохами «шествие заключали коза с барабаном, медведь, журавль и русский хор с песнями и плясками» [там же, с. 312].

Таким образом, мы видим, что подчеркивание важной роли простого народа в созидательной деятельности и российской истории в ходе проведения торжеств государственного уровня началось задолго до революционного октябрьского переворота. Это отличается от сложившегося ныне стереотипа представлений о царской эпохе, который отметает возможность представить, чтобы в царском празднике прославлялся бы вклад во славу России простых тружеников, пахарей. В советские времена подобные сцены назвали бы «заигрыванием с народом», в современные популизмом, однако, нельзя не заметить, что в последующие времена манипуляций человеческим сознанием с помощью массовых празднеств стало значительно больше, и они стали жестче и целенаправленней, и направлены они были на расслоение, разделение общества, тогда как вышеприведенные в чем-то наивные театрализованные сцены свидетельствуют

о желании объединить общество, а не на поиске его врагов.

Если выше проиллюстрированные сцены из празднеств русской монархии еще как-то перекликаются со сценами из праздников советской эпохи и нового времени — прославление сельского труженика и правителя-Солнца (разве что в образе солнца-монарха выступал Сталин), то описанное ниже продолжение праздника непривычно поражает нашего современника тем, что был устроен пир для всего народа. Этот всенародный пир был устроен на Ходынском поле, но это была не та печально знаменитая Ходынка, на которой произошла трагедия, спустя 13 лет, (когда хотели повторить ниже описанное удавшееся торжество).

> «Были накрыты столы на четыреста тысяч человек, а явилось более шестисот тысяч — огромное число участников даже для коронационного пира. Народ потчевали конфетами, печеньем, фигами, пивом и медом; присутствовавшим вручили коронационные кружки с царской печатью и датой «1883». На празднике были предложены многочисленные развлечения. Впервые на коронации действовал балаган — народный театр, привлекавший 1860-е и 1870-е годы все больше зрителей» [там же, с. 311].

Создатели массовых празднеств и представлений того времени стали активнее использовать в своих творческих решениях фольклор русских сказок. Так в 1884 году на святки в канун Нового года в Манеже состоялся Рождественский благотворительный базар, в ходе которого публика в течение двенадцати часов была вовлечена в сказочное действо созданное художником Ф Шехтелем. Прогуливающихся людей встречал дремучий лес с избушкой Бабы Яги и подно-

жие дворца Змея Горыныча, подводное царство Садко и острова цветов, Царь-Девица в качающемся хрустальном гробу, Соловей-разбойник.

Наиболее крупными празднествами царской России на рубеже XIX–XX веков являются следующие:

- Праздник 1000-летия России в Великом Новгороде (сентябрь 1862 года)
- 200-летие Санкт-Петербурга (май 1903 года)
- 100-летие Бородинской битвы (август 1912 года)
- 300-летие дома Романовых (февраль 1913 года)

Праздник 1000-летия России состоялся в Великом Новгороде 8 сентября в 1862 году. К празднику готовились задолго. Готовились многочисленные сувениры с царской символикой, зажиточные жители готовились к встрече в своих домах именитых гостей, разрабатывалась подробная программа торжества, воздвигался памятник в честь предстоящего события. Программа праздника включала:

- Торжественный церемониал на территории крепости, осажденной народом, где выстроился весь цвет русской армии
- Праздничную службу в Софийском соборе и массовый коленопреклоненный молебен
- Открытие памятника в честь тысячелетия России
- Парад войск
- Массовое застолье (именитых граждан в дворянском соборе, войск на площади, народный праздник в селе Городище)
- Массовые гуляния

День начался с пяти пушечных выстрелов. Центральным событием празднества стало открытие юбилейного памятника, к которому был проложен помост

от Софийского собора. Ударили колокола, и из ворот собора на помост, в сопровождении свиты, вышло все царское семейство и направилось к памятнику. Сам царь ехал верхом на коне рядом с помостом. Зрелище было впечатляющим. В течение праздника царь посетил не только дворянское собрание и приветствовал свои войска, но и приехал в Городище на встречу с гуляющим народом. Его встречали подобно тому, как встречали Христа при входе в Иерусалим, т.е. царь прошел по коврам из верхних одежд, который снимали с себя и расстилали перед ним его подданные. Надо заметить, что день 8 сентября по старому календарю был также Днем рождения Богородицы и царского наследника, что придавало празднеству особое смысловое звучание.

Большим праздником отметил свое двухсотлетие столичный Петербург. Празднество состоялось 16 мая 1903 года. В 8 часов утра 21 пушечный выстрел возвестил о начале празднества, который начался по всем правилам церковного обряда, а продолжился тем, что икона Святого Петра и штандарт царя Петра I в сопровождение духовенства отправляется на пароходе от домика Петра к Петропавловской крепости (отсюда, с Заячьего острова начался город). За пароходом следовали катера и шлюпки с гребцами в костюмах петровских времен. Когда, поравнявшись с крепостью, водная процессия останавливается, и штабс-капитан поднимает штандарт Петра, ударяют церковные колокола Петропавловского собора и раздается грохот крепостных пушек. Кульминацией праздника стало открытие нового разводного Троицкого моста, соединившего два берега Невы в этом историческом месте. Прежде чем царь разрезал ленточку и нажал на электрокнопку для соединения двух половин моста, на Суворовской площади прошел массовый моле-

бен. Затем, по древнему обычаю, царь со свитой первым переходит мост. Следом по мосту, разбрызгивая святую воду, идет церковная процессия служителей Казанского собора. Заканчивался праздник вновь массовым молебном у иконы Петра I, рядом с его памятником на Сенатской площади с последующим концертом хоров, исполняющими патриотические песни.

Воинский ритуал лежал в основе проведения празднования 26 августа 1912 года 100-летия Бородинской битвы. Как когда-то перед началом Бородинского сражения перед войсками пронесли икону Спасителя в сопровождении царя Александра I, также спустя столетие на том же месте повторили этот же ритуал. Из Смоленска привезли ту же самую икону, и также перед ней молились войска и царь (на сей раз Николай II).

Массовые гуляния и фейерверки — были обязательным атрибутом подобных празднеств. Подробно о праздничной культуре Петербурга можно прочесть в книгах Е. Э. Келлер.

Регулярно в царской России проводились не табельные праздники важнейших государственных отличий, посвященные кавалерам орденов Российской империи, учрежденных в честь:

- Святой Анны — 3 февраля[2];
- Благоверного князя Александра Невского — 30 августа;
- Равноапостольного Владимира — 22 сентября;
- Великомученицы Екатерины — 24 ноября;
- Великомученика и Победоносца Георгия — 26 ноября;
- Апостола Андрея Первозванного — 30 ноября.

[2] Даты указаны по старому стилю.

Это были не просто торжества в честь ордена и орденоносцев, это были праздники, на которые со всей страны съезжались кавалеры этих орденов. К примеру, один из таких праздников собирал кавалеров ордена «Святого Георгия Победоносца» — орден за выдающуюся личную храбрость на поле боя. Ни высокий чин, ни прежние заслуги, ни боевые раны не могли стать основанием для получения этой высшей воинской награды Российской империи со времен Екатерины II (с 1769 г.). Орден, очень высоко почитаемый в армии, имел четыре степени и представлял из себя белый крест на двухцветной ленте (черно-оранжевой) с изображением святого, поражающего копьем дракона. Праздник проходил в День святого Георгия 26 ноября (по старому стилю) в Петербурге. Основные моменты торжества проходили в царском дворце, куда со всей страны съезжались георгиевские кавалеры. Сквозь их ряды и ряды знамен к своему трону проходил сам царь. Встречу с царем продолжали всеобщий молебен в церковном соборе и праздничное застолье (для кавалеров офицерского звания в залах дворца, для солдат в царском манеже). Заканчивался праздничный день просмотром в театрах спектаклей патриотического содержания (опера «Жизнь за царя» и т.п.). С 2007 года этот день «воскрес», теперь 9 декабря (по новому стилю) россияне отмечают День героев России.

С начала XVIII века в России заметно стал различаться быт города и деревни. И если ранее праздники нельзя было разделить на сельские и городские, то с этого периода это разделение стало явным. *Массовые праздничные городские гуляния* регулярно проходили как в столичных, так и в провинциальных городах России. Как правило, их неотъемлемой частью были ярмарки. Традиционно было приурочивать к боль-

шим праздничным народным гуляниям ярмарки (большие сезонные торги), которые в сознании русского народа прочно слились с понятием праздник, поскольку, с одной стороны, сама торговля (ее оформление и процесс) были впечатляюще яркими, с другой, вокруг нее создавалась территория всевозможных увеселений, когда «мешался торг с восторгом». О городских ярмарках, праздниках, увеселениях и зрелищах на площадях русского города подробно и разносторонне рассказано в работах А. Ф. Некрыловой, в которых собран и проанализирован богатейший материал (фольклорный, биографический и т.д.) на эту тему. Она подробно и всесторонне описала ярко-красочную, красноречивую и веселую атмосферу этих празднеств с торговыми рядами, качелями и каруселями, сбитенщиками и раешниками, катальными горами и балаганами. А. Ф. Некрылова определила следующие, возникшие в ту эпоху, характерные отличия праздников русского города от праздников сельских:

- исчезает строгая регламентация и обрядность крестьянских праздников;
- исчезают исконные языческие мотивировки праздников;
- состав участников праздничных гуляний становится многоликим (по количеству, по сословию, по национальности, по месту жительства);
- соединяются элементы и формы различных традиции, сфер быта, культуры и искусства;
- праздник становится открытой системой, подверженной многочисленным влияниям, в том числе и иноземным. [54].

Перечень викторианских дней включал следующие даты:

1. Победа под Полтавой — 27 мая[3];
2. Истребление турецкого флота при Чесме — 24 июня;
3. Заключение Кючук-Кайнарджийского мира и присоединения Крыма — 10 июля;
4. Победа при Гангуте и Гренгаме — 27 июля;
5. Взятие Нарвы — 09 августа;
6. Победа над Пруссией при Гросс-Егерсдорфе — 19 августа;
7. Победа при Лесной — 28 сентября;
8. Взятие Шлиссельбурга — 11 октября;
9. День избавления от галлов и с ними двунадесяти язык — 25 декабря — (День победы в Отечественной войне 1812 года).

Большинство этих значимых событий для ушедших поколений соотечественников нашими современниками не только торжественно не отмечаются, но и, по сути, основным населением забыты, хотя федеральным законом в феврале 1995 года установлены дни Воинской славы России, в список которых вошли великие воинские победы русских воинов, начиная с Ледового побоища XIII века (см. § 11). В царские времена конца XIX века в Петербурге победы русских воинов пропагандировались на театрализованных представлениях на открытом воздухе. Десятки тысяч людей собирали такие постановки площадного театра «Развлечение и польза» (режиссера А. Я. Алексеева-Яковлева) как «Взятие Азова», «Синопский бой», «Наши герои — победители», «Война с Турцией», «Взятие Плевны», «Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири» и т.д. Приемы режиссера-постановщика этих массовых зрелищ, активно использовавшего природный ландшафт парков, прудов и рек, одно вре-

[3] Даты указаны по старому стилю.

мя называли устаревшими, мол, где ему до возможностей кинематографа. Сегодня в нашей стране вновь стал пробуждаться интерес к реконструкции исторических событий, многие из них весьма интересно воплощены, но по смелости, масштабности и эмоциональной выразительности до постановок более чем вековой давности им еще далеко.

Военные парады, смотры, торжественное появление военных кораблей в акватории Невы, торжественный выход царской семьи, праздничные пушечные залпы, колокольный звон, церковный ход и шествия представителей разных народов России — являлись постоянными атрибутами праздников последнего столетия царской эпохи. Вспомним, как А. С. Пушкин передает своими стихами атмосферу подобных торжеств:

«Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красивость,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия...»

Нет сомнений, что нужно всемерно поддерживать историческую память поколений о победах и великих свершениях наших предков, которые содержательно и эмоционально не чужды нашему времени и несут то гражданское звучание, которое объединяет нацию общей причастностью к великой истории страны, которая началась вовсе не с залпа Авроры, а уходит вглубь веков.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие две основные группы праздников лежат в основе системы праздников царской России?
2. Какие праздники входили в группу гражданских праздников царской России?
3. Какие специальные государственные учреждения существовали для подготовки и проведения главных гражданских праздников в царской России?
4. Найдите и прочтите в книгах Р.С. Уортмана описание наиболее крупных празднеств России на рубеже XIX и XX веков.
5. С помощью самостоятельного изучения содержания книг А.Ф. Некрыловой опишите красноречие русской ярмарки и праздничной городской площади конца XVIII начала XX века.

§ 10. Массовые праздники советской эпохи

Массовые государственные празднества эпохи СССР достаточно широко освещены в литературе и научно осмыслены. В ряду их исследователей име-

на советских ученых А. И. Мазаева, Д. М. Генкина, И. Г. Шароева, А. И. Чечетина, В. С. Аксенова и др. И хотя эти исследования проводились в советскую эпоху и служили диктуемым партийным установкам того времени, в них всесторонне проанализирована общая картина и основные сценарно-режиссерские приемы в организации массовых действ в дни государственных торжеств. Чуть ли не единственную серьезную попытку научного анализа массовых государственных праздников в СССР, с позиций уже постсоветского периода, сделал в своем исследовании немецкий ученый Мальте Рольф, который выпукло продемонстрировал целенаправленный идеологический диктат правящей коммунистической партии в манипуляции человеческим сознанием, способы формирования «коллективного восторга» трудящихся советских масс в ходе праздничных шествий. «Массы» — пожалуй, самое любимое слово в лексиконе В. И. Ленина — «народные массы», «трудящиеся массы», «воздействие на массы», «деятельность масс» и т.д. «Массы масс» съязвил по этому поводу Н. Эрдман. Послереволюционное время породило множество профессий «массоводов» — агитаторов и пропагандистов, массовиков затейников, распорядителей разного толка. Им в помощь появилось множество специальных пособий, журналов и брошюр — «Массовик», «Массовая культурно-просветительская работа», «Массовое действо», «Организация массовых празднеств» и т.д. Активно культивировались такие театрализованные праздничные формы того времени как массовые инсценировки, балаганы, карнавалы, митинги, шествия, гуляния и т.д. Вовлечение широких масс трудящихся в праздничные революционные действа, активизация самодеятельности масс являлись важнейшей задачей организаторов празднеств,

поскольку активное практическое участие большого числа людей в подобного рода событиях многократно увеличивало эффект внедрения в их сознания новых идей и умонастроений. Поэтому после свержения царизма большевиками придавалось громадное значение роли массовых уличных театрализованных представлений и шествий в агитационно-пропагандистской деятельности. В первую очередь объектом целенаправленной большевистской агитации и пропаганды стало подрастающее поколение, с помощью которого внедрялись новые праздники Красного календаря, ликвидировались старые праздничные традиции, пропагандировались актуальные политические установки. Красный календарь, введенный декретом Совнаркома в январе 1918 года, отменил прежние праздники и внедрял вместе с новым летоисчислением новые, их перечень складывался постепенно и его основу составили следующие:

- Кровавое воскресение (22 января);
- День памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург (17 января);
- День Красной Армии (23 февраля);
- День работницы (8 марта);
- День в память Парижской коммуны (18 марта);
- Приезд Ленина в Петроград (16 апреля);
- Первомай (1 мая);
- Июльские дни (16 июля);
- Октябрьская годовщина (7 ноября);
- День в память московского вооруженного восстания (22 декабря) [47, с. 236].

Нельзя не обратить внимание на то, что перечень праздников Красного календаря буквально «красно-кровавого цвета» — почти все даты связаны с кровавыми событиями революционного движения. В. Ленин саму революцию считал праздником угне-

тенных и эксплуатируемых. Современный исследователь Леон Абрамян также, но под другим углом зрения, оценивает праздничную сущность Октябрьской революции, поскольку, по его мнению, это подлинно карнавальная эпоха, в которой «кто был никем, тот стал всем» [1].

Революционный мотив всячески старались сохранить во всех праздниках советской России, введенных большевиками, где главным лейтмотивом праздничной консолидации являлось понятие «против», то есть против врагов советской страны — буржуев, империалистов, контрреволюционеров, кулаков, священнослужителей, эсеров, инакомыслящих и т.д. Вот типичные праздничные лозунги той эпохи — «Да здравствует Труд, новый великий обряд Красного праздника — выше священных обрядов буржуев и попов!», «Рабочие и трудящиеся, сплачивайтесь вокруг ВКП, руководителя социалистического строительства!», «Первомайский привет передовикам социалистического соревнования!» и т.д. Если православные и монархические мотивы главенствовали во всех российских праздниках дореволюционной эпохи, то в советскую эпоху церковь не просто была отделена от государства, со всем церковным, в том числе и с церковными праздниками велась ожесточенная борьба. Так в 1929 году, когда празднование Пасхи выпало на первые майские дни, повсеместно прошли первомайские торжества под лозунгом «Долой Пасху! — Да здравствует 1-е Мая!». А к пасхальной ночи готовились специальные мероприятия. Так в Твери культпросветчики организовали художественный карнавал под названием «*Штурм богов*», начавшийся с коротких антипасхальных митингов. Вот как описывал этот «Отличный монтаж клуба им. Томского» журнал «Культурная революция»:

«Золотой мешок, освещенный электрическими лампочками. От него — провода, держась за которые, волокутся раввин, ксендз, пастор, мулла. И только синий цвет прожектора помогает разглядеть под маской этих «торговцев опиумом» задорные, со смешинкой, комсомольские глаза.

Дальше — «чудо». Из глаз какой-то «богородицы», при свете карболитовых фонарей, бегут струйки слез, а сзади огни факелов обнажают нехитрую механику слезоточивой «заступницы» — пара бутылок с водой, две стеклянные трубки. И все. Смешно и просто. А давно ли с трудом нажитые деньги клались к ногам вот таких «чудотворных» слезоточивых икон, и пухли монастырские сокровищницы.

Сотни фигур, монтажи, бородатые святые, Иисус Христос — смешались в пестрое карнавальное зрелище.

И когда брякнули колокола, площадь зашевелилась и под гром оркестра, бодро чеканя шаг, двинулась демонстрация на Советскую площадь. Казалось, вышло из берегов шумное озеро и потом устремилось туда, где во мраке ныли церковные колокола...

Карнавальное шествие продолжалось до 12 часов ночи, после чего все участники собрались на Советской площади, где был устроен «штурм богов» — сожжение куличей, пасхи, других принадлежностей церковного ритуала» [36, с. 35].

В ходе подобных антирелигиозных действ публично сжигались сотни, тысячи икон, подвергались осмеянию и унижению церковнослужители. Безусловно,

к народному карнавалу, где царствует свобода для всех, веселье для всех, радость обновления для всех подобные акции отнести нельзя. Вообще какие-либо оскорбления и унижения на подлинных народных празднествах были под запретом с древних времен. Буквально — под запретом! Нарушивший эти неписанные (а порой и писанные, как, например, на римских Сатурналиях) правила подвергался жестокому наказанию, вплоть до смертной казни.

Надо сказать, что в первые послереволюционные годы еще сохранялась инерция старых традиций. Так актриса Рина Зеленая вспоминая 20-е годы того времени пишет: «Вера, Надежда Любовь и мать их Софья» — знаменитый день 30 сентября праздновали все во всех уголках Москвы» [32]. Однако прошло совсем немного времени и эта традиция исчезла. Исчезла не сама по себе, с «пережитками прошлого» активно боролись с помощью усиленной антирелигиозной пропаганды и насаждением новых традиций «свободного» мира.

О псевдосвободе на советских массовых празднествах писали деятели искусств, первой волны русской эмиграции. Среди них и классик советского массового революционного «театра улиц» Н. Н. Евреинов — автор теории театрализации жизни, который эмигрировав во Францию, написал в 1939 году пьесу, в которой вложил в уста одного из персонажей яркий монолог о преступной театрализации самой советской власти, где актерствовать стали «почти все, начиная со Сталина... Вглядитесь только, что сейчас происходит на подмостках России! — все власть имущие действуют под псевдонимами, словно в театре, ходят в масках, потайными ходами, притворяются верноподданными ее величества Партии и пресмыкаются перед ее вождями, которых норовят стащить за ногу и сбросить

в подвалы Лубянки. Всюду одна лишь комедия: — комедия служения народу. Комедия обожания вождей! Комедия суда и принесения повинной! Комедия, наконец, смертной казни! Какая-то беспардонная *игра в театр* или кровавая *мелодрама*, какие сочинялись в прежние времена, на потеху черни! — Вот, что такое наше теперешнее житье-бытье» [7, с. 139–140]. В те же годы русский эмигрант В. Набоков в одном из своих рассказов писал о том, что поклонение власти большинства, демонстрируемое на массовых советских праздниках на деле подразумевает под идолом большинства вовсе не социологическое понятие, вождь — Сталин, «ибо большинство, это он». Емко и едко выразил этот способ манипулирования демонстрацией волеизъявления народа поэт Д. Самойлов:

«Иду домой с собранья,
Окончилось как раз,
Мурлычу то, что ранее
Мурлыкалось не раз:
Свободу не объявят
И денег не дадут,
Надуют и заставят
Кричать, что не надут».

Вместе с тем, признавая правоту вышеприведенных суждений, мы должны обратить внимание на то, что взгляд на массовые празднества начала советской эпохи рассматривались доселе только с двух антагонистических позиций: за и против. Тогда как советская эпоха это не только эпоха диктатуры марксистско-ленинской идеологии, но и радостного торжества подлинных побед и свершений нашего народа. Так, к примеру, пионеры — это не только павлики морозовы, но и тимуровское движение, трудовой комсомол, это не только участники формальных «собра-

ний-чисток», но и молодогвардейцы, и строители новых городов, и т.д. Символами советской эпохи стали пионерские слеты и пионерские костры, фестивали комсомольских и бардовских песен, ликующие торжества в честь Великой Победы и полета Гагарина, чествования простых тружеников-созидателей, торжественные церемониалы у могилы неизвестного солдата и военные парады, молодежные фестивали, Олимпиада 1980 года, праздничные традиции 8 марта и 1 сентября, празднество выпускников «Алые паруса» и т.д. История советской эпохи многомерна и неоднозначна, и это история нашей Родины. Массовые праздники призваны объединять людей этим общим чувством принадлежности к нашей биографии — биографии нашего Отечества со всеми бедами, радостями, взлетами и принятию своей принадлежности к нации, которой есть чем гордиться. «И не думать об этом нельзя, / И не помнить об этом не вправе я, / Это наша с тобою судьба, / Это наша с тобой биография!/» — данные строки могут стать эпиграфом по сути к любым государственным праздникам, которые непременно базируются на исторической памяти народа. Проблема в том, что, к сожалению, социальные катаклизмы в нашей стране приводили к тому, что отсчет этой памяти начинался всякий раз заново. В советскую эпоху не осталось ни одной праздничной даты из дореволюционного периода. В постсоветском периоде в свою очередь были отвергнуты многие праздники социалистической эпохи.

Праздничная жизнь — торжество всего лучшего и возвышенного, что есть в человеке и обществе, поэтому она является временем и героизации людей, и чествования уже признанных героев. Героизм — это и этическая и эстетическая категория связанная с проявлением лучших возвышенных характери-

стик человеческой личности. Если с древних времен в истории, искусстве и литературе образ героя трактовался как образ личности, то в послереволюционную эпоху советской России, вместе с этим, стал активно насаждаться довлеющий образ — «героизм масс», где герой-личность представлялся лишь ярким представителем этой массы. Поскольку марксистско-ленинская идеология насквозь пронизана идеей революционно-преобразующей деятельностью масс, эта идея активно внедрялась в сознание народа с первых шагов революции и, в частности, с помощью одного из самых мощных средств пропаганды — массовых театрализованных праздников и представлений.

Образ героев-революционеров начал формироваться с помощью организации пролетарских шествий и маевок еще в предреволюционную эпоху. Прежде всего, это были траурные шествия в честь погибших за революцию современников. Главным эмоционально-выразительным средством этих шествий были траурные знамена и похоронные песни, часто маршевого характера. В частности, траурное шествие 1876 года было посвящено, умершему от туберкулеза в остроге студенту П. Ф. Челышеву, осужденному за революционную пропаганду среди крестьян (период так называемого «хождения в народ»). Песня «Замучен тяжелой неволей», написанная в его честь, надолго стала атрибутом всех траурных церемоний большевиков и любимой песней их вождя. В этом же ряду стоят революционные марши «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и «Варшавянка». Идея этих шествий прямо декларировалась в тексте этих песен:

«В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной

Станут священны мильонам людей.
На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!»

«Павшие во имя идей» (не людей!) идущие на кровавый бой ради идей — вот главные герои первых пролетарских праздников и первых лет послеоктябрьского времени.

Формирование понятие «героизм масс» происходило постепенно по мере формирования коллективистского сознания, выходящего далеко за пределы группового сознания, на нем фокусировалось основное внимание в массовых шествиях всей советской эпохи. Эти праздничные колонны масс были структурированы — «рабочие», «трудовое крестьянство», «пионеры», «комсомольцы», «красноармейцы» и т.д., которые демонстрировали не только эмоционально-воодушевленное единство принятия марксистско-ленинских идей, но и, с не меньшим энтузиазмом, единство в ненависти к «классовым врагам». Демонстрация этой ненависти являлось обязательной частью всех массовых праздников первых десятилетий советской власти, что противоречит миролюбивой природе любого подлинного праздника. Активно использовалось для этих целей подрастающее поколение, в умы которого внедрять новые идеи было намного легче. «Вооруженные дети» — неотъемлемый атрибут революционных шествий со времен французской революции конца XVIII века, когда дети с оружием возглавляли праздничные колонны в Дни Федерации. В советские времена, в театрализованных представлениях и шествиях демонстрировались дети, дающие вооруженный отпор врагам, преследующие

врагов народа. Например, в ходе открытия I Всесоюзного слета пионеров на поле московских Лужников, была показана массовая сцена, когда вооруженные пионеры дают отпор не дремлющим империалистам, чьи огромные зловеще-комичные фигуры вырастают из-за стен стадиона как угроза большому светлому городу, выросшему в центре стадионного поля.

«Коллективные герои» менялись в соответствии времени — красноармейцы, «избачи», синеблузники, стахановцы, физкультурники, авиаторы, следопыты, партизаны, фронтовики, целинники, бамовцы и т. д. До смерти И. Сталина, за исключением его образа, выпукло личность в ходе праздничных торжеств, представлялась только масштаба всесоюзной известности, такие как Паша Ангелина, Алексей Стаханов, Валерий Чкалов, Валентина Гризодубова, Алексей Маресьев. Чествование героев массовых праздников продолжалось в помещениях многочисленных Дворцов и Домов культуры, клубов и красных уголках.

В эпоху Н. Хрущёва и Л. Брежнева идущие в колоннах демонстрантов обязательно должны были нести портреты всех членов политбюро ЦК КПСС (более двух десятков). Чествование героев-земляков, местного значения, не отмеченных высокими правительственными наградами начали проводиться лишь в 70-е годы. В частности, до этой поры в Дни Победы, славили по отдельности только признанных героев-орденоносцев, а в семидесятые годы появились праздничные программы по типу «Всего одна медаль», «Неизвестный герой», «Тыл фронту». Следует заметить, что в послевоенное время очень быстро и незаметно была приостановлено стремление народа праздновать день Победы ежегодно. Как утверждает писатель-фронтовик Д. Гранин, это было вызвано страхом перед «возомнившими себя фронтовиками».

Из городов исчезли безногие и безрукие калеки, их вывезли далеко за пределы больших городов, дабы не смущали окружающих своим видом, были ликвидированы выплаты за воинские награды и т.д. Лишь в 1965 году, спустя 17 лет, День Победы вновь появился в праздничном календаре советских людей.

С 70-х годов получила популярность традиция проведения вечеров-портретов, посвященных реальным героям-труженикам своего региона, своей местности. Однако по-прежнему довлело коллективистское «мы» — «мы — рабочие сталевары», «мы — бамовцы», «мы — кинематографисты» и т.д. Неповторимая индивидуальность человека нивелировалась даже в тех же вечерах-портретах или программах посвященных семейным династиям. Реальный герой, несмотря на сценарно-режиссерскую работу по сбору и драматургической обработке фактов из его конкретной биографии оставался как бы типичным представителем того или иного социума. Это происходило вовсе не из-за отсутствия собственного лица у героя программы, а в силу идеологической установки — сформировать образ идеального представителя той или иной сферы деятельности — что исключает поиск и укрупнение индивидуально-выразительных личностных черт. Несмотря на это, в силу больших, нежели прежде, свобод для творчества в предперестроечное время сценаристы-режиссеры создавали «очеловеченные» праздники, проникнутые атмосферой духовной и возвышенной радости единения, причастия всех и каждого к радостному событию, к торжеству какого-либо свершения, преодоления, победы, когда реализовывалось самое слабое человеческое чувство (радость за другого), самые лучшие чувства возвышенного характера и насущная потреб-

ность в публичном самовыражении, в праздничном витамине публичного одобрения.

Поскольку любой праздник носитель идеи преодоления, свершений и побед, то в годы перестройки массовые праздники, по сути, прекратили свое существование, их заменили многочисленные концертные программы, большую часть которых занимали песни поп-звезд той поры и сатирические монологи актеров-юмористов и самих авторов этих монологов. Именно эти эстрадные исполнители на продолжительное время заменили образы героев праздников — они выступали в разных персонифицированных образах в различных театрализованных акциях, их пародировали, у них брали интервью, интересуясь их суждениями касающихся тем далеких от эстрады, Эта «героизация» популярных артистов достигла предела, когда в новогоднюю ночь, в канун 1992 года, с Новым годом страну поздравил не действующий президент, а сатирик Михаил Задорнов.

Режиссерами массовых зрелищных акций первых лет послереволюционного времени был накоплен богатый опыт, который освещен в многочисленной литературе, посвященной революционным праздникам той эпохи. Среди самых известных режиссеров постановщиков, сценаристов и художников-оформителей масштабных массовых празднеств, тех времен имена Н. Евреинова, К. Марджанишвили (Марджанова), С. Радлова, Н. Петрова, А. Пиотровского, В. Ходасевич, Ю. Анненкова, Н. Охлопкова.

Пожалуй, самим ярким упоминаемым примером первых таких постановок является праздничное театрализованное представление к 3-х летию Октябрьской революции на главной площади Петрограда в 1920 году в постановке Н. Н. Евреинова при участии Н. П. Петрова, А. Р. Кугеля, К. П. Державина

и Ю. П. Анненкова — «*Взятие Зимнего Дворца*». Штурм Зимнего в истории революции 1917 года — это целенаправленное создание легенды, и большую роль в ее распространении сыграло (кроме постановочного фильма С. Эйзенштейна «Октябрь» снятого в документальном жанре) названное театрализованное представление. В нем активно была задействована вся архитектура Дворцовой площади (тогда переименованной в площадь революционера Урицкого). В советской литературе главным автором постановки называют Н. Евреинова, однако художник этого представления Ю. Анненков утверждает, что идейным вдохновителем и организатором этой постановки был Д. Темкин, который впоследствии эмигрировал и приобрел мировую известность как творец кинематографической музыки. Кстати и Анненков, и Евреинов тоже впоследствии эмигрировали во Францию. А тогда все они вложили всю свою молодую энергию в создание представления, к которому было привлечено только в качестве исполнителей около 8000 человек, и, наверное, в десять тысяч больше зрителей.

Полуциркульную форму здания Генерального штаба с одной стороны площади режиссеры использовали как фон двух площадок для двух миров — Белого и Красного. На Белой — зажравшиеся буржуи с мешками долларов, их соратники-дармоеды всех мастей, Временное правительство во главе с Керенским, а на Красной — бедное крестьянство, рабочие, солдаты. Площадки соединили горбатым мостиком. На противостоянии этих враждующих сторон строилось действие — сначала побеждала торжествующе Белая площадка, но на помощь Красной площадке из под арки здания выезжали грузовики с вооруженными

рабочими, солдатами и матросами. Грузовики огибали, стоящий в центре площади Александрийский столп (у подножия которого находилась режиссерская группа) и направлялись к воротам Зимнего, которые охранял тут же ретирующийся женский батальон. Сигналом к штурму прозвучал сигнал с крейсера Авроры, стоявшего на Неве по ту сторону Зимнего дворца. Активно использовалось освещение прожекторами, поскольку представление начиналось в позднее вечернее время. Когда действие переключилось на «штурм» Зимнего, одновременно вспыхнули светом окна его второго этажа, и за спущенными белыми шторами этих окон начался знаменитый «Силуэтный бой», т.е. зрители наблюдали в огромных окнах теневой театр — пантомиму боя красногвардейцев с белой контрой, и когда первые побеждали, окна меняли белый цвет на красный, а прожектора с Авроры и площади соединяли лучи прожекторов на красном флаге, развивающимся на крыше здания символа царской власти. Из здания дворца в женском платье выбегал «Керенский» и под общее улюлюканье драпал с площади. Надо сказать, что сам А. Керенский в своих изданных за границей воспоминаниях отвергал легенду о своем бегстве из России в женском наряде, но сам факт переодевания подтверждал (будто бы был переодет матросом). Праздник заканчивался фейерверком.

Нельзя не сказать о том, что все же самым первым автором идеи подобной постановки и такого сценарно-режиссерского решения являлся руководитель самодеятельной театральной мастерской красноармей-

цев Н. Виноградов, который еще в марте 1919 года осуществил «игрище» под названием «Свержение самодержавия» в Железном зале Народного дома. Он создал «красную» и «белую» площадки в разных концах зала, соединив их широким проходом. Восемь эпизодов представления создавало линию действия охватывающего исторические события от 9 января 1905 года до отречения царя от престола. Заключительным аккордом представления была штыковая атака на Зимний дворец, в которую условно вовлекались и зрители постановки. 250 раз была разыграна в течение года эта инсценировка для зрителей на разных площадках, в том числе и на Дворцовой площади. [20].

Масштабными театрализованными представлениями летом того же 1920 года стали и многократно описанные в исторической литературе постановки на ступенях Фондовой биржи стрелки Васильевского острова Петрограда — «Мистерия освобожденного труда» (май) и «Торжество коммуны» (июль). «Торжество коммуны» было приурочено к работе конгресса Коминтерна во главе с В. И. Лениным. Сценой представления послужили ступени величественного здания Фондовой биржи, являющейся центром знаменитого архитектурного ансамбля стрелки (мыса) Васильевского острова, которая видна со всех сторон периметра широкого пространства Невы вместе с двумя маяками ростральных колонн, у подножия которых расположились режиссерская группа и почетные зрители. Чтобы управлять 12 тысячной толпой участников режиссеры (К. Марджанов, С. Радлов, Н. Петров, В. Соколов) разбили массы людей на группы по 25 человек и определили за каждую их этих групп по одному ответственному, что создало приемлемые возможности для управления большой массой людей. Сюжеты этих представлений строились в хронологи-

ческом ходе истории борьбы трудового народа за свободу от их угнетателей в разные эпохи человечества. Любопытно, но, несмотря на то, что главным выразительным средством представлений стали «масса-хор», многие зрители остались особо впечатлены началом действа, когда в центре еще пустой лестницы появилась одинокая фигура женщины в длинном черном одеянии, которая взмахнула белым платком. Это была комиссар постановки, актриса МХАТ М. Андреева, которая должна была взмахом платка сообщить о прибытии В. И. Ленина с делегацией, что служило сигналом к началу действа. Андреева не была бы актрисой, если бы просто махнула платком, выглянув из-за колонн здания, она сделала это торжественно-выразительно, и этим продемонстрировала, что эмоциональное воздействие в площадном театре может быть достигнута малыми силами.

В июле двадцатого года режиссер С. Радлов поставил пропагандистскую постановку «Блокада России» с использованием ландшафта озера на Каменном острове Петрограда.

> Озеро в дачной зоне города имело пологие берега, которые были использованы в качестве зрительских мест, а сценой стал березовый остров в центре водоема, соединенный с берегом горбатым мостиком. Около 20 000 зрителей следили за представлением, которое шло во время белых ночей. Остров символизировал страну Советов, на которую напали коварные империалисты. Нападение было решено в комедийно-цирковом жанре, где лорда Керзона, шпиона и генералов изображали клоуны-гимнасты, которые убегают по веткам берез, бултыхаются в воду в ходе сражений с помощью смешных кульбитов и, барахтаясь,

уплывают посрамленными. Режиссер осуществил постановку столкновения двух лодочных эскадр, в финале которого в честь ознаменования победы советских людей и остров и его берега раскрашиваются полотнищами красных знамен, так, что зрители неожиданно оказываются закольцованными в двух красных окружностях. Неожиданно, поскольку, по свидетельству художницы представления В. Ходасевич, в кустах за спинами зрителей до времени были «законспирированы» 750 человек знаменосцев. Апофеозом был парад «победителей» на лодках с яркими парусами в костюмах представителей разных национальностей и фейерверк. Спектакль-представление состоял из трех отделений: «Интервенция Антанты», «Нашествие Польши», «Торжество всемирного Интернационала».

Данной постановке предшествовало торжественное «открытие первых в мире домов отдыха для трудящихся» на том же Каменном острове, к которому через весь разоренный и обнищавший Петроград под грохот барабанов и звуки труб духового оркестра стекались колонны трудящихся. Это была политическая акция, целью которой было продемонстрировать ту жизнь, которая ждет трудовой народ после победы над врагами советской власти. На острове людей встречали роскошные дома в разукрашенных парковых аллеях, оформленных в соответствии с новой идеологией и огромной скульптурой Пролетария, а, главное, невиданно сытная для голодного времени кормежка (для отдыхающих). В Ходасевич так описывала впечатляющий эффект этой акции: «Пища сказочная и обильная — сгущенка, сахар, яйца, каши, картошка, мясные (!) блюда, хлеба вволю! Роскошь.

Люди шалели. Ходили на цыпочках и разговаривали шепотом. ...В городе поползли слухи» [94].

Огромное значение с первых послереволюционных лет придавалось спортивному воспитанию молодежи. Для чего летом 1921 года была создана международная спортивная организация *Красный спортинтерн*, в цели которой входило противостояние буржуазным спортивным организациям, международным олимпийским играм и подготовка молодых людей к армейской службе. В статье посвященной Красному спортивному интернационалу (энциклопедия «Граната» 1932 года) писалось следующее: «Цель Олимпийских игр — показание успехов физической культуры и выявление рекордных достижений в области чисто индивидуалистического спорта. В противовес Олимпийским играм буржуазно-капиталистических стран Красный спортинтерн устраивает Международные рабочие спортивные праздники (спартакиады), ставящие своей целью пропаганду физической культуры как средства оздоровления пролетариата и классового воспитания рабочих масс. Помимо отдельных спортивных соревнований, здесь выдвигаются массовые выступления». Просуществовала эта организация до 1937 года, председателем ее был старый революционер Н. И. Подвойский. Под его руководством было создано движение по созданию «массовых действ», которые обычно проводились на Ленинских горах, собирая тысячи участников на лужайке Воробьевых гор и десятки тысяч зрителей на их склонах. Энтузиазм этих спортивно-игровых действ был огромен и по всей стране стали возникать подобные коллективы. Под эгидой Красного спортинтерна было проведено три летних и одна зимняя спартакиада.

Одним из первых теоретически осмысливших накопленный практический опыт массовых театра-

лизованных постановок первых революционных лет стал А. Пиотровский. В частности, он сфокусировал внимание на возможностях художественно выразительного использования объективных реалий природного, архитектурного и исторического ландшафта в воздействии на сознание масс. Опираясь на этот способ художественной выразительности, он создал к десятилетию Октября сценарий грандиозного представления охватывающего огромную территорию акватории Невы в Ленинграде, окруженной мостами и величественными зданиями — историческими символами — Петропавловской крепостью (тюрьма и оплот угнетателей), Зимним дворцом и Монетным двором (режиссеры Н. Петров, С. Радлов, В. Соловьев, художники Е. Еней и В. Ходасевич).

Сценой этого масштабного зрелища стало пространство Невы, заключенное между Троицким и Дворцовым мостом. Все действие было построено на противостоянии двух архитектурных сооружений — Петропавловской крепости (как символа тюремных застенков и оплота угнетателей трудового народа) и Монетного двора (как символа рабочего класса). Петропавловка освещалась белым светом, а Монетный двор красным. В соответствии с действием они поочередно погружались во тьму. Режиссерская группа находилась на балконе Иорданского подъезда Зимнего дворца (на противоположном берегу огромного по ширине пространства Невы, напротив крепости и завода), рядом с которым находился и 400 голосый хор. Праздник начинался в 21.00 с залпа крепостных пушек. В празднике было задействовано около двух тысяч человек исполнителей, катера, миноносцы, шлюпки, баржи, аэростат и т.д. Чтобы руководить процессом действия использовалась телефонная (тогда проводная) и телеграфная связь, морская сигна-

лизация с помощью флажков и света, мотоциклисты. Именно световая сигнализация неоднократно спасала в моменты катастрофического нарушения плана действий. Одно из самых полных и выразительных описаний этого праздника мы находим в воспоминаниях режиссера Н. В. Петрова:

> «Огонь! — скомандовал я.
>
> Грянул орудийный залп, и сейчас же, как бы в ответ на этот залп, куранты Петропавловского собора заиграли «Коль славен наш господь в Сионе».
>
> ***
>
> Куранты пели «Коль славен...», все прожекторы, направив лучи на колокольню собора, медленно ползли вверх, пока не высветили ангела, венчающего шпиль колокольни
>
> В темном небе, в фокусе скрещения лучей прожекторов, сверкал ангел, а куранты торжественно пели ему славу. На определенной ноте световая сигнализация дала команду десяти духовым оркестрам усилить звучание «Коль славен...».
>
> Оркестранты грянули довольно стройно, так как ими светодирижировал дирижер, стоявший с нами на командном мостике.
>
> — Командир крепости! Внутренний свет! — командовал я. И сейчас же весь собор вспыхнул белым силуэтом на фоне темного неба.
>
> — Иллюминация! — командовал я в трубку телефона «Крепость».

Бесконечное количество электрических лампочек вычертило светом линию крепостной стены.

— Корона и герб! — неслись команды из дворца.

На главном бастионе вспыхнула иллюминированная огромная корона и большой двуглавый орел.

— Фейерверк!

Над бастионом в темное небо рванулись «бураки», взлетали ракеты, причудливо распадаясь цветными огнями, стреляли римские свечи, во многих местах крепостной стены вспыхнули белые и голубоватые бенгальские огни.

***

Прозвучали последние аккорды «Коль славен...», и сейчас же взвыли тревожные заводские гудки.

Командир Монетного, красный свет! — неслись команды.

— Командир крепости, колокольный звон!

Начался эпизод борьбы двух тем.

— Погасите крепость!

И тотчас же Петропавловка погрузилась во мрак, и только торжественный колокольный звон напоминал зрителю о ее существовании; теперь перед ним возник освещенный красным светом Монетный двор, откуда тревожно неслись звуки фабричных гудков.

И снова освещалась крепость со светящимися эмблемами власти, а заводские гудки тревожно гудели в темноте.

Несколько раз образ «Крепости» сменялся образом «Монетного», но побеждала в итоге «Крепость». На фоне сверкающего царственного величия из-за затона Монетного двора медленно выплывали баржи с виселицами.

Световая сигнализация командовала оркестрам вступление «Вы жертвою пали в борьбе роковой», и под эту печальную мелодию похоронного марша баржи совершали свой трагический путь.

Белый свет на крепости постепенно затухал, вспыхивали транспаранты окон казематов и к похоронному маршу прибавлялся звук кандалов» [64, с. 198–200].

Плывущие баржи с виселицами, освещенные прожекторами миноносцев, стоявших на Неве, плыли под звуки оркестров, пение хора и звон кандалов. Но раздавались тревожные гудки заводских труб и действие резко менялось. Трагическое пение сменялось призывным: «Смело, товарищи, в ногу/Духом окрепнем в борьбе...», из под Троицкого моста вылетали пятьдесят шлюпок по двенадцать краснофлотцев в каждой. Шлюпки освещались смоляными факелами, которые были в руках у краснофлотцев (по два у каждого). Шлюпки стремительно приблизились к крепости, выскочившие из них краснофлотцы освещали ее черную стену мечущимися факелами, а затем стали карабкаться на стену по приставным лестницам, заранее приготовленными у ее подножия. На стене появлялась дополнительная массовка бойцов с факелами, и взятую крепость освещало «тревожное движение трех тысяч двухсот факелов». Корона с двуглавым орлом на стене крепости, покачавшись, переворачи-

валась вверх ногами, а крепость озарял красный свет победы.

Лучи прожектора вновь направились в сторону Монетного двора, куда повернула головы и вся массовка на стене, и после небольшой паузы (призванной переключить внимание зрителей) под звуки Интернационала из затона Монетного двора стремительно появлялся скоростной катер с красным развевающимся стягом и установленной белой фигурой Ленина с вытянутой рукой, как бы указывающей путь. Катер пролетал, сопровождаемый овациями зрителей, по всему охватываемому взору периметру реки и начинался победный фейерверк. За эту часть подробно описанную им часть представления отвечал сам Н. Петров, о дальнейшем развитии действа он пишет схематично, в основном уделяя внимание непредвиденным «накладкам».

Так вторая часть (режиссер С. Радлов) была посвящена смерти Ленина. По замыслу в черном небе должны были загореться огромные буквы прикрепленных к аэростату слов: «ЛЕНИН УМЕР». Однако из-за нарушенных электрических контактов буквы не загорались. Тогда оперативно было принято решение, произнести эти слова многотысячной массовкой, и сначала участники хора у Зимнего пропели как стон эти слова «Ле-нин у-мер!», а затем и краснофлотцы на Петропавловке эхом откликнулись им, и после паузы оркестры заиграли траурный марш Шопена.

Третья часть (режиссер В. Соловьев) должна была аллегорически изобразить разгром интервенции. На шести баржах художница В. Ходасевич изобразила огромные шаржированные фигуры интервентов, появляющиеся под соответствующую музыку «Мальбрук в поход собирался». Фигуры были не статичны, они могли дергать головой и конечностями и в куль-

минации эпизода должны были взорваться пиротехническим огнем. Но в ходе действия эффекта взрыва не последовало из-за того, что вложенный порох отсырел. Паника на режиссерском балконе, вызванная неподвижностью застывших на баржах «интервентов», сменилось мгновенным решением:

> «— Миноносцы, залп по интервентам!..
>
> Грянули орудийные выстрелы. Для людей на баржах это было полной неожиданностью, и, вероятно, они от неожиданности дернули за веревки. Интервенты нелепо взмахнули руками и ногами. Зрители снова засмеялись, раздались аплодисменты.
>
> — Еще залп и обратный курс баржам! Полный ход!
>
> Под общее улюлюканье и свист развенчанные интервенты возвращались восвояси» [там же, с. 206].

Руководитель ленинградского обкома партии (в те времена главный человек в городе) С. М. Киров поздравил режиссеров с удачной «пантомимой», передал благодарность от высокопоставленных московских и иностранных гостей и подчеркнул к удивлению постановщиков, что особое впечатление на этих зрителей произвели эпизоды... «Смерть Ленина» и «Разгром интервентов». Кстати, все накладки в ходе проведения празднеств, как правило, списывались на «происки врагов и вредителей». Не исполнившим должно свои задачи в ходе таких мероприятий грозил арест и последующие репрессии. Фейерверк по случаю праздника продолжался около 45 минут.

Описанные выше театрализованные представления создавались специально для определенного времени и ландшафта. Вместе с тем практиковался опыт переноса театральных спектаклей на город-

ские пространства. Так В. Э. Мейерхольд ряд своих спектаклей революционно-пропагандистской направленности выносил за театральные стены: революционно-плакатный спектакль «Мистерия-буфф» (В. Маяковского), спектакль-митинг «Зори» (по пьесе Верхарна) и агит-спектакль посвященный пятилетию РККА «Земля дыбом» (по пьесе Марселя Мартине «Ночь»). Спектакли были поставлены «на злобу дня», имели условно-символические решения, разрушали четвертую стену и по всем характеристикам соответствовали требованиям агитационно-площадного театра революции. В частности, в ходе спектакля с галерки разбрасывали листовки актуального звучания, демонстрировались документальные новостные кинокадры, применялись прямые обращения к залу, производилась пальба над головами зрителей холостыми выстрелами, активно использовались проходы зрительного зала, с помощью подсадных лиц в зрительские ряды, создавали нужный эффект психоэмоциональных проявлений в среде публики. «Неверно,— говорил Мейерхольд,— противопоставлять условный театр реалистическому. Условный реалистический театр — вот наша формула». В спектаклях Мейерхольда использовались и настоящие грузовики, и крестьянская жатка, и походная кухня, и живой петух. Такие постановки «просились» на простор городских площадей. Это понимал и сам Мейерхольд, в частности, несколько переделанный им спектакль «Земля дыбом», посмотрели десятки тысяч зрителей в Москве на Ленинских горах и в Нескучном саду, на гастролях в Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону и др. В свою очередь, практика площадного театра того времени стала оказывать влияние на практику классического театра. Так Н. Охлопков с первых революционных лет занимавшийся «театром улиц» и всем

своим последующим творчеством стремящийся уравнять актеров и зрителей, говорил: «Если верно, что человека определяют его детство и юность, то меня навсегда определил праздник на площади».

Парады-демонстрации трудовых достижений и физкультурников, массовые гуляния в парках и тематические карнавалы, разнообразные митинги и слеты, манифестации — постоянные атрибуты праздничной довоенной жизни сталинской эпохи. Главной целью этих празднеств, как, впрочем, и всех празднеств советской эпохи, было утверждение идей Советской власти. Особое целенаправленное внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения и молодежи. Одним из примеров массового пропагандистского воздействия на сознание детей является празднество торжественного закрытия I Всесоюзного слета пионеров (режиссер С. Э. Радлов, художница В. М. Ходасевич). Вот как описывала В. Ходасевич это впечатляющее зрелище, состоявшееся в августе 1929 года на московском стадионе «Динамо»:

> «В центре огромного поля распласталась огромная красная звезда. Она объемная, верхняя горизонтальная плоскость затянута полотнищами кумача, а стенки — искусственной травой и издали сливаются с полем стадиона. Звучат фанфары. Колоннами выходят московские пионеры. Их три тысячи. Они опоясывают стадион. Начинается действие. Идет раздел «Стройка»: пионеры, перепланировались, образуя группы по всему полю. Дружно взметнулись три тысячи пар рук и под музыку начали делать движения, изображающие трудовые процессы. Пятиконечная звезда «зашевелилась», развернулись полотнища кумача, и из ее «чрева» под торже-

ственную музыку медленно и торжественно все выше и выше вырастают белые заводские трубы и многоэтажные фабричные корпуса. Трубы задымили, в окнах фабрик зажегся свет. Из звезды, словно по волшебству, возник белый индустриальный город, вздымались трубы на 25–30 метров ввысь (это работали «магирусы» — немецкие пожарные машины с выдвижными лестницами) и ниже — корпуса фабрик и заводов.

Эффект заключался в неожиданности. Никто не подозревал возможности появления этой громады. Стадион гремел, звенел от хлопков и криков восторга».

Далее «белый город» заволакивает дымовая завеса с тенями дирижаблей, танков и аэропланов, его окружают, похожие на жаб, люди в камуфляжах. Врагам дают отпор красноармейцы и пионеры.

«Враги отступают «и вдруг поле огласили страшные какофонические звуки странного рева и визга, и ... из-за западной стены стадиона стали медленно подниматься колоссальных размеров Чан Кайши, Муссолини, епископ Кентерберийский... Высунувшись из-за стены до пояса, они являли собой внушительное зрелище, ибо только головы их были метров до пяти. Опять зазвучала тревожная музыка, и начался пиротехнический обстрел ракетами и шутихами врагов. Они летели из белого города с шумом и треском.

Попадания ракет-снарядов были очень убедительными: лица врагов хотя и были плоскими, нарисованными на холсте, но обладали возможностью мимики (система шнуров,

которыми манипулировали). Каждый реагировал по-своему: у Муссолини вращались глаза и свастика вместо зрачков. У Цергибеля вместе с каской поднимались дыбом волосы. У Бадэн-Паула открывался рот, высовывался язык, и его рвало зеленым огнем фейерверка. Епископ благословлял всех рукой, а лицо его собралось в складки-морщины, глаза закрывались и открывались. Чан-Кайши оскаливал пасть и у него выпадали зубы... Все это выглядело неожиданно, и, хотя враги были очень шаржированными и отвратными, они одновременно казались смешными. Наконец их расстреляли, и, подожженные настоящим огнем, они сгорели дотла. Громовые аплодисменты стадиона!» [94].

Кульминацией праздника советской пионерии стали слова торжественного обещания, разбрасываемые на листовках и произносимые тысячами детских голосов: «Я, пионер Советского Союза, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: горячо любить и беречь свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...». Заканчивался пионерский слет запуском в небо тысяч белых голубей.

В довоенные 30-е годы стали создаваться празднества и для развлечения народа. В столичных парках приобрели популярность тематические карнавалы. Так, например, московский парк имени Горького встречал карнавальное шествие литературных героев — чеховских «Человека в футляре», «Даму с собачкой», пушкинских Ленского с Ольгой, тридцать три богатыря с дядькой Черномором и т.д.

При этом богатыри (рабочие одного из заводов) были вооружены атрибутикой своего производства: пиками служили огромные вилки, мечами — кухонные ножи, а щитами — сковороды. Парк утопал в разноцветных лентах и гирляндах. Деревья, фонари, столбы, вход в парк — все было празднично оформлено с помощью использования серпантина, атрибутами карнавальных костюмов (плащей, масок, сомбреро...). В пруду плавали диковинные цветы, над скамейками фонари в виде смеющихся или плачущих полумесяцев. Посетители вместе с билетом приобретали бумажные пакеты с карнавальными полумасками, серпантином, конфетти, листовками с текстами песен и шуточными посланиями. Их ждали «Комната смеха» и киоск «Бюро знакомств», ателье «Шито-крыто», концерты на эстрадных площадках, викторины, конкурсы, показательные выступления «Прыжки в воду», сдача норм «ВО» (весело отдыхаем) и т.д.

6 июля 1935 года в День советской Конституции в том же парке проходил карнавал, открывающийся шествием представителей профсоюзных организаций и национальных клубов Москвы, политэмигрантов из разных стран мира в народных костюмах. Шествие профсоюзов открывали два рыцаря в кольчугах, за ними шли пекари в шляпках из булок, кондитеры несли конфеты циклопических размеров, деревообработчики бревно и т.д. много было претендентов на премии за лучший самодеятельный карнавальный костюм — «Дикобраз», «Единоличник», «Пластинка», «Марк-Антоний», «Советская авиация» и множество «цыганок», «тореадоров»...

А еще были праздничные спартакиады, слеты, съезды, митинги и шествия, «вернувшиеся» новогодние ёлки, массовые гуляния и т.д. А потом была война, когда все ждали одного праздника и верили

в него и он пришел — День великого торжества Победы 9 мая 1945 года. Однако в календарь советских граждан эта дата вошла как выходной праздничный день лишь двадцать лет спустя.

Знаковым праздничным событием наступившей хрущевской оттепели стал VI Всемирный московский фестиваль молодежи и студентов, состоявшийся в августе 1957 года и продолжавшийся две недели. Этот фестиваль стал символом начала мирной и свободной послевоенной жизни, дружбы народов, декларируемый новым молодым поколением. Фестиваль готовился с размахом, и его программа прошла с впечатляющим успехом. Она состояла из семнадцати массовых празднеств, многочисленных концертов, встреч спортивных состязаний. Главным режиссером фестивальной программы был И. М. Туманов. Самыми яркими праздничными событиями фестиваля стали:

- Открытие и закрытие фестиваля на стадионе Лужники
- Праздник труда и сельской молодежи на ВДНХ
- Праздник русского балета и цирка на стадионе Динамо
- Праздник девушек в ЦДК Советской Армии
- Водный праздник на Москве-реке
- Праздник песни и танца в ЦПКиО имени Горького
- Митинг-манифестация на Манежной площади (в память 12 годовщины трагедии Хиросимы)
- Большой московский карнавал

Сценаристом водного праздника на Москве-реке и в Центральном московском парке была Б. Н. Глан, которая оставила подробные воспоминания о тех событиях в своей книге «Праздник всегда с нами». Зрелище, состоявшееся на акватории столичной реки, впечатля-

ет и сегодняшнее воображение. Сотни тысяч зрителей наблюдали невиданное доселе действо: под радугами-дугами воздушных шаров высоко переброшенных с одного берега Москвы-реки на другой проплывали, освещенные разноцветными огнями, плавучие эстрады с демонстрацией молодежного бала представителей всех народов мира и советской страны, быстрокрылые суда, гондолы, знаменитый плот Тура Хейердала, сказочные персонажи подводного мира и т.д. Вокруг яркая пестрота национальных костюмов участников фестивалей, звучание народных инструментов, духовых и струнных оркестров, сменяемость и нарастание ритмов беспрерывного молодежного ликования: «Нет войны! Есть мир! Мир и дружба! ...Светлое будущее стало на нашем празднике шумящей, поющей, танцующей, смеющейся реальностью...» [21, с.141].

Время с середины пятидесятых годов до начала перестройки это время знаменательных праздничных событий для нашей страны в честь освоения космоса, юбилеев Победы и Олимпийских игр 1980 года. Это празднества целинников, пионерии и комсомола, это фестивали народов России, знаменитый праздник выпускников школ «Алые паруса», праздники трудовых коллективов и трудовых свершений, юбилейные торжества в честь Октябрьской революции, В. И. Ленина, Великой Победы. В период с 1956 по 1991 год было проведено десять летних спартакиад народов СССР. В режиссуру массовых праздников 1970–1980х годов пришло новое поколение рождения 50-х годов, воспитанное на советских идеалах и ведущее счет времени как все советские люди «от войны последней, а не от рождения Христа», т.е. для советских людей время делилось на две половины — «до войны» и «после войны»:

В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны.
(Н. Дмитриев)

Поэтому, не случайно, тема прошедшей войны впрямую или косвенно входила в содержательную структуру почти всех праздников гражданского звучания: на праздниках урожая вспоминали о блокадном Ленинграде, на праздниках пионерии и комсомола о своих ровесниках — героях войны, на заводских юбилеях о военной истории завода и о тех, кто ушел в ополчение, на праздниках в честь трудовых свершений о тех, кто сражался за будущую счастливую жизнь.

Коммунистическая партия уделяла огромное внимание массовым праздникам как своеобразному методу формирования марксистско-ленинского сознания, общественного настроения и коллективного мышления. Массовые праздники, театрализованные концерты и представления, согласно красным датам советского календаря, проходили в каждом населенном пункте, в каждом предприятии и учебном заведении, в каждом Дворце культуры и клубе, музейных комплексах и парках. Потребность в специалистах данной сферы деятельности росла, и в 1971 году в Ленинградском институте культуры имени Н. К. Крупской была создана кафедра режиссуры праздников. Идеологами и разработчиками теоретических и практических основ обучения, первых учебных программ стали Д. М. Генкин и Э. В. Вершковский. Непосредственную и активную поддержку в организации кафедры и становлении ее учебного процесса оказал И. М. Туманов. Впоследствии режиссеров массовых праздников начали готовить во многих городах СССР, где были открыты вузы культуры.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите имена известных режиссеров массовых праздников первого десятилетия советской власти и их постановки.
2. Какой иллюстративный момент из приведенных описаний массовых театрализованных представлений вас наиболее впечатлил и запомнился?
3. Как в Ленинграде использовался природный, архитектурный и исторический ландшафт в масштабном театрализованном представлении посвященному десятилетию Октябрьской революции?
4. Найдите и прочтите в книге Б. Н. Глан «Праздник всегда с нами» описание водного праздника на Москве-реке 8 августа 1957 года в честь VI всемирного фестиваля молодежи и студентов.
5. Найдите и просмотрите на страницах интернета фото- и видеоматериалы, посвященные массовым праздникам и театрализованным представлениям 70–80-х годов в СССР. Поделитесь впечатлениями о наиболее заинтересовавших вас фрагментах увиденного.

§ 11. Главные государственные праздники современной России

Праздничный календарь России третьего тысячелетия обширен, он включает гражданские, профессиональные, религиозные, народные, спортивные, территориальные и др. Они, в свою очередь, имеют разветвленное внутреннее деление. В постперестроечные годы на смену одним гражданским

и светским праздникам и традициям пришли новые. Так праздники трудового коллектива уступили место праздникам, которые сегодня называют корпоративными. Произошла не просто смена названия, а смена идейно-содержательного наполнения праздников подобного рода, поскольку изменилась сама сущность организации трудового процесса и его целей. Активно стала распространяться традиция празднования Дня города, праздник Масленицы справедливо вернул себе право провожать зиму взамен советского Дня проводов зимы, Татьянин день стал официальным Днем российского студенчества, официально утвержден День Матери и т.д. То есть мир праздников современной России очень широк и многообразен, но в данном параграфе мы концентрируем внимание только на главных праздниках нашей страны, которые являются «красными днями» календаря, то есть официально утвержденными праздниками-выходными.

Понятие «государственные праздники» может иметь весьма разное толкование и включать в себя праздники самой разной тематики и масштаба. Чаще всего к ним относят, во-первых, те праздники, которые отмечаются всей страной и дни их празднования объявляются выходными, а, во-вторых, праздники, посвященные главным символам государства и его основному закону, нацеленные на формирование патриотических чувств, общественного настроения и единого гражданского мировоззрения своих подданных. О том, что выраженное отличие государственных праздников от общенародных праздников на Руси появилось лишь с эпохи царствования Петра I, о том, почему и как это происходило в досоветские и советские времена говорится в предыдущих параграфах данной главы. На сегодняшний день главными российскими государственными праздниками являются:

1. Новый год — (1–6 января, 8 января новогодние каникулы);
2. Рождество Христово — 7 января;
3. День защитника Отечества — 23 февраля;
4. Международный женский день — 8 марта;
5. День Весны и Труда — 1 мая;
6. День Победы — 9 мая;
7. День России — 12 июня;
8. День народного единства — 4 ноября.

1 января. Новый год, утвержденный Петром I с 1700 года, стал праздничным выходным днем лишь с 1897 года. С приходом к власти большевиков новогодний праздник поначалу был причислен к «старорежимным», хотя нападки на гуляния вокруг ёлки начались еще в 1914 году, поскольку эта традиция пришла из страны тогдашнего врага — Германии. Активно начали выступать против рождественских, ёлочных и святочных традиций комсомольцы в двадцатые годы, предлагая заменить их на «комсомольские святки» — «чем меньше ёлок, тем меньше бессознательных людей». Однако, жить становилось «лучше и веселее» и по решению автора этого определения И. Сталина в 1935 году газета опубликовала выступление его сподвижника с предложением-указанием «не отнимать у детей праздник». В канун 1936 года в Колонном зале московского Дома Союзов прошла первая официальная «Ёлка», уже не с рождественской звездой на ее макушке, а с пятиконечной. Эту «Ёлку» посетил Дедушка Мороз с мешком подарков и со своей внучкой Снегурочкой. Эти образы родились из русских народных сказок и литературных произведений (В. Одоевский «Мороз Иванович», Н. Некрасов «Мороз — Красный нос», Н. Островский «Снегурочка»). До революции образ доброго рождественского дедушки существовал скорее в представ-

лении о нем, и ассоциировался этот образ с образом святого Николая Чудотворца (Николая Угодника), который по преданию был скорым помощникам, незаметно помогающий сирым и убогим в самые трудные моменты их жизни. Выходным праздничным Днем 1 января стал выходным в советской России лишь с 1947 года. С 2005 года появились новогодние каникулы, продолжавшиеся 10 дней. Сегодня два выходных дня «отобранных» от новогодних стали добавляться к майским праздникам.

23 февраля. День защитника Отечества был объявлен Днем Рождения Красной Армии наркомом Троцким, хотя никаких обоснований в выборе этого дня не было. В 1938 году это объяснение было найдено — мол, 23 февраля 1918 года «отряды молодой Красной армии наголову разбили под Псковом и Нарвой войска немецких захватчиков». Однако, на самом деле, никто не помешал немцам без боя захватить в те дни Псков, поскольку красноармейские отряды создаваться начали чуть позже. Тем не менее, это день прочно вошел в праздничный календарь России с 1922 года, в который традиционно стали поздравлять не только воинов-защитников Отечества, но и всех представителей мужского пола. Таким образом, в сознании большинства россиян день 8 Марта закреплен как день чествования женщин, 23 февраля — день чествования мужчин. Возможно, это результат сублимации нереализованных потребностей в чисто человеческих эмоционально-чувственных отношениях, без ореола политической идеологии. Ведь и 8 марта первоначально отмечался как День Работницы. Днем Советской Армии и Военно-Морского флота праздник называли с 1946 года.

8 Марта. Международный женский день. Истоки праздника в весеннем «марше пустых кастрюль»

в Нью-Йорке 1857 года, посвященному требованию женщин равных прав с мужчинами, повышению зарплат и улучшению условий труда. Праздник провозглашен Международным женским днем в 1910 году по решению конгресса II Интернационала. Предложение внесла К. Цеткин на Международной социалистической женской конференции, проходившей в рамках конгресса. Предполагалось, что в этот день женщины будут устраивать митинги и шествия, посвященные борьбе за свои избирательные права и социализм. В Красном календаре советской России этот день был назван поначалу Днем работниц и выходным, соответственно, не стал. Только с 1966 года этот день был объявлен в СССР нерабочим. К тому времени советские люди уже воспринимали этот праздник вовсе не с политических позиций, а как женский праздник, когда принято поздравлять, дарить цветы и подарки представительницам женского пола разных возрастов — на работе, в кругу друзей, членам семьи.

1 Мая. День Весны и Труда. Май — это время пробуждения природы и ее силы. Первомайские дни были традиционно праздничными со времен средневековья по всей Европе, в том числе и в России. В разных вариантах была традиция воздвижения символического майского дерева (это могло быть и дерево или высокий столб), вокруг которого проходил весенний праздник. Существовал также ритуал посадки майского деревца, из которых вырастали целые «майские леса». 1 мая как День международной солидарности трудящихся был провозглашен первым конгрессом II Интернационала в 1889 году. Точкой отсчета этой традиции стала всеобщая забастовка рабочих Чикаго, вышедших 1 мая 1886 года на демонстрацию с требованием восьмичасового рабочего дня, которая закончилась кровопролитием и столкновением с полицией.

В России, еще ранее этой даты, проходили первые нелегальные загородные собрания-маевки рабочих, которые использовали майские дни как прикрытие для своей подпольной агитационно-пропагандистской деятельности. В Петербурге первая маевка прошла тайно за Нарвской заставой в 1891 году. Под руководством партии РСДРП маевки приобрели политический характер и стали выливаться в массовые демонстрации. Постоянными атрибутами праздника стали красный флаг, поднятый впервые в 1876 году у Казанского собора, красные банты, митинги и шествия. С 1917 года Первомай стал в нашей стране массовым праздником, основу которого составляли массовые демонстрации трудовых успехов советского народа, его приверженности идеям социализма и поддержки политики правящей коммунистической партии. Сегодня 1 Мая провозглашен Днем Весны и Труда.

9 Мая. Праздник Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Один из самых значимых праздников нашего многонационального народа, праздник «со слезами на глазах».

Парад Победы 1945 года состоялся на Красной площади 24 июня. Под барабанный бой двести солдат швырнули к подножью мавзолея двести знамен разгромленной армии фашистов, первым — лейбштандарт Гитлера. Знамена бросались на специальный деревянный помост (чтобы не осквернить землю). Поверх низверженных знамен бойцы бросили снятые со своих рук перчатки (чтоб и рук не осквернить). Все выброшенное вместе с помостом было вывезено и сожжено. Командовал парадом маршал К. К. Рокоссовский, принимал парад, сидя по указанию Сталина на белом коне, маршал Г. К. Жуков. Парад длился два часа и девять минут. Первым по площади прошел сводный полк барабанщиков-суворовцев. Затем

пошли сводные полки 11 фронтов в порядке их расположения на театре военных действий с севера на юг к концу войны и полк Военно-морского флота. Впереди полков их командующие, знаменосцы, Герои Советского Союза. Для каждого полка оркестр из 1 400 музыкантов играл свой особый марш. Замыкали прохождение полк Наркомата обороны, курсанты военных училищ, представители разных родов войск. Поскольку шел проливной дождь, отменили воздушную часть парада и шествие колонн трудящихся.

Официально День Победы впоследствии много лет не отмечался. Среди ветеранов существовало мнение, что это было следствием опаски дать им возможность для самопроявлений, мол «много о себе возомнили». Было и другое мнение — «страну надо восстанавливать, не до праздников». Праздником с выходным днем и военным парадом день 9 Мая станет только при Брежневе, через 20 лет — в 1965 году.

Два праздника из перечисленных 8-ми являются праздниками нового времени — День России и День народного Единства. Мало кто из россиян может вразумительно ответить на вопрос об истории и содержании этих праздников. Между тем *День России* является главным праздником нашего государства. Появился он в 1991 году (12 июня 1990 года Первый съезд народных депутатов РСФСР принял декларацию о государственном суверенитете республики) и поначалу его сокращенно называли Днем независимости России (никто только не понимал от кого она до указанной даты была зависимой). Официально праздник был утвержден в 1994 году Б. Ельциным как День принятия Декларации о государственном суверенитете России. В этот же день в 1991 году Россия приобрела своего президента. До нынешнего дня никаких особых традиций вокруг данного праздника, увы, не

сложилось, и большинство россиян воспринимают День 12 июня как дополнительный выходной день.

День народного единства, напротив, имеет давние исторические корни и глубокое патриотическое содержание. Этот праздник наша страна отмечает с 2005 года. Этот день — 4 ноября (День иконы казанской Божьей Матери) стал знаменательным для нашего Отечества в далеком 1612 году, когда объединенные силы народного ополчения, сопровождаемые иконой Богоматери, во главе с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским взяли московский Китай-город, в котором засели интервенты-поляки, сдавшиеся через четыре дня окончательно. 4 ноября стал днем спасения России от развала, днем преодоления Смутного времени, которое около двух десятилетий терзало Россию безвластием, самозванцами на российском престоле, предательством национальных интересов властителями, войнами, внутренними конфликтами, захватом власти интервентами и т.д. Смутное время — это время глубочайшего политического, духовного и нравственного кризиса в нашем Отечестве, перед которым стояла реальная опасность территориального распада и потери независимости. Оно было преодолено потому, что народы России сплотились, создали на личные пожертвования многонациональное ополчение (плечом к плечу сражались и мусульмане и христиане) и преодолели угрозу полного уничтожения страны. Этот праздник не нов, его отмечали до революционного 1917 года, а ныне возродили. На празднике есть о чем вспомнить с гордостью. Например, подвиг жителей Смоленска, которые в течение 20 месяцев, задерживая силы интервентов, обороняли свой город. Только из-за ослабления эпидемиями, отсутствием воды, соли они не смогли продолжать оборону, но бились

до конца на улицах города. Последний сражавшийся отряд из трех тысяч человек взорвал себя в соборе не сдавшись врагу. Или же знаменитый подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, который спас жизнь царя ценой своей жизни. Праздник дает повод для глубоких патриотических размышлений, для осознания тех ценностей, которыми обладает наша страна и которыми следует дорожить.

До 2005 года день освобождения Москвы народным ополчением в 1612 году являлся Днем воинской славы (с 1995 года) и был приурочен к 7 ноября. Дни воинской славы России были впервые установлены Федеральным законом в марте 1995 года (впоследствии список подвергался корректировке), в их перечень вошли «дни славных побед, которые сыграли решающую роль в истории России, и в которых российские войска сыскали себе почет и уважение современников и благодарную память потомков. Закон «О днях воинской славы и памятных датах России» корректировался не единожды, с учетом последней поправки в апреле 2020 года, перечислим следующие установленные им дни и даты:

Дни воинской славы России

- 27 января — День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год);
- 2 февраля — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 год);
- 23 февраля — День защитника Отечества;
- 18 апреля — День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище); сражение произошло 5 апреля 1242 года;

- 9 мая — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (1945 год);
- 7 июля — День победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении; сражение произошло 24–26 июня (5–7 июля) 1170 года;
- 10 июля — День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в полтавском сражении; произошло 27 июня (8 июля) 1709 года;
- 9 августа — День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут; произошло 27 июля (7 августа) 1714 года;
- 23 августа — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 год)
- 3 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год);
- 8 сентября — День Бородинского сражения русской армии под командованием М. И. Кутузова с французской армией; произошло 26 августа (7 сентября) 1812 года;
- 11 сентября — День победы русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра; произошло 28–29 августа (8–9 сентября) 1790 года;
- 21 сентября — День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве; произошло 8 сентября 1380 года;

- 9 октября — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ (1943 год);
- 4 ноября — День народного единства;
- 7 ноября — День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год);
- 1 декабря — День победы русской эскадры под командованием П. С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп; произошло 18 (30) ноября 1853 года;
- 5 декабря — День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой в 1941 году.

Памятные даты России

1. День российского студенчества (25января);
2. День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества (15 февраля);
3. День космонавтики (12 апреля);
4. День принятия Крыма, Тамани и Кубани в состав Российской империи [1783 год] (19 апреля);
5. День участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф и памяти жертв этих аварий и катастроф (26 апреля);
6. День российского парламентаризма (27 апреля);
7. День памяти и скорби [день начала Великой Отечественной войны] (22 июня);
8. День партизан и подпольщиков (29 июня);

9. День Крещения Руси (28 июля);
10. День памяти российских воинов, погибших в Первую мировую войну [1914–1918 годов] (1 августа);
11. День солидарности в борьбе с терроризмом (3 сентября);
12. День Октябрьской революции 1917 года (7 ноября);
13. День неизвестного солдата (3 декабря);
14. День героев Отечества (9 декабря);
15. День Конституции (12 декабря).

Насущной необходимостью является задача «соединить эпохи» в главных российских праздниках сегодняшнего дня. Массовые праздники во все времена требуют непосредственного участия, а не только непосредственного смотрения, поэтому содержательная сила их психологического воздействия на человека превышает мощь любых средств массовой информации, вследствие чего государственные праздники являются сильнейшим фактором сохранения и формирования основополагающего и объединяющего мировоззрения своих граждан, их консолидации и укрепления их единства. Новые ритмы современности требуют новых выразительных средств и новых выразительных эффектов в организации массовых празднеств, вместе с тем, без целенаправленного использования исторических ретроспекций в организации массовых действ современных государственных праздников эти праздники не только теряют свой содержательный потенциал, но, главное, теряют потенциал мощной объединительной силы, которая базируется на исторической памяти народа о победах предшествующих поколений своего Отечества. Поэтому в сценарно-режиссерские замыслы по организации

массовых государственных празднеств необходимо более интенсивно вводить сцены, в которых в символической форме отражались бы воспоминания о радостях великих побед своих соотечественников в разные эпохи становления страны.

К сожалению, в современной сценарно-режиссерской деятельности по организации массовых государственных празднеств уделяется недостаточное внимание эмоционально-выразительным возможностям использования природной, исторической и архитектурной пространственной среды празднеств, тогда как ориентация на эти возможности многократно усиливает эффект непосредственной сопричастности к истории родной земли у членов празднующего сообщества. Необходим целенаправленный поиск новой символической образности государственных праздников, новых художественно-образных решений содержательного наполнения, поскольку праздник живет только тогда, когда вокруг него живет творчество.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите главные государственные праздники современной России.
2. Расскажите о содержательной сути праздника Дня народного единства.
3. Какие праздники российской современности, о которых не упоминалось в изложении данного параграфа, вы можете назвать?

§ 12. Профессиональные, тематические и локальные праздники современной России

Профессиональные праздники

В современной России число профессиональных праздников приближается к сотне. Одни из них широко известны, поскольку носители данных профессий тесно связаны с судьбой любого человека (учителя, медицинские работники), другие профессии являются самыми массовыми (работники торговли, строители), о третьих знает лишь весьма узкий круг специалистов определенного вида профессиональной деятельности (архивисты, дипломаты и т.д.). В основном, перечисленные ниже основные профессиональные праздники отмечаются лишь на территории нашей страны, но есть и такие (День театра, День космонавтики), которые имеют международное значение.

12 января — День прокуратуры Российской Федерации
13 января — День Российской печати
21 января — День инженерных войск России
8 февраля — День российской науки
Второе воскресенье февраля — День аэрофлота
10 февраля — День дипломатического работника
15 февраля — День воинов интернационалистов
18 февраля — День транспортной полиции
Второе воскресенье марта — День работников геодезии и картографии
10 марта — День архивов
12 марта — День работников уголовно-исполнительной системы Минюста России
19 марта — День моряка подводника

Третье воскресенье марта — День работников бытового обслуживания населения и жилищно-коммунального хозяйства
23 марта — День работников гидрометеорологической службы России
25 марта — День работников культуры России
29 марта — День специалиста юридической службы в Вооруженных Силах
27 марта — Международный день театра
27 марта — День войск национальной гвардии Российской федерации (Росгвардии)
Первое воскресенье апреля — День геолога
6 апреля — День работников следственных органов
12 апреля — День космонавтики
Второе воскресенье апреля — День войск противовоздушной обороны
30 апреля — День пожарной охраны России
7 мая — День радио
7 мая — День создания вооруженных сил России
13 мая — День Черноморского флота
18 мая — День Балтийского флота
21 мая — День Тихоокеанского флота
26 мая — День российского предпринимательства
27 мая — Общероссийский день библиотек
28 мая — День пограничника
Последнее воскресенье мая — День химика
1 июня — День Северного флота России
14 июня — День работников текстильной и легкой промышленности
Третье воскресенье июня — День медицинского работника
Последняя суббота июня — День изобретателя и рационализатора
29 июня — День кораблестроителя
3 июля — День работников ГИБДД

Первое воскресенье июля — День работников морского и речного флота
Второе воскресенье июля — День рыбака
12 июля — День российской почты
Третье воскресенье июля — День металлурга
Четвертая суббота июля — День работников торговли
Последнее воскресенье июля — День военно-морского флота
2 августа — День воздушно-десантных войск (ВДВ)
Первое воскресенье августа — День железнодорожника
6 августа — День железнодорожных войск
Второе воскресенье августа — День строителя
12 августа — День военно-воздушных сил (ВВС)
27 августа — День Российского кино
Последнее воскресенье августа — День шахтера
02 сентября — День российской гвардии
Первое воскресенье сентября — День работников нефтяной и газовой промышленности
Второе воскресенье сентября — День танкиста
19 сентября — День оружейника
20 сентября — День работников леса
27 сентября — День воспитателя и всех дошкольных работников
Последнее воскресенье сентября — День машиностроителя
28 сентября — День работников атомной промышленности
4 октября — День космических сил России
5 октября — День учителя
5 октября — День работников уголовного розыска

Второе воскресенье октября — День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности
Третье воскресенье октября — День работников пищевой промышленности
Третье воскресенье октября — День работников дорожного хозяйства
24 октября — День подразделений специального назначения
25 октября — День таможенника Российской Федерации
Последнее воскресенье октября — День работников автомобильного транспорта
1 ноября — День судебного пристава
5 ноября — День военного разведчика
10 ноября — День сотрудников внутренних дел (полиции)
12 ноября — День работника Сбербанка России
19 ноября — День ракетных войск и артиллерии
21 ноября — День работников налоговых органов России
27 ноября — День морской пехоты
17 декабря — День ракетных войск стратегического назначения
20 декабря — День сотрудника органов государственной и национальной безопасности (день ФСБ)
22 декабря — День энергетика
27 декабря — День спасателей МЧС Российской Федерации.

Тематические праздники

Сложно вычленить в данном разделе определенные праздники, поскольку многие из тех, которые

следовало бы назвать, уже названы в предыдущем параграфе, посвященным главным праздникам России, о других же мы рассказываем в последующем параграфе, перечисляя международные дни имеющие всемирное значение, и отмечаемые на территории нашей страны. К примеру, это международные Дни музеев, танца, шахмат, музыки, водных ресурсов, пожилых людей и т.д. Календарь праздников и праздничных дат не прост, он достаточно часто корректируется властными структурами. Непроста и их классификация. К примеру, День российского студенчества (25 января), который долгое время не был внесен в официальный праздничный календарь, сегодня включен в перечень памятных дат России, тогда как сложившиеся и развивающиеся традиции российского студенчества раздвигают рамки восприятия этого дня с позиций исторической памяти о создании первого отечественного университета, все больше превращая этот день в буйный праздник учащейся молодежи всей страны, которая вовсе не воспринимает этот день как некую памятную дату.

Существуют праздники и праздничные дни, которые в какой-то степени дублируют друг друга или близки друг другу. Так 5 сентября отмечается международный День благотворительности, а в России утвержден общественно-церковный День милосердия и благотворительности 23 августа. Или же, 27 июня — День молодежи России, а 24 апреля — международный День солидарности молодежи. В России врачей принято поздравлять в их июньский день, но мало кто знает о существовании Международного дня врача, отмечаемого в первый понедельник октября и т.д.

Назовем те значимые даты праздничного календаря России, которые не упоминаются нами в других параграфах настоящего пособия:

24 мая — День славянской письменности и культуры
6 июня — Пушкинский день России
27 июня — День молодежи России
8 июля — Всероссийский день семьи, любви и верности (Петра и Февронии)
22 августа — День Государственного флага Российской Федерации
23 августа — День милосердия и благотворительности
1 сентября — День знаний
3 сентября — День солидарности в борьбе с терроризмом
Третье воскресенье октября - День отца
Последнее воскресенье ноября — День матери

В последние годы и десятилетия в нашей стране возникли праздники самого разного характера. Не все из них широко известны, не все вызывают всеобщий интерес и одобрение, не у всех из них сложились интересные и убедительные традиции. Среди таких праздников: 18 ноября — День рождения Деда Мороза; 8 ноября — Международный день КВН; 29 ноября — День рождения буквы «Ё» и пр.

Одна из самых популярных форм массовых праздников современности — фестивали. Фестиваль — массовое празднество, посвященное смотру (показу) лучших творческих достижений, прежде всего в искусстве. В современной России это многочисленные фестивали, посвященные самым разным видам искусств, самодеятельного творчества, национальным культурам, ремеслам, товарам, сельскохозяйственной продукции. Это фестивали, воздушных шаров и воздушных змеев, масленичных кукол, боди-арта и т.д. Особую популярность приобрели фестивали,

как празднества демонстрации (смотра) лучших творческих достижений не только в сферах искусства, но и творческой деятельности самых разных направлений, любых выставочных проектов. Каждый фестиваль должен иметь свое лицо, свое креативное решение, свой логотип, свое оформление, свои традиции, свои «условия игры». Мир современных фестивалей в России широк, направлений фестивального движения великое множество. Среди них: фестивали уличных оркестров и рок-музыкантов, фестивали клоунов и рыжеволосых людей, рекламных роликов и пародий на них, театральные и кинематографические, фольклорные и бардовские, фестивали профессий, близнецов, драндулетов, пива, молока, вин, сыра, разного рода овощей и т.д.

Локальные праздники

В постсоветское время стала активно развиваться традиция ежегодного проведения Дней городов и сел по всей стране. С особой торжественностью проводятся их юбилейные даты. Каждый регион, город, село и даже деревня ищет способ, как с помощью локальных празднеств привлечь внимание к своей самобытной истории, своей продукции. К примеру, тульские пряники и самовары, астраханские арбузы стали «знаменитыми» задолго до возникновения традиций организации праздников в их честь, а вот провинциальный городок Мышкин в Ярославской области или село Новотырышкино Алтайского края приобрели широкую известность благодаря созданию традиционных фестивалей «*Мыши в городе Мышкин*» и «*Сибирской Масленице*» и т.д.

В каждом регионе современной России проводятся праздники в память своих именитых земляков, по-

скольку героизация земляков с помощью праздничных форм способствует созданию имиджа территории и росту патриотизма ее жителей. Например, ежегодно 22 октября в Дагестане проходит литературный праздник «Белые журавли», посвященный памяти павших за Отечество. Вместе с тем, праздник навсегда ассоциирован с именем аварского поэта Расула Гамзатова, не только автором известных каждому россиянину бессмертных строк о том, что «солдаты, с кровавых не вернувшихся полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей...», но и инициатором этого праздника. Ежегодно собирает Всероссийский литературно-фольклорный праздник «*Шолоховская весна*» станица Вешенская Ростовской области. В память своего великого земляка В.П. Астафьева жители села Овсянка проводят традиционный краевой *праздник «Ода русскому огороду»*. Нет такого региона в России, где бы не было подобных фестивалей, только в одном Алтайском крае ежегодно их проводится несколько, например:

- *Шукшинские чтения* на горе Пикет (в Сростках — родном селе В. М. Шукшина);
- *«Земляки»* — фестиваль народного творчества и спорта (в Верх-Обском — родном селе М.С. Евдокимова);
- *Покровский фестиваль* (в Быстром Истоке — родном селе В. С. Золотухина);
- *Рождественские чтения* (в Косихе — родном селе Р. Рождественского).

За право использования некоторых знаменитых имен между регионами порой идет даже своеобразная борьба — «у нас родился», «а детство-то у нас провел», «а у нас жил в эвакуации» и т.д. Так поэт Р. Рождественский лишь родился на Алтае, тогда как В. М. Шукшин, М.С. Евдокимов и В.С. Золоту-

хин, были страстными патриотами края и стали его персонифицированными «брендами» еще при своей жизни. А знаменитого конструктора М. Т. Калашникова считают своим и жители села Курья Алтайского края, где он родился, и жители столицы Удмуртии Ижевска, где он провел основные годы своей жизни. И там и там регулярно проводятся праздничные мероприятия в его честь.

В наше время организацией массовых праздников в основном занимаются государственные структуры, что, как ни странно, не всегда ведет к успеху, поскольку в «заорганизованном» празднике исчезает присущий подлинному празднику дух свободы, слишком чувствуется налет казенщины, назидательства, агитации и формализма. Вспомним слова Флоренского «праздник более нуждается в свободе, а не в попечительстве», то есть праздничная природа — саморегулирующаяся система, где людей объединяет не только праздник, но и традиционная подготовка к нему. Более того, например японская поговорка уверяет, что «канун праздника — больше чем праздник». Да и на обыденном уровне все мы знаем и чувствуем силу предпраздничного оживления, которое вовлекает в свою орбиту даже самых равнодушных и порождает приподнятое предпраздничное настроение с готовностью по особенному встретить грядущий день радости. Тогда включается механизм массового социально-психологического заражения, не просто распространяющий флюиды приподнятых эмоций, но и пробуждающий импульсы самодеятельного творчества без которых не быть подлинному празднеству. Все это вовсе не означает, что современная праздничная жизнь россиян не нуждается «в попечительстве», в профессиональной сценарно-режиссерской организации массовых празднеств, а лишь под-

черкивает насущную необходимость для работников праздничной индустрии подходить к своей работе не формально (праздник и формализм понятия несовместимые), а с глубоким пониманием природы каждого праздника и живых непосредственных движений человеческих душ, по-детски стремящихся к радости и удовольствию дарованными им праздничной жизнью без отягощения назидательно-пропагандистских речей и подтекстов. Это понимание и знание диктует профессионалам необходимость всемерно учитывать и опираться на самодеятельную инициативу граждан, даже если эта инициатива поначалу может быть едва заметной, и всячески стимулировать ее. И подобно театральному постулату — «с идеями не носятся по сцене, с идеями выходят из зрительного зала», не стараться превращать праздники в агитационно-пропагандистские уроки, поскольку духовно-идеологическое содержание сложившейся праздничной традиции априори ей присуще. Сценарист-режиссер массового праздника если и вносит свои корректировки, образы и т.д. в его ход и содержание, то не ведя общество за своим настроением и своими установками, а следуя за теми установками и настроениями общества, которые объединяют общество в духовной радости праздничного торжества.

Контрольные вопросы и задания

1. Существует ли в вашей семье традиция отмечать какой-либо профессиональный праздник? С какими профессиональными праздниками вы наиболее знакомы?
2. Случалось ли вам присутствовать на каких-либо региональных праздниках или читать о них?

3. На каком бы российском празднике нового времени вы бы хотели побывать в качестве участника? Режиссером какого праздника вы хотели бы стать?
4. Назовите праздник, который вы бы предложили внести в праздничный календарь России.

§ 13. Праздники народов России

В России более ста коренных наций и народностей, которые, образуют 22 республики, 4 автономных округа и одну автономную область. У каждого народа и этнической группы свои традиционные праздники и обряды, к которым интерес не ослабевает, а, напротив, умножается. Это огромное богатство нашей страны, богатое разноцветье культуры, поскольку духовная культура не существует без национальных корней. И объединяющим звеном всех российских народов являются русская культура и русский язык. Хорошо выразил поэт Михаил Львов в своих стихах глубину исторического единства наших народов:

«Сколько нас, нерусских, у России —
И татарских, и иных кровей,
Имена носящих не простые,
Но простых российских сыновей!

Пусть нас и не жалуют иные,
Но вовек — ни завтра, ни сейчас —
Отделить нельзя нас от России —
Родина немыслима без нас!»

Многочисленные народы России исповедуют разнообразные религии или же принадлежат к разным конфессиям, которым, в свою очередь, присущи свои

праздники. При этом у каждого народа есть праздники с древнейшими корнями, уходящими далеко в их родовую мифологическую историю. Список таких праздников бесконечно богат, каждый из этих праздников имеет свою мифологию, самобытность, содержательную выразительность. По законам гостеприимства на народные праздники приглашаются все, независимо от вероисповеданий, т.е. для таких праздников не существует религиозных барьеров. Большинство из них детально описаны в многочисленных фольклорно-этнографических и культурологических исследованиях. Мы же попытаемся для иллюстративного примера провести выборочный и очень краткий обзор только некоторых из этих празднеств. Начнем этот обзор с праздников, которые отмечают разные российские народы в разных географических точках нашей страны.

Сабантуй, Навруз, Цагаан-Сар

Сабантуй — (с тюркского — «праздник» или «свадьба плуга»), старинный праздник проводимый в честь окончания весенних полевых работ народами Башкирии и Татарстана. До конца XIX века Сабантуй праздновали до начала пахоты, но впоследствии он вытеснил по времени проведения другой, ныне возрожденный праздник, *Джиен (Җыен — «собрание»)* — праздник родовых общин или людей живущих одной общностью на одной территории. Аналогичные сабантую праздники есть у всех других народов Поволжья, а также у некоторых народов Кавказа.

Местом проведения Сабантуя обычно становится большой зеленый луг с красивой природной панорамой, собирающий на праздничное гуляние массы народа, одетых в праздничные национальные наряды. Центром Сабантуя являются многочисленные состя-

зания — спортивные, шуточные, художественного исполнительства. Спортивные состязания включают скачки, борьбу корэш (куреш), стрельбу из лука. На Сабантуе множество массовых шуточных игр-конкурсов, от весьма известных по всей России (бег в мешках, парные забеги со связанными ногами — когда левая нога одного человека крепко привязана к правой ноге другого человека и т.д.), до весьма экзотичных соревнований и забав. К примеру, конкурсы на ловкость в ношении яйца в ложке, на ловлю рыбы руками, на поиск монеты в кумысе без применения рук и т.п. Главными призами победителей праздничных состязаний являются живой баран, которого батыр должен поднять над головой и самое красивое вышитое полотенце, висящее на шесте как символ праздника. Барана победитель перекидывает за спину и проносит по периметру праздничного майдана (майдан с *тюрк.*— «площадь»).

Сабантуй всегда славился и славится богатым угощением из национальных блюд, не случайно слово «сабантуй» стало нарицательным — сегодня по всей России его стали часто применять как синоним к любому праздничному застолью.

***

Навруз (Наурыз, Науруз, Нооруз) — праздник 21 марта в честь весеннего равноденствия у мусульманских народов, но с Кораном он никак не связан, это народный праздник встречи Нового года. История Навруза уходит вглубь тысячелетий, его традиции зародились в культуре древних арийских племен. В переводе с фарси «нав» (новый) и «руз» (день) — «новый день». На территории России его стали отмечать народы Татарстана, Башкирии и Южного Дагестана.

До прихода обычая Навруза у башкир и татар праздником встречи весны считался праздник *Кар-*

гатуй («ворона» + «праздник»), называемый еще *«Праздник грачиной каши»*. Этот день продолжают отмечать и сегодня. Праздник проводят на лесной поляне, куда приглашают символическими выкриками (эти выкрики являются и сигналом к окончанию праздника). Поляна украшается, для пира расстилаются ковры, ставятся самовары, над кострами вешаются котлы. Звучат праздничные песни, прибаутки. Главным блюдом праздничного «пикника» на Каргатуе является каша, остатки которой специально оставляют для весенних птиц. В ходе праздника особо забавляются мальчишки, их задача состоит в том, чтобы забраться на деревья и оттуда, спрятавшись за листвой» весело кричать, имитируя крики ворон и других птиц. К примеру» «Кар-р!.. Кар-р!.. Ох, и каша, ох, навар... Кар-р!.. Кар-р!..».

Новый день Навруза начинается с первыми лучами солнца, которые встречают коллективными радостными приветствиями и танцами. У земледельческих народов во время Навруза проводят обряд первой борозды. Главное обрядовое блюдо праздника — «сумалак» («сумаляк») является обязательным атрибутом праздничного стола. Сумалак, это красивое блюдо из зеленых проросших ростков семян пшеницы, муки и грецких орехов (могут быть и другие составляющие, но зелень проросших семян обязательна). Готовится сумалак всю ночь Навруза и получается сладким без всяких подсластителей. В оформлении праздничного стола обязательны угощения и предметы символического значения. В странах Средней Азии, откуда пришел праздник в Россию, это могут быть следующие «семь шинов»:

1. Вино (возрождение)
2. Молоко (чистота)
3. Сладости (радость жизни)

4. Сахар (довольство)
5. Щербет (прохлада и отдых)
6. Свеча (свет, солнце, огонь)
7. Гребень (женская красота)

Нужно иметь ввиду, что данный перечень имеет другие варианты и другое объединяющее название у представителей разных народов, отмечающих Навруз, но должно быть обязательно соблюдено присутствие на столе именно семи предметов и угощений, что-то символизирующих и часто начинающихся на определенную букву. На праздничном столе традиционно могут появляться разные продукты символического значения, такие как мед, зелень, яблоки, чеснок и даже уксус, но сумалак обязателен. В ходе Навруза проходят многочисленные спортивные состязания (конные скачки, борьба силачей, борьба всадников за обладанием козлом или овцой), состязания певцов и музыкантов.

***

Сагаан Сар («Белый месяц») — праздник Нового года (прощание с зимой) по лунному календарю у монголоязычных (у части тюркских) народов. В России его отмечают в Бурятии — *Сагаалган (Цагаалган)*, в Тыве — *Шагаа*, в Калмыкии — *Цаган Сар*, в южных районах Горного Алтая — *Чагаа-Байрам*. Это *буддийский праздник с элементами шаманизма*. Праздник не имеет строго фиксированной даты, рассчитывается он по лунному календарю. Начало Белого месяца может смещаться в пределах с конца января по конец февраля, празднуется пятнадцать первых дней месяца до полнолуния и обозначает «поворот на весну», окончание суровой зимы, которую сумели пережить и люди и скот. Поэтому его и называют Белым (счастливым месяцем), кроме того в это

время года и вся земля покрыта белым снегом. Белый месяц отгоняет разбушевавшиеся в голодное время злые силы. Белый цвет служит символом здоровья, счастья и благополучия — белые одежды, молочная пища, белые вещи в подарок. В этот месяц едят только белые молочные и мясные продукты вдоволь. Это праздник особого почитания взрослых, старших членов рода, т.к. долголетие и здоровье старших — это предмет особой гордости рода, силы предков и потомков. Это было главным аргументом при сватовстве, создании новой семьи.

Во время подготовки к главному празднику, традиционные обряды соблюдения покаянного однодневного поста, церемонии поднесения угощения огню и духам местности, в виде символического жертвенного сожжения накопленного зла. Праздник сопровождается красочными народными гуляниями, спортивными состязаниями, состязаниями в остроумии, различными играми и забавами. К примеру, в Бурятии обязательно водят хороводы «ехор», проводят конкурс на разбивание берцовой кости животных «һэр шаһаа». А у алтайцев популярна игра «Тебек» — подбрасывание парашютика сделанного из волос лошадиной гривы и свинцовой пуговицы. Подброшенный вверх парашютик символизировал начало нового времени, а падающий — проводы старого времени.

Обряд взаимных приветствий — очень значим на этом празднике. При встрече спрашивали друг друга о том, благополучно ли пережили зиму члены семьи и скот. Обязательно нужно было соблюсти церемонию использования жестов в ходе приветствия, в зависимости от того кто перед кем стоит (возраст и пол) она видоизменялась. У каждого народа эта церемония своя, и она настолько важна, что это приветствие может помниться весь последующий год.

Праздники народов Сибири

На огромной территории Сибири исторически проживает множество народов с самобытной культурой: эскимосы, и коряки, чукчи и якуты, нивхи и ханты, ненцы и эвенки, тувинцы, буряты, юкагиры и т.д. Богаты и их праздничные традиции. Народы севера живут в суровых климатических условиях и не просто с уважением относятся к окружающему их миру природы, они одухотворяют все его силы, его животный мир.

Занимаясь самого разного рода промыслами, добывая для своего пропитания и обеспечения жизнедеятельности китов, моржей, нерпу северяне с почтением относились к своей добыче, устраивая праздники в их честь, где просили прощения за их вынужденное истребление. Особо почитался у ряда народов (ханты, манси, нивхи и др.) медведь, его они считали своим предком-родственником. *Медвежий праздник* длился в течение нескольких дней (если убили медведя, а не медведицу или медвежонка, то праздник продолжался дольше). У каждого народа соблюдались свои обычаи и церемонии.

Приморские чукчи и эскимосы считали своим прародителем кита и в честь него устраивали «*Праздник кита*», в ходе которого осуществляли жертвоприношения хозяину всех зверей и птиц моря (*Кэрэткун'у)*. Хотя *День кита* появился не так давно и в международном календаре (19 февраля), в нашей стране по-прежнему китовый праздник проводят в конце августа или начале сентября, когда заканчивается сезон китовой охоты. Вообще охота на китов в мире под запретом, но квота на их отлов предоставлена представителям коренных северных народов по всему миру. Сделано это потому, что китовое мясо и жир жизнен-

но необходимы северянам, поскольку без употребления этих продуктов питания в пищу, они обречены на вымирание. Мясо, кожа и жир кита обеспечивают эти народы теми витаминами и аминокислотами, которые в другом виде для них и недоступны, и чужды. Особым деликатесом у них является свежее китовое мясо с прослойкой жира и кожи, а также приготовленное следующим экзотическим способом: мясо и жир кита выдерживаются в мешке в течение месяца, закопанными в земле, где в процессе расщепления образуется «копайка», которая, помещаясь в чайной ложке, обеспечивают рацион человека необходимыми элементами в течение дня.

Экспозицией праздника кита являются обряды проводов промысловиков на последнюю в сезоне охоту и их возвращения с охоты, когда девушки в танце просят прощения у кита. В этих обрядах и просьба о прощении у убитого людьми животного, и благодарение его за то, что позволило себя убить. Этот смысловой посыл проходит сквозной линией через все праздничное действо. Все этапы охоты на кита изображаются, в частности, эскимосами в хорде «сидячего танца», когда в движении находятся только руки и головы сидящего «хоровода». Кульминационным моментом праздника является возвращение морю костей и черепа пойманного кита, которые по поверью превратятся в новых китов.

***

Оленеводство является основным промыслом у большинства северных народов континентальной тундры. Например, даже самоназвание одного из этих народов (чукчей) означает на их языке «богатый оленями» — «чаучу». Не случайно, особо значимыми для народов тундры являются весенние оленеводческие

праздники *«Оленьих рогов» («Сбрасывания оленьих рогов», «Молодого оленя»*). Проходят эти праздники весной, во время массового отела животных. Оленихи в это время сбрасывают рога, которые выкладывают вокруг священного костра — центра праздника. Огонь для этого костра добывается по старинному обычаю трением. На праздник пастухи сгоняют к ярангам оленей. Чтобы отогнать злых духов, оленей встречают большим шумом — криками, ударами в бубны, выстрелами. На праздник съезжаются гости и из прибрежных районов, происходит обмен подарками, заезды на оленьих упряжках, пиры. Надо сказать, что это праздник перед долгой внутрисемейной разлукой, поскольку мужчины вскоре отправятся пасти молодняк на более обильные пастбища, а женщины, дети и старики останутся на зимнем стойбище, где у них тоже много хозяйственных дел по сбору трав, ягоды, дров и т.д.

***

Ысыах («опрыскивать» «окроплять») — якутский праздник кумыса, изобилия, плодородия, встречи лета, начала года в дни летнего солнцестояния. Это время — возможность встретиться всем родным, живущим в отдалении друг от друга в течение долгой зимы. Обряды этого главного праздника якутов направлены на умилостивление духов — хозяев природы, дарующих людям хороший травостой (залог успешной зимовки скота), резвых коней и благословляющих людей на процветание. Центром праздника является специально выбранное и украшенное ветками молодых берез место, где сооружается тюсюлгэ (сооружение из деревянных столбов с перекладиной) и коновязь (сэргэ) с арочными украшениями березовыми ветвями. Кумыс и масло, оладьи (белая пища) — главные символические угощения в рас-

ставленной посуде на меховом ковре. Поскольку Ысыах это кумысный праздник, то в его продолжение кумыс обильно потребляют используя большие ритуальные бокалы — чороны. Праздник открывает обычно почетный старец, затем идут обряды очищения тюсюлгэ с помощью дымокуров и окропления кумысом священного огня, трав и деревьев. Участники празднества объединяются с помощью праздничного хоровода-пляски плечом к плечу — осуохай, где аккомпанементом служат ритмичные выкрики определенных слов запевал и повторение их танцующими. В хороводе, непрерывно движущимся по направлению движения солнца, должны участвовать все, и все встречают восход солнца в канун второго праздничного дня. Праздник Ысыах — это нескончаемый пир с массовыми национальными танцами, горящими кострами, соревнованиями сказителей и спортивными состязаниями, где главным зрелищем является состязание в национальной борьбе.

***

Сурхарбан (Сурхарбаан) — праздник всех монголоязычных народов и, в частности, бурятского. Буквально слово Сурхарбан означает «состязание (стрельба) в сур», где «сур» означает кожаную мишень. Отмечается в Бурятии он в первое воскресенье июля. В основе праздника лежит древнее сказание о метком стрелке Тарбагане, решившем помочь людям и спасти их от двух новых обжигающих солнц, появившихся на небесном своде, с помощью своей меткости. Он выстрелил в светила и... промахнулся! Отчаявшийся и поверженный стыдом, он отрубил свои большие пальцы на руках и, потерявши человеческий облик, поселился под землей. С тех пор буряты во время праздника просят духов Земли не посылать им больше трех солнц.

Это легенда, а в современной Бурятии Сурхарбан стал праздником-смотром лучших стрелков из лука, борцов, наездников в ходе скачек и коней. Во всех проводимых на празднике соревнованиях свои правила и своеобразные ритуалы. К примеру, победитель в бурятской национальной борьбе должен станцевать танец орла и унести на руках заработанный приз — барана, а в честь победителя-коня на скачках читается песнь-хвала и т.д. Праздник популярен и собирает зрителей со всего света. Впечатляет гостей и знаменитый ритуальный бурятский танец-хоровод ехор, символизирующий единство бурят. Этот танец-хоровод является кульминацией праздника Сурхарбан, когда танцующие двигаются по кругу по ходу солнца и напевают слова–заклинания, может продолжаться всю ночь.

Праздники народов Кавказа

На территории российского Кавказа исторически проживает множество разных народов. Только в республике Дагестан живут аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины и др. У каждого народа своя самобытная культура, свои народные праздники. Одна из древних праздничных традиций присущая большинству народов Кавказа — весенний *Праздник Цветов*. Этот праздник не имеет конкретного времени, поскольку зависит от времени распускания первых весенних цветов в той или иной горной местности, да и цветы в разных районах могут быть разными. И в каждой местности, и у каждого народа, конечно, есть свои особенности проведения этого праздника. Однако общая канва праздника все же существует. Во-первых, это праздник молодежи, во-вторых, первый день праздника молодежь обязательно проводит на цветущих лугах, где обильно расцветают весенние

цветы характерные для их местности, в-третьих, это праздник любви. Это, по сути, был единственный день в году, когда юношам и девушкам дозволялись совместные развлечения, более того, даже возможности для встреч в другое время у молодых людей были редки. Считалось счастливой приметой объяснение в любви в это праздничное время.

По старинному обычаю, молодежь отправлялась в горы ночью, взяв с собою съестное, музыкальные инструменты, дорогу освещали факелами. Время пути рассчитывали так, чтобы к восходу солнца прийти к намеченной цели. Всю дорогу пели и веселились. На празднике был главный «распорядитель-затейник» — «шах», в роли которого выступал молодой мужчина. На цветущем лугу молодежь не только любуется распустившимися цветами, собирая букеты и украшая ими себя, но и занимается сбором первых весенних трав, используемых в пище (черемши, щавеля, крапивы). В горах молодежь продолжала веселиться, устраивая танцы и разные веселые состязания. В ходе праздника выбирается Королева цветов, голову которой украшают огромным венком. Избранную Королеву сажали на белого коня, и она открывала продолжение праздника уже в самом селе. Собранные цветы и травы отдавались старикам.

На *Праздник черешни* жители высокогорных деревень спускались в долины (в горах черешня не растет).

Праздники народов Поволжья
(мордва, марийцы, удмурты, чуваши,
татары, башкиры)

Главные праздники поволжские народы часто называю Великим или Большим днем. К таким дням относится очень древний языческий праздник *Куге-*

че. Кугече называют его марийцы, *Инячи* — мордва, *Мын кун* — чуваши. Есть праздник *Кугу кече* и у народов ханты и манси.

Кугече у народа мари по языческим традициям праздновался на четырнадцатой неделе после празднования *Шорыкйола* (декабрьской встречи Нового года). Все обряды и забавы Кугече связаны смыслово с народными мифами о зарождении земной жизни и человеческой любви. Ритуалы этого праздника (длившегося неделю) разнообразны и символичны, но особой поэтичностью отличаются обряды в форме игр и танцев для влюбленных сердец. Символическую роль (как знак любви) в молодежных играх играли платок или полотенце и танцы. Исследователь традиционной культуры народов мари Г. Е. Шкалина так описывает в своей книге замечательный обрядовый «танец ковша» («ташлама корка») во время празднования Кугече:

> «Его начинал уважаемый всеми мужчина. Приосанившись и надев на голову праздничную шапку, он брал у жреца ритуальный ковш с медовым напитком (пура) и направляясь к той женщине, с которой он хотел исполнить ташлама корка. Мужчина и женщина выпивали любовный напиток пополам, после чего партнер, не прекращая двигаться в танцевальном ритме, возвращал ковшик жрецу. С вытянутыми вперед руками они выходили в цент круга и продолжали парный танец. ...Затем танцующие вместе должны были вновь подойти к жрецу, который протягивал им два ковша с медовым квасом. Женщина должна выпить напиток с волынщиком (шӱвырзе) пополам. А мужчина — пригубить напиток и угостить им по глотку всех, кто наблюдал за танцем

и радостно аплодировал. Пустые ковши возвращались жрецам сидящим всегда на самом почетном месте за праздничным столом. Мужчина делает им низкий поклон, женщина возвращается на свое место.

Так весь вечер праздника продолжается танец любви. ...Этот танцевальный ритуал обязательно требовал одного условия: в танце любви муж и жена не могли встречаться. О чувстве ревности не могло быть и речи. Вероятнее всего, смысл описанного ритуала заключается в том, что в традиционном обществе семья не всегда создавалась по любви. ...И вот был один большой праздник в году. Большой день, который снимал всяческие ограничения, принципы, табу, разрешая любящим сердцам в искусстве танца продемонстрировать эту духовную силу публично. Это было санкционирование подлинных чувств, очень часто не поддающихся разуму, изначально искренних и справедливых...» [Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. — Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. — С.164–165].

***

Среди древних традиционных праздников встречаются и такие, которые вошли в жизнь народа совсем недавно, но приобрели широкую популярность. К таким праздникам относится и совсем молодой башкирский праздник — *Шежере-байрамы*. Этот республиканский праздник Башкортостана, имеющий историко-этнографический характер, посвящен родословной теме, а точнее истории башкирских родов и семей, сел и деревень. (*Шежере* — родословная).

Первый такой праздник был проведен в одном из башкирских сел в 1989 году. Инициативная группа по его проведению опиралась при создании замысла праздника на понимание присущей своему народу потребности хорошо знать свои родовые корни, историю своей семьи и ощущать чувство непрерывной связи со своими предками. У мусульманских народов каждый человек должен знать своих предков до седьмого колена. Шежере-байрамы сразу нашел отклик в сердцах жителей Башкирии, особенно сельчан. Достаточно быстро возникла традиция выставлять в день праздника у каждого деревенского дома стол с угощениями, а также стенд с родословной семьи в виде генеалогического древа, на котором гости, гуляющие по селу, могли найти себя, родных и знакомых. Это повод для воспоминаний, бесед, знакомств. Историки и этнографы заметили «перекличку» этого нового праздника с древним праздником башкирского народного схода «*Йыйын*», в основе которого лежали родоплеменные отношения.

***

Изучение исконных праздничных традиций народов России открывает целый мир вековой мудрости, духовности, поэзии и лучших черт характера каждого народа. Работа по изучению праздников народов России ведется непрерывно уже больше века, им посвящены многочисленные научные исследования, научно-популярные статьи, книги и фильмы ученых этнографов, культурологов, фольклористов, краеведов. Эти материалы являются важным подспорьем для специалистов сферы праздничной культуры нашей страны.

Народные праздники — хранители национального самосознания, а без его сохранения и разви-

тия невозможно и воспитание интернационализма. Й. Хейзинга утверждал, что для того, чтобы «хрупкие ростки подлинного интернационализма пошли в рост, надо поливать их живой водой собственного национального сознания — при условии, что оно чистое. ...Интернациональное чувство — здесь уже само слово подразумевает сохранение национальностей, но при котором они ладят друг с другом и не превращают разноголосия в разногласие» [93, с. 364–365]. Народные праздники — это время открытости, дружелюбия и щедрого гостеприимства. «Милости просим!» — говорят радушные хозяева праздника, открывая миру и свои двери, и свои сердца. По всей России регулярно проходят фестивали народов России, а живущие в регионах национальные диаспоры проводят любимые праздники своего народа, на которые приглашаются все желающие. На таких праздниках демонстрируется любовь народа к своей национальной культуре, а подлинная любовь это всегда созидательное чувство, она «движет солнце и светила».

Национальные праздники народов России — это огромное богатство культуры, которое необходимо не только изучать и не просто сохранять как музейную ценность, но и развивать их традиции согласно ритмам нового времени, передавая эстафету последующим поколениям.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите республики России в которых традиционно отмечают праздники Навруз и Цагаан-Сар.
2. Что служит аккомпанементом якутскому хороводу-пляске осуохай?
3. Известны ли Вам праздничные традиции какого-либо российского народа? Расскажите о них.

§ 14. Специфика социально-психологической атмосферы народных праздников

Языческие корни народных праздников уходят в древнейшую историю, тесно связаны с природой и мало согласуются с историческим временем. Подробно об этом пишет Н. А. Хренов, называя народные праздники общественными: «Они сохраняют связь скорее с фольклорным и мифологическим, нежели с историческим сознанием. Именно поэтому стихия общественных праздников — это стихия архетипов» [98, с.107]. Н. Хренов, опираясь на работы И. Снегирёва, Й. Хейзинга, В. Проппа, В. Ключевского, Н. Данилевского и др. выделяет широкие функции древних народных праздников — сохранения нравственного здоровья народа и преемственности поколений, единения существующих поколений, ценностной ориентации, восстановления жизненных сил, выполнения воспитательных и регулятивных задач, временного освобождения от тягот обыденной жизни и страха пред смертью и судьбой, высвобождения накапливаемой агрессивной энергии. «Таким образом, налицо не развлекательные, а жизнестроительные, регулятивные функции праздничной жизни, универсальные для всей традиционной культуры. Праздник — утверждение связанных с единением, порядком, космосом ценностей, он является и воссозданием жизни предков и приобщением живущих к этой жизни». То есть народные праздники сохраняют «источники жизни, подчас не включаемые в ценности, утверждаемые с помощью государственных институтов» [там же, с. 113]. Символический, духовный смысл народных праздников «ныне большинству

понятен слабо. *Есть, скорее, эмоционально-душевное предчувствие большого смысла, находящегося в прежних праздниках. Обычно это предчувствие связано с детским опытом»* утверждают авторы книги «Психология и праздник» [19, с. 54], они подчеркивают, что мир праздников — это мир детства, и что речь идет не о том, что взрослые превращаются в сентиментальных инфантилов, а о детской открытости души. Проблему растущей инфантилизации населения нашего времени очень тонко подметил режиссер П. Лунгин, в своем выступлении с телеэкрана он заметил, что в XIX веке детей старались одевать как взрослых, теперь взрослые одеваются как дети: идут мать, отец, ребенок и все в каких-то ползунках. Мол, такое время, которое находит свое отражение и в искусстве. Так вот, праздник как мир детства — это не мир инфантилизма, и не пуэрилизма (так Й. Хейзинга назвал приноравливание взрослого общества своего поведения к отроческому [93, с. 328]), это мир целомудренной духовной чистоты. «Главное, к чему открыта душа ребенка, — это духовная сторона праздника. Душа ребенка активно ищет святое, свет. Она должна питаться светом, чтобы потом, во взрослой жизни уметь отличать свет от тьмы, доброе — от злого. ...Праздник закрепляет в душе ребенка навыки и стремление видеть духовный смысл всего происходящего» [19, с. 18, 27].

У Аркадия Аверченко, в рассказе эпохи начала XX века, описывается как в далеко не мирной мещанской семье, обуреваемой драками и скандалами, во время Рождества происходят чудеса:

> «Все четверо детей Киндяковых находятся в праздничном, сосредоточенном настроении. Всех четверых праздник будто накрахмалил, и они тихонько сидят, боясь пошевелиться,

стесненные в новых платьицах и костюмчиках, начисто вымытые и причесанные». В этот день «мамин голос — как флейта», «Боже, какое изменение тона!». Пришел приятель брата, известный среди детей хулиган и обидчик малышей Коля Чебурахин — шаркает ножкой, чинно здоровается не только с матерью, но и малышами. «Взрослая женщина беседует с ним как с равным, она приглашает садиться!». «Как все это необычно!». «Поистине это Рождество делает с людьми чудеса!». «Дети «чувствуют себя немного неловко в этой *атмосфере праздничного благочиния и торжественности*». Однако при первом же срыве с хорошего тона матери, грубо набросившейся на ни в чем не повинного сына, «сразу потускнел в глазах Володи весь торжественный праздник, все созерцательно-восторженное настроение... *Остатки праздничного настроения исчезли* — его сменили обычные будничные дела и заботы» [3].

А вот как поэт Валентин Берестов описывал в стихах свои детские впечатления о ярмарке:

«Ах, ярмарка! Ряды телег
На вытоптанной травке.
Мороженого сладкий снег.
Палатки и прилавки.
Манящий писк «уйди-уйди».
Возы. Весы. Веселье.
Снимайся! В дудочку дуди!
Кати на карусели!
Простор в круженье том живом
Гаданьям, слухам, толкам.
Была торговля торжеством,

Мешался торг с восторгом.
Пел под кувалдою металл.
Стучал кузнец как дятел.
Я больше всех приобретал,
Хотя всех меньше тратил».

Ему вторит, делясь своими детскими впечатлениями о ярмарке, драматург В. Розов:

«А уж когда раз в году на площади за Мучными рядами устраивалась ярмарка, тут гулянка была особенная. Во-первых, в канун ярмарки нам с братом выдавали по полтиннику. На этот-то полтинник мы и гуляли целую неделю. Карусель, балаган, игры, маковки, заливные орешки, рожки, китайские мячики на резинки, пищалки «уйди-уйди». Балаган особенно поражал наше воображение. Ну, подумайте — человек выносил длинный шест, на конце которого была прибита дощечка-полочка, ему подавали кипящий дымящийся самовар, он ставил его на полочку, поднимая шест с кипящим самоваром вверх, ставил шест на лоб, и мы с ужасом наблюдали, как, запрокинув голову, не отрывая глаз от кипящего самовара, мужчина, пошатываясь и делая резкие рывки в сторону, балансировал всем этим сооружением. Финал же номера был совершенно захватывающим: неожиданным ударом левой руки циркач сбивал шест со лба, кипящий самовар летел с высоты и мужчина ловил его на лету за ручки. Восторг! Гром аплодисментов! Браво! Невообразимый шум. Лично мне всегда было страшно» [73].

Далее автор воспоминаний рассказывает об обилии ярмарочных игр и о выстроенной системе надувательства их участников, в число которых попадал и он сам, будучи ребенком. Казалось бы, память ребенка должна была сохранить в себе детскую обиду, но нет, поскольку ярмарочные надувательства не были злыми, а праздничными дразнилками, которые если и разоряли, то на копейку, давая взамен веселое настроение, и «несмотря на подобные неудачи, ярмарки оставляли после себя яркую и счастливую память. Мы их ждали и провожали любя».

Подобных примеров из детских воспоминаний можно привести множество, и они служат подтверждением того, что нельзя сводить потребность в празднике к потребностям утилитарного характера (в отдыхе, обильной пище, подаркам), ибо даже на детском бессознательном уровне праздник ассоциируется с радостью не материального обогащения.

Атмосфера народного праздника — это атмосфера полной свободы, диктата свободы, природной стихии, разгула, временного УПРАЗДНЕНИЯ действия всяких норм и запретов, временной остановки течения будничного времени, слияния с природой. Человек как бы воссоединялся с природой — отсюда и нарушения многочисленных табу, в том числе и полового характера, поскольку плодородие человека неотделимо от плодородия земли.

Атмосфера разгула, оргий, вакханалий народных празднеств объясняется и тем, что праздничное время возрождает архетип отношений между хаосом и космосом, где первый является питающей энергией второго [98, с. 145–146]. В атмосфере народных празднеств человечество подпитывает свою иссякшую по тем или иным причинам энергию. «Сбережение, накопление, мера — характеризует

собой ритм профанной жизни, а расточительство и неумеренность — ритм праздника, этой экзальтированно-сакральной жизни, которая словно интермедия, прерывает ход обычной жизни и сообщает ей радость и здоровье» [35, с. 238]. Вот как описывает свои впечатления о русских масленичных катаниях с горы в морозный день 1838 года финский ученый М. А. Кастрен: «множество женщин и мужчин парами в маленьких оленьих санках летят с крутой горы вниз. Все лица сияют искренней веселостью... Вот катится храбрая амазонка, сама правит санками и благополучно съезжает до самого конца горы. Ее приветствуют громкими «ура!». Вот в самую среду блестящей толпы влетают санки, набитые мальчишками в изорванных платьях, они кричат, шумят, звонят колокольчиками и бубенчиками. Гора оглашается взрывами хохота» [51, с. 133]. Веселая атмосфера масленичных катаний была столь заразительной, что другой наблюдатель подобных катаний в России XIX века описывая их «фантастический вид», признавался, что «Веселый говор, смех, грохот «кованков» (салазки) как-то раздаривали и манили на катушку», и что, несмотря на 45^0 мороз, он «соблазнился и побежал с санками к толпе» [там же, с. 133].

А. М. Панченко пишет о том, что если православный поп заботится о спасении души человека, то скоморох о его телесном благополучии, ведь смех «жизнедатель», и посему русское народное веселье «это неистовая пляска, кривляние, вообще «глум», т.е. шум скоморошьих выкриков, прибауток, песен, инструментальной музыки» [61, с. 79]. Таким образом, неумеренный разгул народных праздников — это демонстрация и источник плодородной силы жизни. В одном из романов Ремарка летний проливной дождь описан как «зеленая оргия оплодотворе-

ния — бесстыдная и целомудренная». Так же можно сказать и о «бесстыдстве», некоторых традиций народных празднеств, где бесстыдное и целомудренное переплетается в амбивалентном единстве.

Авторы книги «Психология праздника» обращают внимание и на то, что именно в праздничной культуре особенно заметно интуитивное чувство национальных корней, но «для актуализации *национальной интуиции* необходим ...*Опыт участия в праздничном действе*, передаваемом *из рук в руки* от живых носителей праздничной культуры», что «есть определенные оттенки настроений, взаимоотношений, которые особенно характерны для того или иного народа», что «исследование представлений о «настоящем празднике» позволяет увидеть эти лучшие черты этноса». Авторы утверждают, что атмосфера всех народных праздников не просто связана с глубокими национальными корнями, она открыто и радостно демонстрирует эту связь и диктует уважительное отношение к ней. Говоря об атмосфере народных праздников, в частности, русских, необходимо остановиться на теме синкретизма русской народной и православной культуры. Этой теме посвящено много работ. Так И. Р. Шафаревич обращает внимание на «поразительные параллели между рядом основных положений раннеземледельческих религий и христианства», на то, что «ритуалы календарных праздников не случайно были приурочены к определенным православным праздникам и часто в более зримой форме воплощали те же переживания», то есть традиции русских народных праздников устойчиво просуществовали много веков именно потому, что в раннеземледельческой религии содержалось ряд принципов родственных христианству, которые бессознательно ощутимы [99, с. 311–330].

Можно соглашаться или не соглашаться с автором, но многовековое соседство православных и языческих праздников не могло не оказать влияния друг на друга. Вспомним, к примеру, что традиция отпущения птиц на волю не церковная, но срослась с церковным праздником Благовещенья настолько, что в народе говорят: «Благовещенье — на волю птиц отпущенье». Точнее, говорили, поскольку традиция покупать детям на птичьем базаре птиц, чтобы они отпустили их на волю, просуществовавшая до революции 1917 года была прекращена. Сегодня эту традицию возрождает церковь, и современные россияне видят на телевизионных экранах, как православный Патриарх подбрасывает вверх голубя. Атмосфера светлого праздника весны и атмосфера тихой радости по поводу Благой вести пришедшей к Деве Марии как бы соединились. Современная церковь стала терпима ко многим традициям, пришедшим из язычества, с которыми раньше воевала. В частности к Масленице. Но если в языческих традициях прощенное масленичное воскресение — это прощание со сжигаемым чучелом Масленицы (разнузданная карнавальная атмосфера), то для церкви — это просьба о прощении (покаяние) перед началом Великого поста (атмосфера телесного и духовного смирения). И хотя Колядки стали Святками, а великий двунадесятый праздник Входа Господня в Иерусалим называют Вербным воскресеньем, не только содержание, но и атмосфера православных праздников кардинально отлична от атмосферы народных праздников с языческими истоками. Об этих отличиях и специфике атмосферы праздников православия мы поговорим в отдельном параграфе.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие регулятивные функции в жизни человека выполняют древние праздники народной культуры?
2. Какие «законы жизни» линейного времени упраздняются в ходе народных праздников?
3. Почему мир народных праздников называют миром детства?
4. Приведите известные вам примеры проявления синкретизма русских народных праздников и праздников православия
5. Что символизирует собой неумеренный разгул народных праздников?

§ 15. Специфика социально-психологической атмосферы гражданских праздников

Главная функция любого праздника — утверждение не индивидуальных, а коллективных ценностей. Подобно тому, что у народных и религиозных праздников есть Священное Время, противопоставленное мирскому времени, у гражданских праздников есть по определению Л. Абрамяна «священное национальное прошлое». В объединении людей вокруг основных общественных ценностей заинтересовано любое гражданское общество. Каждое государство имеет или законодательно установленные, или традиционно установившиеся всеобщие праздничные дни. Это не только главные государственные праздники, такие как, например, в нашей стране День России, в Швеции — День Флага, в Великобритании — День рождений Королевы, в США — День Независимости, в Китае — День образования КНДР и т.д., но и Дни побед,

и военно-патриотические, и культурно-гуманитарные, и спортивные и другие торжества. Гражданские праздники объединяют людей своего социума поддерживая общую историческую память и пробуждая общие надежды на будущую жизнь, они способствуют сближению представителей разных классов, сословий, национальностей, религиозных верований.

Для современной России, в жизни которой между социальными группами не расстояния, а пропасть в уровне доходов, а значит и в образе жизни, эта функция праздников чрезвычайно важна. Следует сказать, что гражданская иерархия в России приобрела сегодня свои специфические особенности. Эти особенности, и то насколько глубока разъединяющая социальные группы в нашей стране пропасть, ярко иллюстрирует следующая анекдотичная история:

В одном из сел идет всероссийская перепись населения. Переписчик спрашивает стоящего у калитки дома деревенского мужика:

— Ваша национальность?

— Колхозник — отвечает мужик.

— Нет такой национальности.

— Говорю, колхозник!

— Да нет же такой национальности!

Тогда мужик кричит, окликая прохожего,

— Ахмет, ты кто по национальности?

— Я? — отвечает остановившийся прохожий, — азербайджанец!

— А я кто?

— Ты? Колхозник!

Нетрудно продолжить список «новых национальностей» России — олигархи, бюджетники, пенсионеры, безработные, бомжи, бизнесмены...

Вследствие этого, значение консолидирующей роли праздников, в частности гражданских, возраста-

ет, поскольку «в обществах иерархических на празднике представляется случай для сближения и братания различных социальных классов» [35, с. 242]. Безусловно, что объединяющая праздничная атмосфера не сможет ликвидировать статус-кво социальной жизни, но она дает возможность найти точки соприкосновения духовно объединяющих столь контрастно живущих людей и этим сделать шаг навстречу понимания необходимости преодоления существующего социального разрыва в уровне жизни граждан одной страны.

Гражданские праздники в истории государств появились не сразу. В России они стали формироваться с эпохи Петра I, когда роль церкви всячески умалялась, всячески вытеснялись сакральные традиции и делалось все возможное для интенсификации процесса европеизации страны. Вместе с тем, в царской России церковь не была отделена от государства, поэтому государственные праздники (за исключением эпохи Петра I) были насквозь пронизаны культом православия. Так для автора диссертационного исследования посвященного городской праздничной культуре России XIX века О. О. Лихачёвой стало неожиданностью что та «глубина и серьезность, с которыми общество подходило к церковному осмыслению гражданских праздников, оказалась даже большей, чем можно было предполагать ... абсолютно все события праздничного календаря — от «царских дней» до языческого Семика были осмыслены богословски, стали поводом для проповеди» [45, с. 189].

Об этом же последовательно и подробно пишет в своем двухтомном труде, посвященном праздничным церемониям русской монархии, Р. С. Уортман. Он описывает религиозные церемонии, триумфы, придворные праздники, парады, коронации, народ-

ные гуляния в царской России начиная с венчания в середине XVI века на царство Ивана IV и заканчивая временем правления последнего русского царя.

Атмосферу государственно-монархических празднеств царской России, несмотря на многообразие сценарных форм, можно определить как «восторг подданства». Однако эта восторженная радость была, как писал один из первых русских стихотворцев В. Тредиаковский, «учереждениа». Написал он это в своих верноподданнических стихах, которые прочел на шутовской свадьбе 1740 года, устроенной по повелению Анны Иоанновны. С точки зрения современной нравственности это масленичное действо представляется чудовищным. На потеху публике была организована «свадьба» сошедшего с ума князя М. Голицына-Квасника с калмычкой А. Бужениновой, которых оставили на «брачную» ночь в специально сооруженном Ледяном доме, где ледяными были даже дрова. А перед этим была демонстрация всего царского величия в праздничном поезде-шествии, где за сверкающими богатством каретами шли гвардейцы в победных украшениях, а затем ехали в национальных костюмах народы империи — кто на оленях, кто на ослах, собаках, свиньях... Вот тогда-то и прочел во всеуслышание В. К. Тредиаковский стихи, в которых обращался к народам России торжествовать и радоваться:

«Торжествуйте все российские народы,
У нас идут златые годы.
Восприемем с радости полные стаканы.
Восплещем, громко и руками,
Заскачем весело ногами,
Мы, верные граждане.
Имеем мы днесь *радость учреждену*,
Повсюду славно вознесенну:

Анна над Россиею воскрылялась всею!
То-то есть прямая царица,
То-то добра императрица!
Признаем всей душою» [30, 47].

Верноподданические чувства, как и все чувства, могут иметь множество оттенков и проявлений — от униженного подобострастия до искреннего благоговения. Безусловно, что история празднеств за столетия правления в России царской монархии может представить иллюстрации самого разного характера проявлений психоэмоционального настроя общества, но всем примерам будет соответствовать утверждение, что *восторг подданства является определяющей характеристикой атмосферы государственно-монархических праздников России царской эпохи*.

Гражданские праздники обладают огромной консолидирующей силой, но эта сила проявляется только тогда, когда в орбиту праздника включается все общество, когда сформирована оптимальная социально-психологическая атмосфера, характеризуется сплоченностью вокруг общих возвышающих человека ценностей. Тогда же, когда эти ценности разнятся, возникает иная ситуация. Так в домашней библиотеке автора данного пособия хранится изданная более ста лет назад в Санкт-Петербурге «Справочная книга социалиста» с экслибрисом некого присяжного поверенного Д. А. Исаковича, хранится, главным образом, из-за подарочной рукописной надписи датированной 1906 годом. Надпись пространно-эмоциональна, принадлежит, по-видимому, последователю социалистических идей и заканчивается словами: «Праздник — на их буржуазной улице, а не нашей пролетарской. ... На память от старого друга Г.К. 28/11 906 г. Казань». Век спустя эта надпись с выра-

зительным многоточием воспринимается через призму прошедшей истории многогранно. С позиций заявленной нами темы она вызывает необходимость рассуждения о том, а возможен ли праздник в одном гражданском обществе «на одной улице», для одного класса без разрушительных последствий? Ведь атмосфера таких празднеств направлена не столько на формирование единства этого класса, сколько на формирование чувства классовой борьбы. В таких праздниках больше «против», нежели «за», больше разъединения, нежели единения, что противоречит подлинной природе праздника. Об этом же мы читаем в книге «Психология и праздник»: «При всем позитиве, который впитали в себя из прежней праздничной культуры советские праздники, был в них этот коварный негатив. В социальной психологии он определяется так: „Против кого дружим?“. Пионеры дружили против „буржуев и капиталистов“. Поэтому авторы книги рассматривают праздники советского периода как обедненные, искусственные с „побеждающей поступью линейного времени“, а не цикличного, что свойственно Настоящему Празднику» [19, с. 85, 39].

Социально-психологическая атмосфера массовых гражданских праздников более всего питается общей радостью побед, теми событиями и свершениями, которые становятся гордостью нации. В дореволюционной России, к примеру, было более десятка значимых викторианских праздников, связанных с воинскими победами своего Отечества. Однако победы могут отнюдь не только военными. Победить — это и преодолеть беду — наводнение, эпидемию, засуху, это совершить, сделать, построить нечто всеобщее значимо-важное, новое — победить на Олимпиаде, проложить новую железную дорогу, впервые полететь в космос. Не только государственные, но

и локальные, и личностные праздники гражданского общества имеют в своей основе разного масштаба победы, повод для гордости.

По сути, все подлинные праздники глубоко патриотичны, а гражданские в особенности, поскольку патриотизм в них не просто чувствуется, а открыто демонстрируется. *Открытая демонстрация чувств — свойство любой атмосферы настоящего праздника,* тогда как в обыденной жизни такая демонстрация чаще рождает ощущение ложного пафоса, высокопарной пошлости. Таким образом, гражданские праздники нужны не только для того, чтобы будить и формировать чувства национальной гордости, но и для того, чтобы дать возможность для их проявления.

В канун праздника Дня России корреспонденты алтайской краевой газеты провели опрос жителей Барнаула в возрасте 20–30 лет о понимании ими смысла предстоящего праздника. Все опрашиваемые подчеркнули идею патриотизма как основу этого праздничного дня: «У каждого народа должен быть день самоидентификации, чтобы в душе что-то шевельнулось, возникло какое-то чувство патриотизма», «Конечно, такой праздник нужен, чтобы было какое-то уважение к своей Родине», «У нас должен быть праздник такой, когда можно отожествить себя со своей страной и, может быть, чем-то погордиться своим», «Я горда, что россиянка, поэтому праздник отмечать буду», «Я считаю, что этот праздник нужно провести с семьей. Встреча с семьей лучше развивает патриотизм, чем показушное участие в демонстрациях». Статья называлась «Я свою страну люблю» [«Алтайская правда», июнь, 2009 г.].

Вместе с тем, необходимо прокомментировать вышеизложенный тезис об открытости проявлений, в частности, патриотических чувств, как неотъемле-

мом свойстве атмосферы гражданских праздников. Речь идет именно об открытости чувств, то есть подразумевается их подлинность и искренность. А подлинные высокие чувства (патриотизм это высокое чувство) требуют бережного, осторожного отношения и, прежде всего, со стороны организаторов празднеств, сценаристов и режиссеров. Кто-то очень метко сказал: «Как часто нас заставляют идти за флагом, который никто не несет». Как часто формальные, шаблонные сценарии и постановки массовых представлений и празднеств не пропитанные искренностью чувств их создателей не только не помогают оптимизации социально-психологической атмосферы массового праздника, а напротив, разрушают ее. Лучше не мешать естественному течению праздника, нежели наполнять его пустой бессодержательной высокопарностью, не только не способствующей сплочению и возвышению духовно-эмоциональной жизни общества на основе обновленных патриотических чувств, а, напротив, порождающей поколения циников.

Ощущение Родины, родного дома тесно связаны с праздничными воспоминаниями. Воспоминаниями не только о праздниках исконно народных или религиозных, как, например, у И. Шмелева в его книге «Лето Господне», но и о гражданских, светских, личностных, как в стихах В. Берестова:

«Годовщина! Опять годовщина!
Новый, в сущности, день настает,
Но былое событье — причина
Наших нынешних дум и забот.

Тут не просто листок календарный,
Но и жук над цветущим кустом
Вдруг напомнит душе благодарной
В нужный срок о событии том.

Так событья особого рода,
Что когда-то запомнил народ,
Незаметно включает природа
В свой таинственный круговорот»

Круговорот праздничных дат и вправду таинственен, поскольку в нем память человека «намного превосходящая его индивидуальную историю». О том, что человек не может жить без такой «сверхиндивидуальной памяти», пишет в своей культурологической статье Т. Касаткина. Буквально «не может жить», поскольку статья называется «О самоубийстве» [37]. В этой статье автор даже не упоминает явление праздника, говоря, прежде всего, о роли исторической памяти человека. Однако, мы считаем, что именно праздники, в том числе и гражданские являются самыми надежными хранителями той сверхиндивидуальной памяти, которая, по словам философа «не позволяет нам начинать нашу историю с нас самих», а идти «уже по протоптанной тропинке», не оказываясь «первопроходцами», и, по-нашему мнению, именно праздники нам «словно подают руки из разных времен и пространств».

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите определяющую характеристику социально-психологической атмосферы государственных праздников в монархической России?
2. Почему патриотические чувства являются неотъемлемым свойством атмосферы гражданских праздников?
3. Событиями какого характера «питается» социально-психологическая атмосфера гражданских праздников?

ГЛАВА IV

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ

§ 16. Великие праздники православия

В православии праздник понимается не как праздность и отдохновение от мирских забот, а как духовная радость — «отрадное ликование духа ради сознания великих милостей Божьих». Каждое воскресенье для православных праздник во славу Господа: «Бог тебе отделил „шесть дней“ для твоих дел и работы, а Себе оставил только один — Седьмый». Православные праздники — это дни прославления самых значительных событий христианства, чествования Господа, Богородицы и наиболее чтимых святых. Эти праздники подразделяются на великие, средние и малые. Данный параграф знакомит с великими праздниками православия.

Великими в православии называют праздник праздников — Пасху, затем, по важности, двунадесятые (т.е. двенадцать праздников) и еще пять праздников (которые мы назовем ниже).

Пасха — Светлое Христово Воскресение

В событии Воскресения Христа — основание и средоточие всего христианства. Православной церковью оно празднуется как величайший из всех христианских праздников. В католичестве же таким праздником является Рождество Христово. *Пасхальная неделя* (неделя после Пасхи) называется *Светлой, Святой седмицей*. В переводе с древне-

еврейского на русский язык слово «пасха» означает «прохождение», избавление», «пощада». Праздник под таким название отмечали древние иудеи задолго до христианских событий, но содержание его было другое. В ветхозаветной (иудейской пасхе) вспоминали освобождение своего народа от египетского плена, в Пасхе же новозаветной — воскрешение Христа на третий день после страданий и смерти. День Святой Пасхи для христиан — праздник победы спасителя над злом, жизни над грехом и смертью.

С самой зари христианства верующие проводят пасхальную ночь в храме. Сразу за пасхальной полуночницей начинается пасхальная утреня. Ее начало в самую полночь с субботы на воскресенье с крестного хода вокруг храма. Остановившись в притворе перед закрытыми дверями, как бы у входа в пещеру ко гробу Господню, народ слышит радостную весть: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ...».

С древних времен христиане поздравляют друг друга троекратным поцелуем: «Христос воскресе! — Воистину воскресе!» (в течение сорока дней верующие приветствуют друг друга этими словами) и одаривают друг друга красными пасхальными яйцами. Яйцо вообще является символом жизни, а в данном случае служит символом воскрешения Иисуса Христа, напоминанием о его пречистой крови, о радости его победы над смертью. По преданию начало этому обычаю положила Мария Магдалина, которая преподнесла императору Тиберию яйцо со словами «Христос воскрес!». Однако Тиберий сказал, что он поверит в эту новость, если белое яйцо станет красным, и, на глазах у всех, яйцо стало красным. Освященное яйцо от первого христосования является «наисвятейшим» и хранится до следующей Пасхи. Все окропленное святой водой (пасхальные яйца, куличи, пасха,

веточки вербы) — свято. Большим грехом считается неуважительное отношение ко всему, что было освещено церковью, нельзя не только выбросить, но даже не подобрать случайно оброненные крошки (к примеру, скорлупу от освященных яиц или почки вербы), их остатки следует предавать огню.

Празднество продолжается в течение всей пасхальной недели — не закрываются двери церквей, стоит радостный колокольный перезвон (звонят все, кто пожелает), православные ходят друг к другу в гости. Считается, что каждый, кто умрет в пасхальную неделю, беспрепятственно попадет в рай, каким бы грешником не был, поскольку по народному поверью в эти дни врата рая открыты и не охраняемы, а сатана в аду пошевелиться не может. На праздничном столе, кроме окрашенных яиц традиционно стоят куличи, творожная пасха. В дореволюционной России в эти дни всюду строились качели, карусели, катальные горы.

Когда же отмечают Пасху? На заре христианства шли споры о времени ее празднования. Эти споры прекратил I Вселенский собор, состоявшийся в 325 году в Никее, который постановил всем христианам праздновать Пасху в первый воскресный день после весеннего равноденствия и первого мартовского полнолуния — между 22 марта и 25 апреля (по новому стилю между 4 апреля и 8 мая). Православная церковь не перешла в феврале 1918 года на григорианский календарь, а осталась на юлианском, то есть живет по старому стилю. Иудейская и католическая пасхи иногда совпадают по времени друг с другом и с православной, но чаще православная приходится на другие дни и никогда не совпадает с иудейской пасхой. Для вычисления даты Пасхи существует специальная таб-лица и правила ее использования, однако проще вос-

пользоваться пасхалией (календарь подвижных православных праздников), которую можно приобрести в каждой церкви, и где указаны даты празднования Пасхи и других переходных праздников более чем на десятилетие вперед. Так, например, Пасха в 2020 году отмечалась 19 апреля, а в 2021 году — 2 мая.

Иногда празднование Пасхи может совпасть с другим большим, но непереходным праздником православия. Например, Пасха совпадает с праздником Благовещения. Такие дни именуются Кириопасхой (от греческого слова Кириос — Господь), то есть Господствующая Пасха, Пасха по преимуществу. Никакого предзнаменования тяжелых испытаний церковь в таком совпадении не видит, а видит в этом только «сугубую» (двойную) радость. Не подтверждает этого суеверия и история. Более того, в русской истории годы Кириопасхи отмечены спасительными событиями для нашего Отечества. В частности, Пасху встречали в день Благовещения в год Куликовской Битвы, а в победный год 1945 года Пасха совпала с празднованием Дня святого Георгия Победоносца (6 мая). Без точного знания даты проведения Пасхи ориентироваться не только в православном календаре, но и в календаре народных празднеств невозможно, о чем подробнее мы скажем несколько позже.

Следует особо остановиться на предпраздничной пасхальной неделе, которую православные называют — *Страстная неделя* — последняя неделя Великого поста. Все дни этой недели называют Страстными, Великими, Чистыми. Здесь переплелись и церковные и народные традиции. Так в Страстной (Чистый) четверг в церкви вспоминают о событиях Тайной Вечери, слушают евангельские чтения с зажженными свечами руках (этот свет прихожане стараются, не погасив, донести до дома), а в народе Чистый четверг (Великий

четверток) трактовали буквально — чистили, скребли жилище, мыли и мылись, купали и купались, готовили лечебную четверговую соль, пережигая ее с квасной гущей и т.д. По поверью, для здоровья, следовало успеть в этот день помыться рано утром («пока ворон не искупал своих детей и не замочил крыла») или омыться утренней росой, или же окунуться в реку.

Великая Страстная пятница (день распятия Христа) — день самого строгого поста и печали. В этот день церковь проводит обряд погребения Христа — вынос плащаницы и обход с нею вокруг храма. Страстная Суббота — день великой тишины — грядет Пасха.

Двунадесятые праздники

Двунадесятые праздники подразделяются на Господние и Богородичные. Все четыре Богородичных праздника непереходные, т.е. имеют постоянные даты в календаре. Из восьми Господних праздников непереходными являются пять, а три праздника имеют подвижные даты, т.е. являются переходными. Остановимся на переходных (подвижных в календаре) двунадесятых праздниках, даты которых напрямую связаны с датой Пасхального дня:

- Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье);
- Вознесение;
- Троица.

***

Вход Господень в Иерусалим (в народе *«Вербное воскресенье»*) — канун Страстной недели, отмечается в последнее воскресение перед Пасхой. В этот день Иисус Христос, подобно ветхозаветному Давиду, въехал Иерусалим на осле в сопровождении множества наро-

да (осел здесь символ кротости и миролюбия). Народ, крича Христу осанну, бросал под его ноги свои одежды и только что распустившиеся пальмовые и финиковые ветви. С тех пор, в день празднования этого события эти ветви освящаются, а поскольку в России такие деревья не растут, их роль стали выполнять ветки вербы с набухшими почками. Освященные веточки вербы хранят до следующей весны, с ними связаны многочисленные народные приметы. В вербное воскресение происходит послабление поста, в дореволюционной России проводились традиционные ярмарки.

***

Праздник *Вознесения* Господня проводится на сороковой день после Пасхи и всегда попадает на четверг. После своего воскресения из мертвых Христос пробыл на земле еще сорок дней. Затем собрал учеников на горе Елеонской, где объяснил им истинный смысл предстоящего события, сказал им, что через несколько дней они примут крещение от Святого Духа и примут его силу, с которой пойдут по всей земле проповедовать Благую Весть всем людям о вере, прощении и спасении, о чудесных знамениях, которые будут сопровождать умерших. Благословив учеников, Христос на их глазах стал возноситься в небо, пока не скрылся за облаком. Перед апостолами предстали два мужа в белой одежде, которые возвестили им, что Христос вернется на землю также как и вознесся.

***

На пятидесятый день после Пасхи произошло ранее предсказанное Христом *Сошествие Святого Духа* на апостолов, этот день называют также *Троицей (Пятидесятницей)*. Троица — означает тройственность Бога (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой) — «нераз-

дельно и неслиянно»), которая проявила себя в этот воскресный день, когда апостолы, вернувшись с Елеонской горы, молились в горнице с несколькими женщинами и матерью Христа. Внезапно раздался, подобный сильному ветру, шум с неба, наполнивший весь дом, и на апостолов сошли как бы огненные разделяющиеся языки пламени. Апостолы сразу исполнились Духом Святым и заговорили на неведомых им доселе языках. На шум сбежался народ, среди которого были разноязычные люди из дальних краев, они были крайне удивлены, услышав из уст апостолов родную речь. Некоторые, кто не понял иноземных речей, усмехаясь, говорили о том, что апостолы попросту пьяны. Сошествие Святого Духа необычайно укрепило апостолов, дало им силу для распространения святого Евангелия по всему миру. Этот день стал считаться днем рождения Новозаветной церкви. В День Святой Троицы на Руси, по обычаю, церкви и дома верующих украшаются зелеными ветками деревьев, цветами и травами, что, с одной стороны, символизирует евангельское обновление жизни, ее бесконечность, а с другой перекликается с русской народной русальной-семицкой обрядностью — зелеными весенними святками в честь ежегодного возрождения природы. Понедельник после Троицы — праздник в честь Святого Духа.

***

К непереходным (имеющим постоянную дату в календаре) двунадесятым праздникам православия относятся следующие праздники, посвященные Христу:

- Рождество — 7 января;
- Крещение– 19 января;
- Сретение — 15 февраля;
- Преображение — 19 августа;
- Воздвижение — 27 сентября.

Рождество Христово — праздник рождения Сына Божьего, посланного Богом Отцом для спасения развращенного земного мира. Иисус родился в семье жителей города Назарета — праведного Иосифа и святой Марии в их родном городе Вифлееме, куда они направились во время переписи жителей Римской империи. Родился будущий спаситель мира в пещере для пастухов, и первой колыбелью для него стали ясли для скота. По призыву ангела, ведомые светом новой небесной звезды, поклониться младенцу пришли с дарами языческие мудрецы (волхвы). Рождественская звезда стала символом праздника.

На Рождество были распространены вертепные представления («вертеп» — пещера). Это были представления на евангельские сюжеты, связанные с рождением Христа, с помощью кукол-марионеток, расположенных в специальном небольшом ящике. С Рождества начинались зимние Святки и продолжались до самого Крещения. Дни накануне Крещения и Рождества назывались сочельниками (от слова «сочиво» — постная каша, изначально сушенные хлебные зерна, размоченные в воде). В сочельник соблюдался строгий пост. В рождественский сочельник знаком для разговения служило появление на вечернем небе первой звезды, но устав церкви предписывает пост до окончания утренней рождественской службы. Рождество изначально было приурочено к времени зимнего солнцестояния.

Если в православии Рождество является вторым по значимости великим праздником после Пасхи, то в католическом мире Рождество является главным праздником, и отмечается он по григорианскому календарю — 25 декабря. Первые рождественские елки, как предполагают христиане, появились в Германии VIII века после того, как боровшийся с верова-

нием язычников-друидов святой Бонифаций срубил главный дуб, которому поклонялись идолопоклонники. Во время падения этого дуба произошли разные знамения, в том числе и появление на месте дуба зеленой елочки (версий ее появлений несколько). Увидевший елочку Бонифаций нарек ее деревом Христа. Традиции украшения елки складывались постепенно (традиция украшать деревья имеет языческие корни), каждому украшению придавали евангельский смысл, а на вершине ели устанавливали восьмиконечную звезду — символ Вифлеемской. В городской среде России использование новогодней елки приобрело популярность только в конце первой половины XIX века, тогда как в селах дореволюционной России такой традиции практически не существовало.

***

Сретение Господне — праздник встречи Ветхого и Нового завета («сретение» — встреча), исполнение в Иисусе древних мессианских чаяний. В этот день Богоматерь принесла младенца в храм, где его увидели и узнали в нем будущего Спасителя старец Симеон и пророчица Анна. Песнь Симеона Богоприимца (которому было предсказание от Святого Духа, что он не умрет до этой знаменательной встречи) «Ныне отпущаеши...» вошла в православное богослуженье этого праздника и приобрела символическое значение, стала фразеологизмом, используемом в момент, когда свершилось нечто долгожданное, после чего можно вздохнуть спокойно, отдохнуть и т.п.

Много народных примет и обычаев связано с праздником Сретения. Главной приметой является то, что в этот день встречаются зима и весна, и какова будет погода, такой быть и весне.

***

Крещение Господне (Богоявление) — в основе праздника лежит евангельский сюжет о том, как на тридцатом году земной жизни Христос пришел на реку Иордан и принял крещение от Иоанна Предтечи. Когда Христос выходил из воды, небо отверзлось, и на Христа сошел Святой Дух в обличии голубя, и раздался глас: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение!». Этот эпизод запечатлен на известной картине русского художника XIX века Александра Иванова «Явление Христа народу» («Явление Мессии» — 1857 г).

Воды Крещения по христианской вере омывают не только тело человека, но и всю его сущность, поскольку акт крещения является залогом внутреннего преображения личности. Святая (освященная в ходе церковной службы) крещенская вода может не портиться годами, к ней и относятся бережно, свято — пьют с верой и молитвой, окропляют ею жилище.

В крещенские морозы на Руси прорубают в водоемах прорубь (Иордань), священники освящают воду с помощью молитв и креста, и в освященную воду опускаются смельчаки. Однако надо заметить, что купание в крещенской проруби — это чисто народный обычай, не относящийся к церковным обрядам. Церковь идет навстречу народу, поскольку эта традиция часто выступает как символ желания засвидетельствовать свою веру.

***

Преображение Господне — по евангельскому сказанию Иисус молился на горе Фавор со своими учениками — Петром, Иаковым и Иоанном. Во время моления лицо Иисуса преобразилось, просияло как Солнце, одежда стала белой и блистающей, а из обла-

ка раздался глас Божий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте». Так Христос явил ученикам свою божественную силу, укрепил их веру. Праздник Преображения совпадает со Вторым (яблочным) Спасом. С этого дня на Руси начинали есть плоды нового урожая, в частности, яблоки. Их освящали в церкви, раздавали прихожанам, нищим, посылали на дом больным. Съесть яблочко до этого Спаса было большим грехом: «Умершему дитя в раю яблочка не достанется», «Пришел Спас — всему час».

На Руси *три августовских Спаса:*

Первый Спас (Медовый, 14 августа) — Спас на воде;

Второй Спас (Яблочный, 19 августа) — Спас на горе;

Третий Спас (Ореховый, Хлебный, Полотняный — 29 августа) — Спас на полотне.

С каждым из Спасов связаны свои народные традиции и приметы, которые тесно переплетены со значением этих дней в церковном православном календаре. Считалось, что в дни Спасов легче замаливать грехи: «Первый Спас бабьи грехи замаливает», «На Спаса в Иордани купаться — незамоленные грехи прощаются».

***

Воздвижение Честного Креста Господня — праздник установлен в память об обретении в IV веке Святого Креста, на котором был распят Иисус Христос. Крест был найден после долгих поисков матерью римского императора царицей Еленой. Найдено было три креста, ведь рядом с Иисусом на Голгофе было распято два человека. Чтобы определить крест, на котором был распят Спаситель, кресты поочередно возложили на умершего, и, когда на него поло-

жили третий крест, умерший воскрес. На месте найденного креста был сооружен храм. Благоговейное отношение к Кресту Господню знаменуется строгим постом в этот день.

К великим двунадесятым праздникам относятся и четыре праздника в честь Богородицы, они все имеют постоянную дату, то есть являются непереходными:

- Рождество Богородицы — 21 сентября;
- Введение — 4 декабря;
- Благовещение — 7 апреля;
- Успение — 28 августа.

***

Рождество Пресвятой Богородицы — праздник в честь рождения Девы Марии. Об этом событии говорит священное предание. Мария была единственным ребенком в семье праведных Иоакима и Анны, имя дочери им было названо ангелом, предвозвестившим ее рождение. Этот день почитаем на Руси еще и потому, что именно в этот день 21 сентября 1380 года была одержана знаменитая победа русских воинов в Куликовской битве.

Неделя перед Рождеством Богородицы — в народе называется неделей Бабьего лета. Время, когда осенняя природа внезапно расцветает летними красками, есть и у других народов. В Северной Америке его называют «летом индейцев», в Италии и Франции это «лето Святого Мартина», в Германии — «лето бабушек», в Болгарии — «цыганское лето», в Чехии — «паутинное лето».

***

Введение во храм Пресвятой Девы Марии — праздник посвящен важному событию христианской

веры — вступлению трехлетней Марии (будущей матери Иисуса) в иерусалимский храм, куда она была отдана родителями на воспитание. Достигнув совершеннолетия, Мария дала обет остаться девственницей навсегда, тогда ее обручили с шестидесятилетним старцем, праведным Иосифом, жителем Назарета.

***

Благовещение Пресвятой Богородицы — в основе праздника лежит евангельское сказание о том, как архангел Гавриил сообщил Деве Марии Благую Весть о грядущем рождении у нее божественного младенца, который будет зачат от Святого Духа, и имя ему будет Иисус. К празднику относились свято: «На Благовещение и на Пасху грешников в аду не мучают», «На Благовещение птица гнездышко не вьет, девка косу не плетет». В праздник по старинному русскому обычаю отпускали птиц на волю: «Благовещение — на волю птиц отпущенье».

***

Успение Пресвятой Богородицы — день памяти в честь завершения земного пути Божьей Матери. По святому преданию Богородица пережила своего сына на десять лет. Была погребена апостолами (кроме Фомы). Фома, прибывший на третий день и пожелавший видеть Ее тело, увидел в открытом гробе лишь погребальные пелены.

Успение — это окончание жатвы и канун Третьего Спаса (хлебного, орехового, холщового — на полотне) или же по церковному календарю — Нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа.

***

К великим праздникам православная церковь также относит:

Обрезание Господне (14 января), Покров Богородицы (14 октября), Рождество Иоанна Крестителя (7 июля), День усекновения Главы Иоанна Крестителя (11 сентября), День Петра и Павла (12 июля).

Православные посты

Посты в православии бывают однодневные и многодневные. И хотя на время постов верующие отказываются от скоромной пищи (мясо, молочные продукты, яйца) и рыбы, посты вовсе не близки современному понятию диеты, поскольку их целью является оздоровление, прежде всего духа человека, а не его плоти. Православные святые говорили: «Сколько отнимешь у тела, столько придашь силы душе», «Пост тела — пища для души», «Чревоугодие — мать любодеяния». Они же предостерегали: «Берегитесь измерять пост простым воздержанием от пищи. Те, кто воздерживается от пищи, а ведет себя неподобающе, уподобляются дияволу, который хотя ничего не ест, однако ж не перестает грешить» (Василий Великий).

В дни главных православных постов читаются особые молитвы, одна из них принадлежит святому Ефрему Сирину. Этой молитве посвятил свои стихи А.С. Пушкин, в которых поэт говорит о том, что из всех божественных молитв его наиболее умиляет:

«...та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,

Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».

Предписания к воздержанию в пище в церковном календаре бывают строгие и менее строгие. Есть дни, когда предписано есть пищу без растительного масла, дни сухоядения, дни, когда дозволительно есть рыбу и т.д. Из 365 годовых дней у православных около 200 постных дней.

Пищевой режим поста помогает держать свою греховную человеческую природу в узде, когда большим грехом считается «не то, что вошло в уста, а что вышло из уст», то есть слова и действия неугодные Богу.

Главных постов в православии четыре:

1. Великий (семь недель до Пасхи, сразу после Масленицы)
2. Рождественский (с 28 ноября до Рождества)
3. Петровский (через неделю после Троицы до Петрова дня –12 июля)
4. Успенский (с 14 августа до Успения)

В народе Рождественский пост называли холодным, Петровский голодным, а Успенский — лакомкой.

Пост соблюдается верующими и еженедельно по средам и пятницам, за исключением дней святок, масленицы, святых недель после Пасхи и Троицы. Есть еще перечень особых дней в православном календаре, когда предписан пост. Например, в День усекновения главы Иоанна Предтечи, Воздвижения, сочельников.

Поминальные дни православия

Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...
А. С. Пушкин

Память об ушедших — важнейшая часть народной и православной культуры. Традиционно в определенные дни, люди устраивали застолья (тризны, поминки) по усопшим. И по сей день в России народ идет в пасхальные дни и на Троицу на кладбища, где поминают ушедших из земной жизни, оставляя на их могилках съестные угощения. Однако православная церковь осуждает эти проявления язычества, считая их пагубными, поскольку душа ушедшего из земной жизни человека не нуждается ни в еде, ни в питье, а лишь в молитвах. Особо значимыми признаются и милостыни на помин души. Иногда подавая милостыню, просят помолиться за усопшего, но и потаенная милостыня (сделанная так, чтобы никто не узнал имя совершившего ее) имеет не меньшую силу, поскольку такая милость заменяет молитву. В церквях по усопшим проводят панихиды, молебны в разные дни, поскольку смерть приходит без расписания, но есть особые дни поминовения всех усопших.

К общеизвестным дням поминовения относится поминки сразу после смерти человека на третий, девятый и сороковой день. По преданию до третьего дня после своей смерти душа человека находится на земле и ходит где хочет сопровождаемая ангелами, до девятого дня ангелы показывают ей рай, а до сороко-

вого — ад. После чего — суд Божий, и душа отправляется в вечность — ад или рай, что заслужила.

Один из главных значимых древних поминальных дней нашего народа — Радуница, Радоница, чаще называемый родительским вторником. Версии значения слова: 1. «Род» — предки; 2. «Радость» — радость просветленного воскресения. Это вторник Фоминой недели, следующей вслед за Святой пасхальной неделей, его еще называют «Пасхой для умерших», поскольку, по народному убеждению живые в этот день «христосуются» с душами усопших; приходя на могилы и приводя их в порядок, приносят цветы и молятся в храмах. Радуница очень значимый день народного календаря, где церковные законы так и не смогли преодолеть языческие традиции: «На Радуницу утром пашут, днем плачут, а вечером скачут», старославянские тризны на кладбищах, оставление на могилах пищевых остатков «птичкам Божьим».

Кроме того есть пять Великих поминальных суббот. Четыре из них связаны со временем Масленицы, Великого поста и Троицы:

1. *Суббота мясопустная (на мясопустной седмице в канун Масленицы)*
2. *Суббота второй седмицы Великого поста*
3. *Суббота третьей седмицы Великого поста*
4. *Суббота в канун Троицы*

Старинным днем поминовения в православном календаре является также *Димитриевская суббота* — это суббота перед первым воскресеньем ноября (Дмитриевским днем). Дмитриевская суббота установлена со времен Куликовской битвы 1380 года Сергием Радонежским и Дмитрием Донским как День памяти о погибших за Отечество на поле брани.

По традиции поминальных трапез на Руси начинаются с употребления кутьи — постного блюда из об-

варенных цельных зерен пшеницы (риса, чечевицы, ячменя), приправленного медом, сухофруктами, изюмом. В основе кутьи, которая символизирует то, что умерший человек воскреснет при трубе архангела подобно зерну, которое с виду мертвое, может восстать к жизни, если его бросят в землю.

В данном параграфе, рассматривая традиции и праздники православия, мы сделали акцент на их обрядовую сторону, исходя из целей и задач изучаемой нами дисциплины, но следует помнить, что для верующих православных людей главной составляющей всех праздников, постов и поминок являются вовсе не сопутствующие им обряды, а тот духовно-содержательный смысл, который в них заключен.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите главный праздник православия. Откуда произошло его название и как исчисляется его дата?
2. Что вы знаете о Страстной неделе Великого поста?
3. Даты каких двунадесятых праздников тесно связаны с датой проведения Пасхи? С какими событиями христианской веры они связаны?
4. Назовите непереходные двунадесятые праздники православия. В чем заключается их евангельский смысл?
5. Какая древнерусская народная традиция тесно связана с праздником Благовещения?
6. Какие дни особого поминовения усопших в православии вам известны?
7. Перечислите главные посты православия. Какой смысл вкладывает православная церковь в соблюдение постов?

§ 17. Главные праздники ислама

Ислам является второй религией по численности исповедующих ее и в мире, и в нашей стране. Большинство российских мусульман проживают на территории Татарстана, Башкортостана, Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи. Ислам является основной религией крымских татар, его исповедует часть осетин и т.д. Мусульмане (в дореволюционной России их называли магометане), конечно же, живут и по всей России. Веками многочисленные российские народы разных вероисповеданий жили в мире, согласии и уважении к духовной и бытовой культуре друг друга. Наши предки умели беречь религиозные чувства иноверцев, знали их основные обычаи, понимали, какое поведение или угощение может оказаться неуместным, обидеть или даже оскорбить соседа другого вероисповедания. Задача новых поколений россиян, не растерять ценность таких отношений и передать их следующим поколениям. К сожалению, долгие годы насаждаемого атеизма привели к тому, что большинство людей имеет весьма смутное представление даже о той религии, которую исповедовали их предки, не говоря уж об иных верованиях. В данном параграфе мы попытаемся в общих чертах изложить основное содержание праздничных традиций ислама.

Ислам (*с арабск.* — «покорность») возник намного позднее других основных мировых религий, его эра берет начало с первой половины VII века после Рождества Христова. Вместе с христианством и иудаизмом ислам относится к так называемым «авраамическим религиям». Преемственность от иудаизма и христианства к исламу объясняется этнической и духовной

близостью народов, внутри которых зародились эти религии. В частности и евреи, и арабы, произошли от одного праотца Авраама (Ибрагима). Евреи ведут род от его сына Исаака (Ицхака), а арабы от Измаила (Исмаила). Пророк Моисей для мусульман — Муса, Иисус Христос — Иса, также почитаемый как пророк.

По преданию, мать Исмаила по имени Агарь, изгнанная из дома Авраама отправилась в Аравию. Мучимая жаждой она положила младенца Исмаила на землю между двумя холмами, он ударил ножкой, из земли забил водный источник *Зам-Зам (Зям-Зям)*, который ныне считается в исламе священным. Выросший Исмаил впоследствии восстановил в этом месте древний храм Кааба, по сказанию явившимся первым сооружением созданным людьми во имя Бога. В один из углов Каабы вмонтирован Черный камень (главная святыня ислама), который согласно преданию окаменел и почернел от поцелуев грешников. В день страшного суда камень вновь станет белым. Во время паломничества в Мекку (хадж, который должен совершить каждый мусульманин), где находится Кааба (сейчас он расположен в центре огромного двора мечети), вокруг этого священного сооружения из черного гранита совершается обряд таваф (ритуальный семикратный обход). Кааба служит ориентиром, к которому обращают свое лицо мусульмане всего мира во время своих молитв. Паломники также семь раз пробегают между холмами у священного источника и совершают омовение.

Хадж в Мекку приурочивается к празднованию Курбан-байрама (праздник жертвоприношения). Этот праздник отмечается на семидесятый день после окончания поста. В основе праздника Курбан-байрам лежит библейский сюжет о спасении Богом принесен-

ного ему в жертву сына Авраама. У христиан в жертву богу Авраам отдавал Исаака, у мусульман — Исмаила.

Пост в Священный месяц Рамадан, должны соблюдать все мусульмане, кроме беременных и кормящих женщин, больных, путников и сражающихся воинов. Если же по каким-либо иным причинам пост не соблюдался, то его нарушитель должен был или кормить одного бедняка в течение месяца, или же накормить один раз тридцать бедняков, а пост перенести на другое время. В продолжение месяца мусульмане не могут пить и есть в световой период каждого дня до захода солнца. Но и после захода солнца (когда глаз не может отличить черную нитку от белой) еда и питье должны быть умеренными. В ходе поста отмечается *Ночь Предопределения (Ночь Могущества)* праздник в честь передачи Аллахом текста Корана Джабраилу, который постепенно был передан пророку Мухаммеду. В этот день по мусульманской вере решается судьба каждого единоверца на год вперед.

Заканчивается пост праздником разговения — *Ураза-байрам*. Ураза-байрам продолжается три-четыре дня. Мусульмане приносят в жертву баранов и верблюдов, которые, согласно вере, после смерти перенесут их в рай через пропасть. В эти дни не должно остаться ни одного голодного. В жертву приносят и деньги. Верующие посещают родственников и друзей, могилы предков, проявляют миролюбие к врагам и недругам. Дозволенные продукты в исламе относят к халяльной пище, а запретную еду называют харам. Самые известные пищевые запреты в культуре мусульман — это свинина и спиртные напитки. При употреблении мяса должны быть соблюдены определенные правила забоя животных.

Большими праздниками в исламе являются и *День рождения пророка Мухаммеда* и Ночь возне-

сения его небо — *Раджаб-байрам.* По преданию, за один земной миг Мухаммед успел вознестись на небо на своем коне-кентавре по имени Бурак, встретиться и побеседовать сначала с Авраамом (Ибрагимом), Моисеем (Мусой), и Иисусом (Исой), а затем и с Аллахом. Бурак, взлетая, задел копытом кувшин с молоком, но когда Мухаммед возвратился с неба, ни одна капля молока не успела пролиться на землю. То место, где приземлившийся Бурак оставил вмятину на камне, является для мусульман святым.

Большой праздник *(той)* собирает мусульман после традиционного обряда обрезания у мальчиков.

Календарь мусульманской религии включает и другие значимые праздничные события, не упомянутые в нашем кратком изложении.

У мусульманских народов много праздников, которые напрямую не связаны с религией — новогодний Наурыз (Навруз), праздник первой борозды Сабантуй и т.д. Об этих и других празднествах рассказывается в параграфе посвященном праздникам народов России.

Контрольные вопросы

1. Какие праздники ислама связаны по времени с постом в месяц Рамадан?
2. К какому празднику мусульмане приурочивают паломничество в Мекку?
3. О каких праздничных традициях мусульман вы можете рассказать?

§ 18. Специфика социально-психологической атмосферы православных праздников

Двадцать первый век в России — эпоха религиозного подъема. Одна из причин такого подъема — возникший вакуум духовности, хаос сознания, разрушение ощущения целостности народа его разобщенность. Православная же вера и, в частности, православные праздники, православные обряды сыграли важнейшую роль сплочения нашего народа на разных этапах российской истории. Единая вера с общими для всех молитвами и обрядами, объединяла и сохраняла наших предков в трудные годы испытаний — во времена монгольского ига, в Смутное время. И даже в годы тотальной атеистической пропаганды с началом Великой Отечественной войны, советский вождь начал свое обращение к народу так, как обращается православный к православным: «Братья и сестры!».

Общепринято считать, что воинствующее безбожие пришло в Россию вместе с Октябрьской революцией, однако это не совсем верно, поскольку мода на атеизм возникла еще в дореволюционную эпоху. С этим согласен ученый и публицист В. Пастухов, видящий одинаковую опасность как в воинствующем безбожии так и в религиозным мракобесии. Он выступает против насильственного насаждения веры, поскольку вера «утверждаемая насильно, не может быть искренней. В ней не будет главного, что нужно сегодня для спасения страны,— надежды и любви» и что православным россиянам претит даже осмысление веры, а не то, что ее переосмысление [63]. Последнее утверждение имеет прямое отношение к пониманию особенностей социально-психологической атмосферы

православных праздников. К примеру, остановимся на нововведениях патриарха Кирилла, который для привлечения молодежи в церковь решил привлечь современных рок-певцов исповедующих православие. Глубоко верующим православным людям эти попытки кажутся нарушением целомудрия церковной жизни, вековых ее канонов, всего ее духовного строя. *Атмосфера церковных праздничных служб не менялась веками, тысячелетиями и в этой незыблемости церковная мощь и сила.*

Церковные праздничные службы, как и любые праздники, художественно оформлены. «Без художественного языка религия исчезнет, останется теология» — говорил М. С. Каган. П. А. Флоренский называл недомыслием попытки отрыва одной из сторон церковного искусства от целостного организма храмового действа, который не переносит «ожог» электрического света, уничтожающего психическую восприимчивость и который наполнен «непрестанно движущейся атмосферою материализованной, атмосферой *видимой* взору». Флоренский напоминает «о пластике и ритме движений священнослужащих, например, при каждении, об игре и переливах складок драгоценных тканей, о благовониях, об особых огненных провеиваниях атмосферы, ионизированной тысячами горящих огней ... что синтез храмового действа ... вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию — поэзию всех видов, сам являясь в плоскости эстетики — музыкальною драмой. Тут все подчинено единой цели, верховному эффекту кафарсиса этой музыкальной драмы, и поэтому *все*, соподчиненное тут друг другу, не существует или по крайней мере ложно существует взятое порознь» [89, с. 515–517].

Выдающийся социолог Питирим Сорокин обратил внимание на особое значение художественного оформления церковных ритуалов в жизни жителей сельской России:

> «Русская православная религия с ее впечатляющими ритуалами, церковной музыкой, красочными шествиями, мудрыми таинствами, была важной составной частью эстетической жизни крестьян. Сельская церковь служила им и театром, и концертным залом. В ней они активно участвовали в постановке бессмертной литургической трагедии божественного сотворения мира, в драме торжественного отпевания покойника, в радостных церемониях крещения или венчания, в таинствах исповеди, причастия, отпущения грехов, в праздничных шествиях, вроде пасхального Крестного хода. В церкви они наслаждались волнующей музыкой, слушали возвышенные стихи, читаемые нараспев молящимися, и участвовали в других культовых действиях. Так или иначе, церковь и религия играли важную роль в жизни крестьян, не меньшую, чем любой самый лучший театр в жизни горожан» [80].

Несмотря на то, что это оформление традиционно-консервативно, оно вечно ново, поскольку всякий раз верующие люди заново переживают и приобщаются к тем событиям, которые связаны с историей христианства. Выполнение строгих канонов способствует рождению атмосферы причастности к высокой духовности, к святыням, к Богу, к Вечности. Отклонение же от канонов равняется святотатству. Так атмосфере православных праздников всегда свойственны «благочинная пластика — молитвенное предстояние, истовые

поклоны, торжественные процессии вроде крестного хода, это благолепные и благообразные звуки — монодия, основанная на «стройном» осмогласии, псалмодический речитатив» [61, с. 79]. *Таким образом, если для создания праздничной атмосферы на нерелигиозных праздниках важны и необходимы творческие подходы к традициям, импровизационные моменты, то для сохранения неповторимой атмосферы православных праздников важно не нарушить каноны вековых обрядов.*

Однако следует иметь ввиду, что атмосфера православных праздников включает в себя не только атмосферу церковных служб, но и атмосферу этих дней в мирской жизни за пределами церковных храмов. Исторические перемены в характере мирской жизни не могут не оказывать влияние на праздничную атмосферу в целом. Это утверждение касается не только времени исторических катаклизмов и переломов. Так еще в эпоху начала двадцатого века поэт Игорь Северянин чутко уловил изменения в пасхальной атмосфере предреволюционного Петербурга:

«Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православную русскою верой.

Пахло солнцем, оконною краской,
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселою Пасхой,
Что вокруг колокольно гудела...

Из-за вымытых к празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался восторгом объятый.
Было сладко для чрева и духа,
Юность мчалась цветы приколовши...

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность...

Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!»

Если обычно праздники представляют как дни торжества, радости и веселья, то православные праздники, являясь торжественными, светлыми и радостными, абсолютно лишены смехового начала. Уныние и вне праздничных дней является для христиан грехом, а вот смех ассоциируется с бесовством. В понимании православных верующих смех вовсе не является антиподом тяжкого греха уныния и проявлением светлой радости, напротив, хохот, в их представлении, ассоциируется с реакцией дьявола на муки грешников в аду. *Атмосфера буйного веселья, свойственная народным праздникам, абсолютно чужда праздникам православия.* Удивительно, но Христос, носитель и проповедник света и радости никогда не смеялся и этому есть объяснение. Так Н. А. Хренов, ссылаясь на С. Аверинцева, подчеркивает, что исходной точкой и условием смеха является несвобода, а Христос обладал полнотой свободы. «В ситуации абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен» [96, с. 379]. Об этом же мы читаем и у Д. С. Лихачёва, который пишет о том, что смеховой мир Древней Руси был противопоставлен не просто обычному миру, а идеальному миру [43, с. 19]. Не случайно, борясь с противниками своих реформ, и в частности с церковью, Петр I взял на вооружение смех — шутовские свадьбы, венчания, маскарады. Однако это не был амбивалентный смех

народных гуляний, напротив, атмосфера петровских увеселений была также далека от атмосферы народных празднеств, как и от православных, поскольку эти увеселения открыто демонстрировали пренебрежение и к тем и к другим традициям.

Атмосфера православных праздников отлична от атмосферы праздников других христианских церквей. Сравнительная характеристика этого отличия может стать темой отдельного исследования. Однако одно из отличий выпукло проявляется при анализе главных праздников православия и католицизма. Как известно, у католиков это Рождество Господне, а у православных Пасха. Рождение Христа в образе человека — это приближение Бога к земному, а пасхальное Воскресение Христа — это победа над земной смертью и земными грехами, это врата в Царство Божие. Подобное сравнение в той или иной интерпретации звучит в многочисленной богословской и мирской литературе. С позиций нашего исследования любопытен комментарий к этой теме русского композитора Георгия Свиридова, который полагает, что если *католическая музыка* «вся в движении», что в ней звучат активность, воля, борьба, власть над миром, *рациональность*, то *православная* — «статична, все внутри, в душе», что главный ее инструмент дан Богом — человеческий голос (хор), в звучании которого «*восторг мира*», *иррациональность* [76].

Религиозные люди, в частности православные, тонко чувствуют характерные особенности каждого церковного праздника. Так П. А. Флоренский в Богоявленской службе чувствует дух воды, пронизывающий весь мир и организм человека, в Субботу Страстной недели слышит чувства Земли, в Троицу — «ласкающие веяния» воздушной стихии, а в Преображение служба «такой светоносности, таких потоков расплавленного

золота, такого уплотнения световой материи, что когда, готовясь ночью к службе, читаешь в тишине канон Преображению, то невольно жмурятся глаза, как от расплавленной платины, и, кажется — вот сейчас ослепнешь от нестерпимого блеска» [19, с. 46].

> «Всякий церковный праздник, всякое Время литургии представляют собой воспроизведение в настоящем какого-либо священного события, происходившего в мифическом прошлом, „в начале". Религиозное участие в каком-либо празднике предполагает выход из „обычной" временной протяженности для восстановления мифического времени, выведенного в настоящее самим праздником. Таким образом, Священное Время может быть возвращено и повторено бесчисленное множество раз. С некоторой точки зрения о нем можно сказать, что оно не „течет", что оно не составляет необратимой „протяженности"» [107, с. 48].

То есть, церковный прихожанин может всякий раз включаться в священные события, переживая их вновь и вновь. Ничто не должно мешать прихожанам погружаться в эту атмосферу Вечного Времени, и они не должны отвлекать окружающих ни нескромными нарядами, ни оголенными частями тела. В старину мужчины в знак того, что они отделяют духовное от телесного, посещая церковь, обязательно подпоясывались. Отсюда пошло осуждающее слово «распоясался!».

В начале нашего исследования мы говорили, что понятие «социально-психологическая атмосфера» можно заменить словосочетанием «духовная атмосфера», наиболее точно это словосочетание подходит к характеристике атмосферы церковных праздников,

только писать нужно его с большой буквы — Духовная атмосфера.

Контрольные вопросы

1. Почему для православных христиан является недопустимым нарушения многовековых канонов церковных ритуалов?
2. Какое значение имеет в церемониях церковных служб их «художественное оформление»?
3. Почему атмосфера буйного веселья чужда праздникам православия?

ГЛАВА V

ПРАЗДНИКИ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

§ 19. Театрализованные празднества Великой французской революции XVIII века

Говоря о праздниках Французской революции XVIII века (1789–1799 гг.) нельзя не провести параллели с праздниками революции в России XX века. Обе революции декларировали «свободу, равенство и братство». И в праздниках Великого Октября и в праздниках эпохи Робеспьера одно и тоже стремление «охватить массы», одна и та же утопическая вера во всеобщее единение, в возможность превратить всю жизнь в праздник. «В условиях свободы,— согласно идее Жан-Жака Руссо,— где не соберется толпа, всюду царит радость жизни. Воткните среди людной площади украшенный цветами шест, соберите вокруг него народ — вот вам и празднество. Или еще лучше: вовлекать зрителей в зрелище; сделайте их самих актерами, устройте так, чтобы каждый узнавал себя и других, и чтобы все сплотились от этого тесней».

Спонтанные, веселые и свободные праздники во времена французской революции были, но только на первом ее этапе в *до республиканский период*, сразу после взятия Бастилии. Среди них *День Знамен* (27 декабря 1789 года) и *Праздник Федерации* (14–18 июля 1790 года) к годовщине взятия Бастилии. Эти

праздники строились не по предусмотренному во всех деталях плану, а спонтанно, импровизационно, по вдохновению. В то же время эта импровизация была направлена в единое выразительное русло мастерами организаторами этих празднеств. Например, были определены основные точки проведения Праздника Федерации — развалины Бастилии и Марсово поле. На тюремных развалинах была огромная надпись «Здесь танцуют!», а на Марсовом поле был специально сооружен Алтарь Отечества, который превосходил по высоте триумфальную арку. На развалинах Бастилии действительно состоялся многолюдный бал, а к Алтарю Отечества понесли свои дары представители всех департаментов Франции. Но прежде этот Алтарь нужно было построить, а вокруг него соорудить площадки для хоров и оркестров, трибуны для членов законодательного собрания, зрительские места — на это строительство собрался весь Париж. Сама подготовка к празднику уже стала праздником для тех добровольцев, которые приняли участие в строительстве, распевая при этом революционные песни под аккомпанемент странствующего оркестра:

«Вознесшегося низвергнем,
Падшего вознесем.
Да будет так! Да будет так!

Дадим укорот гигантам,
Униженных сделаем грандами,
Все одного роста,
Это же счастье просто».

Праздник начался с того, что к Алтарю Отечества, на котором были начертаны слова «народ, законы, отечество, конституция», направилась колонна торжественного шествия. Во главе колонны шли батальоны вооруженных детей (как не провести аналогию

с детьми-героями революционной истории в нашей стране), в хвосте — воины ветераны, а в центре — члены Законодательного собрания, члены королевской семьи, национальная гвардия, представители департаментов, участники в костюмах народов мира. Вскоре с Алтаря Отечества зазвучали клятвы нации, закону и королю (который еще сидел на троне). Салют, песни, грохот орудий, пение толпы, звучание оркестров, грохот барабанов и бряцание оружия — были звуковой палитрой народного ликования и его надежд.

Революционная эйфория длилась недолго, уже скоро вольно празднующей толпы нельзя было увидеть на улицах Парижа. Республика была провозглашена осенью 1792 года. С этого времени мы говорим о праздниках республиканского периода той эпохи, когда празднества стали трансформироваться в массовые зрелища. Зрелищами, которые рассматривались властью как мощное оружие пропаганды. Одним из самых ярких торжеств французской республиканской эпохи стал «*Праздник Разума*» или «*Триумф Вольтера*» (1793 год). Праздник Триумф Вольтера состоялся в день праздника Разума. Основная праздничная церемония прошла в соборе Парижской Богоматери который в этот день переименовали в храм Разума, в ходе которой члены Конвента принесли в жертву Свободе «все последние предрассудки фанатизма». Было организовано театрализованное шествие с аллегорическими фигурами — Жизнь, Труд, Наука, Свет. В соборе был выстроен макет греческого храма с надписью «Философия» и алтарь с факелом Истины. Центром композиции была женщина в белом одеянии, закутанная в черное покрывало. В кульминационный момент праздника, это покрывало срывалось, а затем сжигалось. А перед женщиной в белом

и факелом истины под Гимн Свободы совершалось массовое преклонение.

Однако попытка заменить христианскую веру культом Разума лишь обозлила народ, и поэтому якобинцы во главе с Робеспьером воспользовались идеей Вольтера: «Если бы бога не было, его бы следовало выдумать». И якобинцы выдумали — богом отныне станет Верховное существо. Тогда Робеспьер на заседании Конвента в своей речи «Об отношениях религиозных и нравственных идей к республиканским принципам и о национальных празднествах» провозгласил: «Истинный жрец верховного существа — Природа, его храм — вселенная, его культ — добродетель, его праздники — радость великого народа, собравшегося на его глазах с целью упрочить отрадные узы всемирного братства и вознести ему хвалу из глубины чувствительных и сильных сердец» [42, с.240].

Для внедрения новых идей докладчик предложил установить национальных празднеств для решения задачи общественного воспитания в духе новых этических принципов. По итогам этого доклада был принят декрет, учреждающий народные «*декадные праздники*». Декадными они назывались потому, что проходили каждые 10 дней («декади»), а прежние воскресенья отменялись. Отменялись и прежние месяцы, в республиканский календарь пришли «жерминаль» (месяц прорастания цветов, заменивший март и апрель), месяц туманов — «брюмер», дар тепла «термидор» и т.д. Декадные праздничные дни посвящались: «Верховному существу и природе», «Всему человеческому роду», «Республике», «Свободе всего мира», «Мученикам свободы», «Простоте нравов», «Истине», «Чистосердечию», «Любви к родине», «Ненависти к тиранам и предателям», «Героизму»,

«Бескорыстию» и «Справедливости», «Материнской нежности» и «Отцовской любви», «Сыновней почтительности», «Юности» и «Старости», «Счастью» и «Несчастью», «Земледелию» и «Промышленности», «Предкам» и «Потомству». Среди них были также дни посвященные Природе, Разуму, Возмужанию, Супружеской верности, Казни короля и даже Застенчивости.

Вот как, к примеру, проходили торжества в честь Верховного существа 18 прериаля (8 июня) в Париже:

> «Все было ярким, ослепительным, Париж давно не видел такой чудной, солнечной погоды. Город помолодел и стал наряднее: Дома были убраны зелеными ветками и гирляндами, улицы усыпаны цветами, из окон виднелись флаги, увитые трехцветными лентами. В восемь часов утра прогремели пушечные выстрелы, и толпы народа устремились в Тюильрийский сад. Люди оделись по-праздничному. Женщины несли букеты цветов, мужчины — дубовые ветки. У всех было приподнятое настроение; граждане, еще вчера не знавшие друг друга, сегодня сердечно обнимались и желали взаимного счастья!
>
> Постепенно начали сходиться члены Конвента. Они были в парадном одеянии — с султанами на шляпах и в трехцветных шарфах. Для них был построен деревянный амфитеатр, против которого высилась колоссальная группа чудовищ: Атеизма, Эгоизма, Раздоров и Честолюбия. Согласно плану главного распорядителя Давида эта группа подлежала сожжению и должна была открыть вид на статую Мудрости, попиравшую останки повер-

> гнутых пороков. Народ приветствовал своих депутатов...
>
> Робеспьер «произнес короткую приветственную речь. Затем, спустившись со ступеней амфитеатра, подошел к группе чудовищ и поджег их. Огонь запылал. Картон и фанера быстро обугливались и превращались в прах. Он стоял и пристально смотрел на огонь, пожирающий Зло. Но что это? Костер разгорелся слишком сильно; огонь спалил покров статуи Мудрости, и она предстала перед зрителями совершенно черной и дымящейся... Лицо Робеспьера на момент дрогнуло и исказилось. Но это был только момент.
>
> Конвент в сопровождении народа направился к Марсовому полю. Необычное зрелище представилось зрителям, усеявшим длинный путь от Тюильрийских ворот до Триумфальной арки. Впереди двигались барабанщики, конные трубачи, музыканты; потом шли люди вооруженные пиками, катили пушки; медленно передвигалась колесница с деревом свободы и эмблемами плодородия; двумя колоннами дефилировали двадцать четыре секции; шествие замыкали солдаты регулярной армии» [там же, с.241–242].

Якобинцы в своих праздниках стремились реализовать на практике чтимую ими концепцию Жан-Жака Руссо, согласно которой празднества должны возвышать и героизировать душу, строиться на самодеятельности масс, свободно и непосредственно выражать народную радость. Однако, поскольку революционеры старались использовать праздники в качестве активного способа внедрения своих идей в массы, празднества, под их руководством превраща-

лись в произведения зрелищного искусства, рассчитанных на пассивное созерцание публики. В сценариях их авторов Робеспьера и Луи Давида был четкий регламент действия, предписания на случай непредвиденных ситуаций, ограничивающих поведение народа в определенных рамках. Коллективный восторг толпы якобинцы инспирировали с помощью продуманных искусственных приемов. Их целью было воплотить свои замыслы постановщиков с помощью превращения массы парижан в исполнителей, которым не дана возможность выступить в роли вольно празднующей толпы. Праздники республиканского периода превратились, в, своего рода, произведения монументального искусства, которые были построены согласно следующим принципам:

- строгий регламент,
- жесткий ритуал,
- подробный сценарий, определяющий поведение каждой группы и индивида в определенных рамках,
- художественно-сторонний подход (рассчитан на пассивное зрительское восприятие, где массы выполняют роль исполнителей, а не вольно празднующей толпы).

Тем не менее, с точки зрения режиссуры, праздники республиканского периода французской революции были чрезвычайно интересны, поскольку были продуманны профессионально.

Гимн Свободы, написанный Госсеком, разучивался парижанами на специальных репетициях. Этим гимном парижане встречали рассвет в день Праздника Федерации (Взятия Бастилии). Хоры были отдельные для разных представителей горожан — стариков, детей, женщин. На развалинах Бастилии в этот день возвысилась колоссальная статуя женщины («Род-

ник Возрождения»), из груди которой лили фонтаны воды, под которыми проходило символическое омовение. Шествие к Марсовому полю напоминало шествие такого же праздника в до республиканский период начала революции, но уже не шли члены царской семьи, а ехала телега с «обломками королевской власти» казненного к этому времени Людовика XVII, а члены конвента несли впереди процессии огромную книгу Конституции.

Вдохновители великих революционных идей сами стали жертвами той самой гильотины, которую они обрушили на головы аристократов и врагов революции в годы своего правления, но День взятия Бастилии и по сей день остался главным праздником французского государства.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные различия праздников до республиканского и республиканского периодов французской революции XVIII века.
2. Какие декадные праздники якобинцев вы можете назвать?
3. Расскажите о постановочной деятельности Робеспьера и Луи Давида.

§ 20. Главные государственные праздники стран дальнего зарубежья

В эпоху интернета можно легко найти любую информацию, в том числе и о современных государственных праздниках стран дальнего зарубежья. Однако сколь либо систематизирующего материала по этой теме пока нет. Если и встречаются отдельные публикации, то они носят обрывочный характер журналист-

ских впечатлений. Содержание настоящего параграфа преследует цель частично восполнить этот пробел.

В демократических странах строго определенных общегосударственных праздничных дней практически не существует. Далеко не каждый европеец, к примеру, назовет, не задумываясь, главный праздник своей страны. Праздников много, но какой из них самый-самый? К тому же все официальные торжественные церемонии в этих странах проходят достаточно скромно, и выделить что-либо трудно. Легче всего на этот вопрос отвечают французы. Конечно же, главный национальный праздник их государства — *14 июля — День взятия Бастилии*. Всего же во Франции более десятка общегосударственных праздничных дней. Большинство из них было введено еще Наполеоном в XIX веке. Это Новый год и христианские праздники — Рождество, Пасха, Вознесение, Пятидесятница (Троица), День Вознесения Девы Марии (Успение), День Всех Святых, а также рождественский сочельник и понедельник после Пасхи.

В XX веке у французов прибавилось еще три нерабочих дня. Два из них связаны с окончанием двух мировых войн, в которых принимала участия Франция. День Примирения (11 ноября) — память о перемирии, положившим в 1918 году конец первой мировой, а 8 мая страна празднует победу над фашизмом. Почему 8, а не 9-го? А потому, что пакт о капитуляции фашистской Германии был подписан 8 мая 1945 года, в 23.00 по центрально европейскому времени, тогда как в нашей стране уже наступил уже следующий день.

В 1947 году был официально объявлен праздником день 1 мая — День труда. Это единственный из всех перечисленных выше праздничных дней французского государства, в который закон обязывает прекращать работу, тогда как во всех остальных случаях

граждане просто «имеют право» не работать. День труда для французов это, прежде всего, День Весны, когда любящие люди дарят друг другу весенние ландыши. Тем не менее, вот какой репортаж с празднования 1 Мая в Париже был представлен на страницах газеты «Аргументы и факты» в начале нашего XXI века:

> «Многотысячная толпа ревела: „По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...“ Вслед за этим из огромных динамиков неслось: „Боже, Царя храни!“. Так встречал Первомай Париж. Вдоль всего города растянулась демонстрация из десятков, а может, и сотен тысяч французов, членов Национального фронта. Они съехались со всей страны и, проходя мимо трибуны возле памятника Жанне д'Арк, восторженно пожирали глазами своего кумира — лидера националистов Ле Пена. Домохозяйки и дети, мужчины с медалями на пиджаках — все они размахивали флагами и скандировали: „Франция для французов!“.
>
> Представить себе что-либо в России трудно. Наши коммунистически-профсоюзные маевки меркнут на фоне столь яркой и почти всенародной демонстрации французского национализма. Правда, член политбюро НФ, мэр города Нуайон Пьер Декав сказал нам, что француз для них — это лишь гражданин Франции. То есть и негр, и араб. Но почему-то и негры, и арабы обходили демонстрацию стороной. Г-н Декав объяснил также, почему над толпой звучали русские песни. Один из ближайших сподвижников Ле Пена — русский. С его легкой руки фронт и получил официальную символику — наш царский гимн и «По долинам и по взгорьям».

***

Важнейшим государственным праздником в *Великобритании* считается *День рождения королевы*. С 1748 года он отмечается в одну из первых суббот июня (в зависимости от погоды). Любопытно, что ныне царствующая королева родилась вовсе не летом, а в апреле, но такова сложившаяся традиция всех британских монархов. Дата праздника ежегодно устанавливается особым королевским указом и с учетом прогноза погоды. И хотя этот праздник считается главным на Альбионе, он вовсе не является выходным днем. В этот день страна продолжает жить своей обычной жизнью, хотя других праздничных дней, объявленных нерабочими совсем немало, около дюжины. Торжества в честь Дня рождения королевы проходят камерно. Королева принимает по этому поводу небольшой церемониальный парад на Уайт-холле в свою честь — праздник *Выноса знамен*. Перед королевой и почетными гостями, которые располагаются на временных трибунах, дефилируют гвардейцы, принадлежащие к разным полкам. Главное действующее лицо красочного представления — музыканты из военных оркестров Ее Величества. Будучи молодой, Елизавета II приветствовала участников этого мини-парада верхом на лошади, но с возрастом отказалась от этой традиции и наблюдает за марширующими гвардейцами с трибуны. Однако верный друг, лошадь под седлом, стоит тут же рядом. Парад популярен как среди британцев (особенно маленьких), так и среди иностранцев, и они следят за ним благодаря прямому телевизионному репортажу с площади.

Вовсе не относится к главным национальным праздникам *шоу лорда-мэра лондонского Сити* (главы лондонского делового сообщества), но проходит

это официальное торжество в столице Великобритании с 1189 года ежегодно и является знаковым событием. Как и столетия назад новоизбранный достопочтенный лорд-мэр (не путать с мэром всего Лондона) в золоченой карете (когда-то, в начале традиции, ехал верхом) направляется в Королевский Суд из своей резиденции Менш-хаус. Длинная, разноцветная процессия из роты копьеносцев и мушкетеров, с лакеями и кучерами, с живыми историческими картинами на специальных платформах движется по улицам города, собирая многочисленных зрителей около полутора часов. Среди участников парада — представители старинных гильдий, компаний и банков, имеющих офисы в лондонском Сити, военные, иностранные гости. Поскольку торжество проходит в ноябре, соседствуя с британским Днем поминовения павших в войнах (11 ноября), то на груди участников можно увидеть красные маки, как символ памяти и благотворительной помощи ветеранам и их близким. Музыкальное сопровождение праздника обеспечивают военные и гражданские оркестры. Неизменными участниками парада являются гигантские надувные или соломенные фигуры Гоги и Магоги — древних хранителей лондонского Сити. Их задача — «надзирать» за порядком не только в день парада, но и в любой другой день. Интересно, что карета лорда-мэра не открывает процессию, а замыкает ее. По пути карета с лордом-мэром останавливается возле собора святого Павла, чтобы получить благословение церкви. Иногда эта многотысячная процессия проводится по воде на Темзе. В здании Королевского суда лорд-мэр принимает присягу на верность королеве в присутствии судей, а затем вся процессия возвращается по набережной к исходной точке. Вечером, самые известные люди собираются

на приеме-банкете, который транслируется по телевидению. С политической речью на банкете выступает премьер министр, тост произносит архиепископ Кентерберийский. Все затраты на шоу и банкет восполняются лорд-мэром и шерифами. Над Темзой совершается красочный фейерверк.

***

Национальный день Швеции является главным национальным праздником государства с 1983 года (до этого он назывался *Днем Флага*) — *6 июня*. Как главный этот праздник был официально утвержден лишь с указанной даты, но отмечают его с начала двадцатого века. 6 июня в истории Швеции произошли два крупных события. Во-первых, 6 июня 1523 года шведским королем стал лидер антидатского восстания Густав Эриксон (Густав I Васа), который заложил основы независимости шведского государства. Во-вторых, 6 июня 1809 года в Швеции была принята новая Конституция, провозгласившая, в частности, свободы и права граждан. И хотя в этот день шведы не проводят ни парадов, ни демонстраций, ни торжественных заседаний, праздничной атмосферой наполняется вся страна. Ведь в этот день вся Швеция буквально расцвечивается государственными желтоголубыми флагами, которые вывешиваются не только на зданиях официальных учреждений, и многоквартирных домов, но и практически у каждого индивидуального дома. На такой случай возле домов имеются специальные высокие флагштоки. Пышных торжеств не происходит, но каждый швед волен принять участие в народных гуляниях в парках или встречах в Домах просвещения. Проходят концерты. Спортивные соревнования, фейерверки.

***

В Японии главным государственным днем является день микадо — *День рождения здравствующего императора.* В настоящее время этот день празднуется в феврале, поскольку 23 февраля день рождения императора Нарухито. Однако дни рождения предыдущих императоров также остаются в праздничном календаре. Так день рождения императора Мэйдзи переименован в японском календаре с 1948 года в День культуры, а День императора Сева с 2007 года стал Днем зелени. Когда-то императору японцы приписывали божественное начало, теперь эти времена ушли. Есть еще праздник в Японии, который также является значимым государственным днем — День освоения государства, отмечаемый 11 февраля. В Японии очень много праздников. Следует учесть, что хотя Япония мало религиозная страна, основными религиями в ней являются буддизм и синтоизм (языческое верование с десятками тысяч божеств). Японская поговорка гласит: «Была бы вера, а боги найдутся». Японцы очень терпимы к разным верованиям, вплоть до того, что члены одной семьи, включая детей, могут исповедовать разные религиозные учения. Однако основные праздники и обряды японцев связаны с синтоизмом. Более того, синтоистские храмы всегда строятся рядом с буддийскими, якобы охраняя последние. Буддизм пришел на японскую землю в шестом веке и очень неоднороден, поскольку имеет множество школ и множество направлений. Один из немногих праздников, где традиционные верования переплетаются с буддизмом, является праздник в честь умерших — «Бон» («Обон»). В этот день, а точнее ночь в Японии можно наблюдать необыкновенно волнующее зрение и душу зрелище — по главным полноводным рекам страны в бумажных фона-

риках плывут зажженные свечи в память о каждом умершем, о котором хочет вспомнить здравствующий человек. Фонари зажигаются и возле японских жилищ, и отправляются в море. Фонарями приветствуют души умерших, навещающих в этот праздник мир живых, показывают с помощью их огней сначала путь к родному порогу, а затем безопасный путь в царство мертвых.

***

В Китае главный государственный праздник очень напоминает празднование 7 ноября в СССР. По сути, этот день в Китае и возник по аналогии с нашим праздником в лучших советских традициях, по советскому образцу. Ежегодно 1 октября на площади Тяньаньмэнь в Пекине с пятидесятых годов прошлого века перед портретами Сунь Ятсена, Мао Цзэдуна, Маркса, Энгельса, Ленина шли парады и демонстрации. *1 октября 1949 года великий кормчий Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики*. Этот день и является главным национальным праздником этой страны по сей день. В Китае, в отличие от нашей страны, не произошло резкого разрушения былых традиций и авторитетов. И хотя с 1984 года на главной площади Пекина военные парады проходят лишь раз в десять лет, а демонстрации раз в пять лет, да и сняты портреты классиков марксизма-ленинизма, китайцы утверждают, что это не означает изменения политического отношения к марксизму. В частности, то, что теперь на празднике вывешиваются лишь портреты Мао Цзэдуна и других китайских лидеров объясняется тем, что власти решили следовать обычной практике в других странах, где в дни национальных торжеств вывешивают портреты лишь национальных героев. В этот день в Пеки-

не проводятся грандиозные фейерверки, а недели за две до праздничной даты на улицах и площадях перед воротами учреждений и школ появляются цветочные композиции — клумбы, пирамиды из горшков с хризантемами, сальвиями, веерными пальмами, кипарисами. Каждый вкладывает в композицию свой вкус, свою эстетику. Площадь Тяньаньмэнь становится цветочной поляной с традиционной и политической символикой. Сюда стекаются толпы любопытных. Традиция создания цветочных композиций в день национального праздника возникла в середине девяностых годов прошлого века. С 1999 года этот праздник открывает «Золотую неделю» выходных дней. Принятие этого решения значительно стимулировало туризм среди китайцев.

Многие официальные праздники в КНР также «пришли» из СССР. Это 1 мая — День международной солидарности трудящихся, 8 марта — Международный женский день, 1 июня — Международный день защиты детей. Есть еще праздничные дни посвященные созданию Национальной освободительной армии, образованию Коммунистической партии Китая, молодежи Китая и образования.

***

С некоторыми национальными праздниками *США* российские граждане знакомы, в основном, благодаря засилью американского кинематографа на наших экранах. День Благодарения с ее традиционной индейкой, наверное, на слуху у каждого, однако о сущности этого праздника, как правило, никто не знает. Мы попытаемся остановиться на главных национальных праздниках этой страны подробнее.

Как таковых официально определенных общегосударственных праздников в США нет. Есть

праздники провозглашенные федеральным правительством для своих служащих, но которые, на практике, отмечаются в большинстве штатов. Это, уже упоминаемый нами, *День Благодарения*, который отмечается в честь освоения Нового Света в последний четверг ноября как благодарность Богу за первый урожай (приблизительно 1621 год), а индейка является символом этого божьего дара. При этом праздник вовсе не религиозный, а светский, семейный. Главным блюдом праздничного стола является жареная индейка и корзина с фруктами, как символ благополучной жизни.

Труд как основа народной нравственности — вот постулат, который лежит в основе еще одного американского праздника, отмечаемого в первый понедельник сентября — это *День Труда*. Последний понедельник мая в США *День Поминовения* в память о жертвах войны и стихийных бедствий. Интересно, что после Дня Труда и до дня Поминовения по этикету не принято носить белую обувь и вообще белую летнюю одежду. 11 ноября, как и в Великобритании, *День ветеранов*, посвященный ветеранам войн. Традиционно в этот день возлагаются венки к памятнику Неизвестного солдата в Вашингтоне. Перечисленные праздники очень значимы для американцев, но главным национальным праздником страны является *День Независимости,* отмечаемый *4 июля* в честь обретения свободы. В ту неделю, на которую выпадает праздник, большинство американцев стараются по возможности устроить «длинный уик-энд». Символом праздника является всемирно известная статуя Свободы. День Независимости — это день парадов, отнюдь не военных, а тех, которые так популярны у жителей США, на которые они готовы тратить личные сбережения, на которых идут уважаемые люди,

костюмированные персонажи музыкальные оркестры, едут тематически красочно оформленные платформы, летят воздушные шары и т.д. Каждый парад возглавляет почетный гранд-маршал, выбранный из известных и авторитетных людей. Парады — неотъемлемая часть всех массовых празднеств в США.

Нельзя представить без парадов и второй понедельник октября — день, когда Америка празднует День Колумба. Это тоже одна из значимых праздничных дат страны. Хотя, как мы уже отмечали, в США нет юридически определенных национальных праздников. В каждом штате свои праздники. Так, например, в штате Техас с 1997 года отмечают День космонавтики 12 апреля (!). Действительно, этот праздник младший брат нашего, советского. История возникновения американского берет начало с той поры, когда после поездки в Звездный городок Подмосковья вернулся в США военный летчик в отставке Микки Окснер. Сначала он решил провести русский фестиваль в городе-побратиме Звездного Нассау Бей, где расположен Космический центр Джонсона. После первого фестиваля последовал второй, а вскоре Окснер направил в законодательные органы Техаса письмо с предложением учредить День Космонавтики 12 апреля. Но, чтобы не иметь упреков в том, что праздник-то между прочим советский, его наименовали несколько иначе — «*День исследователей космоса*». И для даты нашлось объяснение — 12 апреля 1981 года с мыса Канаверал стартовал первый космический «челнок».

Однако вернемся к *Дню Колумба*. Официально его, как и все другие государственные праздники, не объявляли общенациональным. Если президент объявит какие-либо праздничные торжества федеральными государственными нерабочими днями, то они становятся обязательными только для федерально-

го округа Колумбия и федеральных служащих всей страны и только. Другие штаты федеральные праздники поддерживаются вправе поддержать или не поддержать эту инициативу. Как правило, федеральные праздники большинством штатов поддерживаются, тем самым превращая их в общенациональные праздничные дни.

Колумб, как известно, хотя и открыл Америку под испанским флагом, но сам был итальянцем. Произошло это 12 октября 1492 года. Только через три столетия Колумба стали чествовать в Америке, в частности поставили первый монумент. А в 1886 году американские итальянцы устроили грандиозный праздник в честь своего современника. С них взяли пример и итальянские диаспоры в других городах страны. Но только в 1937 году Франклин Рузвельт провозгласил 12 октября Днем Колумба (с 1971 года второй понедельник октября). Праздник Дня Колумба отмечается в современном мире во всех испаноязычных странах и конечно, испанской диаспорой в США. То есть 12 октября отмечается Hispahdidat — День испанской нации. Высокий статус праздник имеет и потому, что этот день совпадает с почитаемым католическим праздником Святой Девы Пилар. По преданию в этот день Святая Дева явилась апостолу Сантьяго на берегу реки Эбро, стоя на колонне (колонна по-испански звучит pilar). Как же в США решили проблему «присвоении Колумба и его открытия двумя разными национальными диаспорами. Очень просто — уже более 35 лет в дни Колумба там проводятся два парада: испанский в воскресенье, а итальянский в понедельник. И, конечно, в праздничном календаре американцев есть Рождество, Новый год, а также День Мартина Лютера Кинга и День Президентов.

***

Итак, мы рассмотрели самые значимые национально-государственные праздники лишь некоторых стран дальнего зарубежья. Наш следующий параграф мы посвятим многоцветию праздничной картины мира. Изучение праздничной культуры других народов важно не только с общепознавательных позиций или же узкопрофессиональных, но с позиций, прежде всего, гуманистических, нравственных. Постижение праздничной культуры иноплеменников — наиболее краткий путь к взаимопониманию, поскольку именно в праздниках находит свое яркое выражение национальный менталитет народа, духовная основа его единства. Однако очень важно понять, что знание праздничной культуры других стран вовсе не означает то, что традиции, ритуалы и обряды этой культуры нужно непременно внедрять на российской земле. Распространение чужеродных праздничных традиций в современной России вовсе не безобидное явление, каковым кажется на первый взгляд. К сожалению, руководящие структуры нашей страны не видят никакой опасности в том, что страну заполонили с всевозможными массовыми шоу иностранные миссионеры различных сектантских-религиозных учений, что российская молодежь давно празднует «Хеллоуины» (праздник нечистой силы западного образца), во всех ночных клубах отмечается «Пятница 13», активно внедряется традиция повсеместно отмечать День святого Патрика и т.д. Глубину этой проблемы мы подробно изложили в третьем параграфе первой главы, но вновь хотим подчеркнуть праздники — величайшая объединительная сила нации, которая объединяет без учета пола, возраста, социального статуса и т.д., они объединяют не только ныне живущих, но объединяют нас и с предками и с потомками.

Праздники — это связь времен и духа, это квинтэссенция драгоценной связи национального единства и относиться к этой драгоценности надо соответственно.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите главные государственные праздники следующих государств — Великобритании, Франции, Швеции, Китая, Японии.
2. Перечислите известные вам праздники в США.
3. Какие специфические особенности имеет празднование Дня Колумба в США?

§ 21. Мозаика современной мировой праздничной культуры

Мозаика — это искусство бесконечного разнообразия и разноцветья, и подобно ей нам представляется общая картина современной мировой праздничной культуры. Сложно выбрать с какого «фрагмента» нам начать ее осмотр. Начнем с того, что своей яркостью бросается в глаза — с карнавалов.

Карнавалы популярны и традиционны в *европейских странах* с давних веков. Самые популярные из них проходящие ежегодно, как правило, в канун Великого поста, имеющие всеобщий характер. Есть карнавалы, которые проводят разные профессиональные гильдии — булочники, пивовары, торговцы, медики и т.д. У каждого карнавала «свое лицо», свои особенности карнавальных шествий. К примеру, в знаменитой своими карнавалами Австрии в одном регионе принято украшать карнавальные костюмы сверкающими блестками, в другом — обязательно участие персонажей с огромными головными уборами, с горя-

щими внутри свечами, в третьем — сопровождается ритуальным обрядом «шествие толстяков» (в рубахах набитых сеном) и т.д. Организация карнавалов дело свободных карнавальных сообществ и братств, которых насчитывается по всей Европе великое множество. К примеру, только в немецком Кельне их около ста двадцати. Ритуал посвящения в эти братства является важнейшей частью праздника, при этом не имеют значения ни политические взгляды, ни вероисповедание, ни национальность посвящаемых. Главное требование для членов таких братств — умение сохранять юмор во всех жизненных обстоятельствах и преодолевать трудности с помощью смеха.

В программы праздничного веселья обязательно включаются бесплатные концерты для малоимущих людей и интернациональное веселье в венских погребках, в том числе и в старинном погребке на одной из улиц Вены, носящем имя *Милого Августина*. Автор незатейливой веселой песенки «Ах, мой милый Августин» был известен большинству жителей города XVI века, он часто наигрывал в кабачке на волынке свои песенки, а они угощали его за это вином. Когда в город пришла эпидемия чумы, его жители продолжали просыпаться от звука этой песенки, которую наигрывал Августин, сидя на крылечке винного погребка. Но однажды они не услышали привычной мелодии... Команда гробовщиков подобрала его тело и увезла за город, где свалила в ров вместе с другими несчастными. Однако Августин оказался не мертвецом, он был просто мертвецки пьян. Очнувшись, он выбрался из груды мертвых тел и первым делом отправился опохмелиться, а потом заиграл свою любимую песенку. И вера в жизнь вернулась в город. Сегодня венский праздник в честь Милого Августина собирает гостей со всего света, открываясь карна-

вальным шествием и продолжаясь в многочисленных концертах и ослепительных балах.

Венские балы особая тема в праздничной картине австрийской столицы. Только в сезон балов (это время с 11 ноября по Великий пост) их насчитывается около 450. Главные балы проходят в январе и феврале. Перечень названий венских балов этого периода впечатляет: Новогодний, Оперный, Цветочный, Карамельный, Московский бал, бал «В старой одежде», балы регионов, фермеров, пенсионеров, академиков, охотников, врачей, тяжелоатлетов, прачек, полицейских, аптекарей, пожарных, владельцев венских кафе, беженцев (!) и т. д. Для каждого бала существует свой дресс-код, свои уточняющие правила, но желательно иметь навыки в исполнении классических бальных танцев и, прежде всего, венского вальса (для чего существуют специальные курсы обучения). Многолюдные балы заканчиваются прогулками в праздничных нарядах по ночной Вене, поездками на фиакрах, посещением ночных кафе.

Во главе карнавальных обществ старинного Кельнского карнавала стоит Совет Одиннадцати, который в течение трехмесячного времени («сессия», «пятое время года») должен провести несколько карнавальных заседаний. Отсчет времени кельнский карнавал ведет от шутовской цифры — 11, то есть начинается в 11 часов 11 минут 11 числа 11 месяца. Карнавальные заседания демонстрируют удивительную смесь буйного народного веселья с выходом в свет представителей высшего света в смокингах и вечерних платьях, чествования ветеранов многочисленных карнавальных обществ. Потешные построения

и шествия карнавальных гвардий с непременным участием танцовщиц — «дочерей полка». Заканчивается карнавал в «Розовый понедельник» («Бешеный понедельник») февраля-марта перед «Пепельной средой» (начало католического поста). Faschingsdienstag (вторник) посвящен детям, в этот день все дети в карнавальных костюмах независимо от того где этот день проведут (в школе или садике). Разгульное гулянье начинается еще с «Бабьего четверга», когда женщинам позволяется все, они добывают трофеи, обрезая мужские галстуки. Мужчины так и ходят «обрезанными», а женщины прикалывают трофеи к своей одежде. Суббота — это день шествия духов и призраков. Обязательные атрибуты карнавала — перевернутые зонтики, шляпы или современные пластиковые пакеты которыми удобно ловить щедро разбрасываемые во время шествия конфеты и другие сладости. Возглавляют шествие в «Бешеный понедельник» Принц, Дева (переодетый мужчина) и Крестьянин. Это избранные люди из спонсоров карнавала, в обязанность которых входит посещение всех карнавальных площадок, а также больниц, домов престарелых и т.д. За Бешеным (Розовым-Розенмонтаг) понедельником следует спокойный «фиалковый вторник» с вечерней традицией сожжения соломенного чучела во имя искупления грехов, затем «пепельная среда», когда все рисуют друг у друга на лбу пепельные кресты и переходят на рыбный рацион — начинается Великий пост. Не менее ярко проходят эти праздничные дни и в других карнавальных столицах Германии — Мюнхене и Дюссельдорфе, а также в Манце, Берлине и Франкфурте-на-Майне.

Традиции карнавалов сохраняются и развиваются по всей Европе. Среди самых старинных и известных маскарадный *Венецианский* и сатирический

Виареджийский в Италии, *Базельский* в Швейцарии и, конечно, *карнавалы испанских городов* в Кадисе, Мадриде, Барселоне, Малаге, где у каждого карнавала есть свои неповторимые традиции, привлекающие гостей со всего мира. Есть карнавалы, наподобие Венецианского, которые берут свое начало с древних времен, есть рожденные новым временем. Мир современного карнавала — это отдельная и большая тема.

***

Фестивали. Жанровые формы современной праздничной культуры порой сложно переплетены. Так *Бернинг мэн* (Burning Man «Горящий человек»), проходящий ежегодно в пустыне штата Невада США в искусственно созданном на время праздника городе и причисленный к фестивальным формам, по сути, имеет карнавальную природу, поскольку в его дни происходит карнавализация сознания, где мир на время изменяется до неузнаваемости. Этот ежегодный недельный самодеятельный фестиваль проходит в пустыне Блэк-Рок штата Невада США. Время его проведения от последнего понедельника августа до первого понедельника сентября (День Труда). Фестиваль представляет собой фантастическое явление не только в зрелищном плане, но и всей своей содержательной сущностью. Он проходит в городе, который создается в пустыне за два-три дня только на время фестиваля и затем бесследно исчезает не оставляя никаких следов. И это настоящий довольно большой город (около 70 000 жителей) — с улицами, почтой, полицией, больницей, пожарной охраной, храмом, кафе и барами и т.д. Но этот город, называемый Блэк-рок-сити, волшебен, это город утопия, где царствует мир развлечений в окружении инсталляций современного искусства радикального самовыраже-

ния художников разных стран, где ничто не продается и ничто не покупается, где все делают бесплатно, где каждый создает развлечения и радость для других и сам развлекается. Искусственный город на неделю заполняется всеми видами искусств — музыкой, фантастическими скульптурами, инсталляциями, костюмированными персонажами и огненными представлениями. Это инопланетный мир творчества, танца, света и огня. Особенно ночью как миражи в пустыне смотрятся сюрреалистические инсталляции, разноцветные огни костюмов участников и их велосипедов (основного городского транспорта), лазерные световые шоу, светящиеся катальные горы и качели. Вокруг море развлечений и натурального огня! Огня, в котором каждый день происходит сжигание разных творений человеческих рук, в котором по традиции (начатой в 1986 году) будет сожжена деревянная фигура самого человека, а затем, по окончании фестиваля, и весь город. Зачем? Может быть как символ того, что все материальное в этом мире не имеет значения? А может потому, что всякий праздник всегда имеет начало и конец. По-разному можно толковать и сожжение фигуры человека, но, несомненно, что в этом акте невольно прослеживается след вековых ритуальных традиций человечества, в том числе и карнавального характера.

Если «Бернинг мэн» фестиваль относительно молодой, то испанский *Томатный фестиваль* в два с лишним раза старше. Существуют разные версии его возникновения (1945 год), в основе которых лежат разные варианты случайных потасовок на рынке города Буньоля. Такие потасовки под названием *Томатина* с тех пор являются кульминационным моментом каждого такого фестиваля. Свои Томатины есть и в других странах помимо Испании, но самым

«кровавым» побоищем славится именно Буньоль. Проходит этот фестиваль в последнюю неделю августа и собирает десятки тысяч желающих участвовать в веселом сражении, где в качестве снарядов используются десятки тонн перезрелых помидор. Побоище начинается по сигналу петарды и по такому же сигналу заканчивается. В финале баталии происходит купание в городском бассейне, наполненном помидорным соком, розыгрыш традиционных окороков иберийской свиньи и, конечно, отмыванием тел водой под импровизационными душами. Какой смысл таит эта веселая бойня (строгие правила диктуют определенные рамки границ поведения) пытаются разъяснить психологи, трактуя разнузданность человеческой природы на Томатине имманентно присущим ему первобытным инстинктом «раблезианского поведения» и т.д. Вместе с тем существует и прозаическое объяснение этого «кровавого» действа меркантильного характера, а именно, что таким образом производители томатов борются с кризисом перепроизводства. Тем не менее, сегодня это один из самых популярных фестивалей мира.

С 1810 года проходит самый продолжительный праздник в мире (занесен в книгу рекордов Гиннеса) *Октоберфест* — фольклорный фестиваль в Мюнхене. Начинается праздник в третью субботу сентября и продолжается три недели. Это народное гулянье часто называют пивным фестивалем, поскольку главным атрибутом праздника кроме многочисленных аттракционов становятся огромные пивные шатры-палатки (по традиции 14 штук) и рекой льется пиво. Главное шествие на Терезин луг (откуда начался праздник в 1810 году) возглавляет “Munchner Kindi” («Дитя Мюнхена» — традиционный народный символ столицы Баварии), в этой роли выступает девушка

с колокольчиком в руке, сидящая верхом на лошади, за ней следуют кареты мэра, членов городского Совета, телеги с пивом, хозяева палаток, оркестры палаток и т.д. Началом пивного распития и праздничного разгула служит торжественное открытие первой бочки со специально сваренным к празднику Oktoberfest Bier. Открывает бочку, вбивая в нее кран (с помощью специального молотка), обер-бургомистр Мюнхена ровно в полдень. Его “O’zapft is!” (с баварского — «Откупорено!»), служит сигналом к открытию Октоберфеста. Фестиваль проходит шумно, пьяно, сытно и сопровождается обширной шоу-программой многочисленных костюмированных парадов, скачек и концертов.

Уже много веков одновременно пугает и привлекает внимание своим очень опасным обычаем испанский *фестиваль Сан-Фермин* в городе Памплона — *энсьерро*, когда по узким улочкам от выпущенных из загонов 12 разъяренных быков убегают к городской площади участники забега.

Великое множество самых разных фестивалей существует в мире, в их классификации насчитывается на сегодняшний день более трех десятков видов, которые в свою очередь имеют свои подвиды, свои адреса и свои традиции. Так есть музыкальные фестивали джазовой, роковой, народной и электронной музыки, бардовских песен, которые проходят в Париже и Зальцбурге, Санкт-Петербурге, Москве, разных регионах России и т.д. Одни фестивали давно всемирно известны как фестиваль юмора в болгарском городе Габрово или голландский фестиваль цветов, другие, как фестивали воздушных шаров по всему миру, набрали популярность в последние десятилетия, другие весьма экзотичны (верблюдов, кошек) и привлекают к себе определенные группы людей. Ясно одно, фе-

стивали — это огромный, бесконечно разнообразный, яркий мир современной праздничной жизни жителей нашей планеты.

Среди *старинных традиционных празднеств* Европы (Германии, Швеции, Финляндии и др.) популярны празднования колдовской *Вальпургиевой ночи* и *Майского деревца*. Святая Вальпургия имеет к ночи названной ее именем лишь то отношение, что католики и протестанты отмечают ее день 1 мая, а по преданиям кельтов ночь с 30 апреля на 1 мая открывала период «большого солнца». 30 апреля считался праздником Белтайн (солнца, плодородия), который перерастал в ночной праздник, во время которого настежь открывались врата в страну эльфов, как и в праздник Хэллоуин (31 октября, канун Дня всех святых, период наступления зимы). Традиция хороводов вокруг украшенного лентами и цветами майского шеста (майского деревца) существующая чуть ли не у всех европейских народов, возникла из символики плодородия и мужской силы, где майский шест — фаллический символ. Посредницей между людьми и эльфами становится выбранная Майская Королева, которая наряжается в наряд зеленого цвета очень любимого маленькими человечками. И как в нашу купальскую ночь разжигаются костры и собираются травы. И, конечно, ночь с 30 на 1 мая знаменита еще и шабашем ведьм, которые особенно любили собираться на высокой германской Лысой горе Броккен, рядом с городом Ширке. И колдовская ночь, и первый день мая отмечается по всей современной Европе, где-то до сих пор празднуется Бельтайн, где-то стала традиционной вечеринка «По следам Фауста». Современный Дортмунд собирает молодежный праздник Мэй Дэй (Майский день), устраиваются средневековые базары, «дьявольские» шествия и т.д.

***

Японские праздники очень самобытны, как и сама страна. Если всему миру известен наполненный поэзией японский *День цветения сакуры,* то мало кто знает о таких праздниках как «*Семь-пять-три*» в честь детей соответствующего возраста, как «*Нян-нян-нян*» (посвященный кошкам), о праздничных днях посвященных почитанию *старших, мальчикам, девочкам, спичкам, велосипедам и рисовой водке*. Популярен в Японии и *День совершеннолетия*, героями которого ежегодно в январе становятся все, кому в текущем году исполняется 20 лет. В этот день этих юношей и девушек узнают по национальным одеяниям — кимоно и хакама (широкие мужские штаны похожие на юбки) и национальным прическам. С этого дня они считаются совершеннолетними, могут пить спиртные напитки, но при этом на них возлагается уже взрослая ответственность. Впрочем, по закону все же будет учитываться дата рождения в случае, например, если в праздник будет арестован перепивший юноша, но его личное двадцатилетие еще не наступило, то ему повезло.

Множество старинных праздничных народных традиций сохранилось только в определенных местностях Японии. Тому, что каждая провинция Японии могла по-разному встречать, к примеру, Новый год и многообразию обычаев японцев удивлялись еще первые иностранцы, допущенные на землю страны в конце XIX века. Одни, ставшими известными необычные празднества японцев, существуют десятилетия, другие — возникли совсем недавно, есть такие, традиции которых соблюдаются веками, а есть и такие как традиции *Праздника обнаженных мужчин* или *Гонок за голым человеком,* которые существуют в Окаяме — с 757 года! В ходе этого празднества япон-

ские мужчины в возрасте от 23 до 43 лет собираются в синтоистском храме, одетые только в набедренные повязки, после чего совершают обряд очищения, ныряя в холодную февральскую воду, а затем бегут по улицам города, собирая вокруг себя многочисленных горожан, поскольку прикосновение к очистившимся мужчинам, по поверью, сулит удачу. Женщины на празднество, которое идет под непрерывный грохот барабанов, не допускаются. Очистившиеся мужчины, согревающиеся бегом, поединками и саке, в свою очередь ждут главного персонажа праздника — стремглав бегущего голого мужчину (принявшего специальный обряд многодневного очищения), до которого они хотят дотронуться в свою очередь, но осуществить им это не просто, сдерживают специальные охранники. Если же это удается, то все беды, от дотронувшихся, перейдут на этого человека. В полночь служитель начинает бросать в толпу разгоряченных мужчин несколько священных палочек-амулетов, которые все стремятся поймать, поскольку их обладателям обеспечен счастливый год.

***

Традиционные *праздники Китая* не менее самобытны и разнообразны. Некоторые из них приобрели широкую известность благодаря тому, что яркие картины их проведения часто транслируют СМИ всего мира — это праздники *лодок-драконов — Дуаньуцзе, фонарей — Юаньсяо, бумажных змеев*. Благодаря интересу к гороскопам, в том числе и восточным, многие из европейцев узнали о существовании китайского Нового года, о том, что празднуется он по лунному календарю в первое новолуние первого месяца года.

Китайский Новый год (Праздник Весны) — *Чуньцзе (Чунь Цзе)*, самый продолжительный праздник

страны, заканчивающийся на пятнадцатый день *Праздником фонарей*. Однако выходными являются только первые семь дней — вторая «*Золотая неделя*» в стране. Этот семейный праздник встречается очень шумно, поскольку нужно разогнать из домов злых духов и привлечь добрых (отсюда и пришла традиция взрывов петард). Первые бумажные пороховые хлопушки появились в Китае в XI веке, а до этого использовались простые стволы бамбука, которые при горении с треском лопаются. Кое-где сохранился обычай зажжения семейного костра в новогоднюю ночь, огонь которого символизирует торжество всеобщего очищения и победы жизни над тьмой смерти. Каждый член семьи (в основном дети) в ходе семейного ужина получает красный конверт с «деньгами счастья», как залог удачи в наступившем году. Предки китайцев дарили деньги не в конвертах, а связанными в цепочку. Это символические деньги (смысл не в количестве), они обязательно должны быть не потрепанными и не истертыми, новыми. Новый год для китайцев не просто праздник, это особые священные дни этнического самосознания в которых отражаются все стороны культуры и быта народа, когда китаец наиболее полно осознает свою причастность к своей великой нации. При этом Чуньцзе сугубо семейный праздник. В старом Китае было немыслимым встретить Новый год не в кругу членов своей семьи, которая в полном составе собиралась в последний день уходящего года за общим праздничным столом, чтобы «закруглить год». И сегодня китайцы всячески стремятся встретить праздник Нового года за семейным столом, что резко увеличивает пассажиропоток по всей стране в канун праздника. Более того, в эти дни стремятся к родному очагу китайцы со всей планеты. Во время новогодне-

го ужина, первые блюда подносят духам предков, подчеркивая единство живых и усопших членов рода.

В праздник чистоты и ясности *Цинмин* китайцы издревле поминали предков, в современном Китае этот день посвящают героям отдавшим жизнь за Родину. В этот праздник запускают воздушных змеев и гуляют по улицам с веточками ивы в руках.

В Китае существует невероятное количество всевозможных фестивалей, но, пожалуй, один из самых любимых для его жителей является апрельский *фестиваль Пионов*. Пион — «императорский цветок», национальный символ Японии. Он символизирует, пожалуй, все лучшее, о чем грезят человеческие сердца — благополучие, любовь, достаток, власть, власть, процветание, красота, слава и т.д.

***

Каких только праздничных дней не бывает в мире! Есть праздники, которые являются всемирными, многие из них проходят под эгидой ООН и Юнеско, которые затрагивают проблемы и интересы всех жителей земли, есть такие, которые объединяют только определенные группы людей, и среди них такие, которые официально нигде не зафиксированы. Ниже мы приводим список наиболее значимых из них, которые или отмечаются россиянами или же в той или иной степени им известны:

Всемирные праздники:

1 января — Всемирный день мира

11 января — Всемирный день «спасибо»

13 августа — Международный день левши

Последнее воскресенье января — Международный день снега

17 февраля — День спонтанного проявления доброты
21 февраля — Международный день родного языка (в мире около 6000 тысяч языков)
1 марта — Всемирный день гражданской обороны
3 марта — Всемирный день писателя
15 марта — Всемирный день защиты прав потребителей
21 марта — Всемирный день поэзии
22 марта — Всемирный день водных ресурсов (воды)
23 марта — Всемирный день метеорологии
27 марта — Международный день театра
1 апреля — День смеха, День дурака
2 апреля — Международный день детской книги
22 апреля — Международный день Матери-Земли
24 апреля — Международный день солидарности молодежи
29 апреля — Международный день танца
3 мая — День Солнца
3 мая — Всемирный день свободы печати
5 мая — День Европы
8 мая — Международный день Красного креста и Красного Полумесяца
12 мая — Всемирный день медицинских сестер
15 мая — Международный день семьи
17 мая — Международный день электросвязи
18 мая — Международный день музеев
20 мая — Всемирный день метрологии
Одна из пятниц мая — Европейский день соседей
31 мая — Всемирный день без табака
1 июня — Международный день защиты детей
9 июня — Международный день друзей
23 июня — Международный Олимпийский день
25 июня — День моряка (мореплавателя)

6 июля — Всемирный день поцелуя
20 июля — Международный день шахмат
30 июля — Международный день дружбы
5 сентября — Международный день благотворительности
1 октября — Международный день пожилых людей
1 октября — Международный День музыки
Первый понедельник октября — Международный день врача
Первая пятница октября — Всемирный день улыбки
9 октября — Всемирный день почты
10 октября — День психического здоровья
15 октября — Международный день белой трости
Четвертое воскресенье октября — Международный день тещи
13 ноября — Всемирный день доброты
20 ноября — Всемирный день ребенка
21 ноября — Всемирный день приветствий
26 ноября — Международный день сапожника
3 декабря — Международный день инвалидов
7 декабря — Международный день гражданской авиации
10 декабря — Всемирный день футбола

***

Праздничных дней, в том числе и шутливого характера, в мире великое множество. У каждого такого дня своя история, свои традиции. Порой такие дни известны весьма узкому кругу людей, но вот один веселый день в году, указанный нами в выше приведенном списке, известен всем, по крайней мере, в европейских странах. Этот день — *1 апреля*, неофициальный День Дураков. Что смешного в этот день?

Ответы даются весьма разные, но один из них звучит, более или менее, убедительнее остальных. Это история о том, как французский король Карл IX в 1564 году приказал перенести празднование Нового года с даты 1 апреля на 1 января. Не всем этот указ пришелся по нраву, и многие консерваторы упорно продолжали отмечать новолетие по-прежнему. Над ними подсмеивались, дурачили их ложными милостями в честь праздника, делали шутливые подарки, сообщали ложные новости. Со временем причина этих подшучиваний была забыта, а привычка бескорыстно и беззлобно дурачить ближнего веселыми выдумками осталась.

Всякая всячина

А к какой группе, скажите, можно отнести такие дни, как *День резиновых калош* или *День соломинки для коктейля*? А еще есть 24 января — *Международный День эскимо*, 26 февраля — *Всемирный день неторопливости*, 18 октября — *День галстука,* 14 марта — *Международный день числа «пи»,* 11 июля — *Всемирный день шоколада,* 3 апреля — *Всемирный день вечеринки (пати),* а также *Международный день торта, Всемирный день яйца, Всемирный день вязания на публике* и т.д. и т.п.

К сожалению, в последнее время появилось немало псевдо праздничных календарей, в которых указываются «знаменательные праздничные дни» взятые «с потолка», фантазия у издателей богатая и она каждый год обновляется. Вместе с тем, удивительные дни реально существуют и у их традиций есть последователи.

Из всей «всякой всячины» выберем, для поверхностного ознакомления, лишь немногие праздничные дни, которые на наш взгляд, более или менее известны, или же просто любопытны.

Например, *День сурка,* отмечаемый 2 февраля — в горах Пенсильвании США, приобрел известность благодаря одноименному американскому фильму. А вот *День хромой утки,* отмечаемый американцами спустя четыре дня — 6 февраля, мало кому известен. Хромой уткой на американском жаргоне называют политиков или других руководителей, дорабатывающих свой срок, будучи практически уволенными и проигравшими выборы. А 16 октября в США и некоторых странах Европы отмечают *День босса*.

В Германии есть удивительный день — *День супружеской свободы* (партнер имеет право провести день или даже ночь вне дома, не давая отчета супругу (супруге) о проведенном времени.

Фестиваль пива проходит 1 марта в Исландии (в честь отмены в 1989 году сухого закона о крепком пиве, действовавшем в течение 75 лет).

Сырные гонки проходят более двухсот лет в маленьком английском городке Куперс Хилл.

Чемпионат по ношению жен, традиционный для финнов, стал набирать популярность и в других странах.

Праздник обезьян отмечают ежегодно в одной из провинций Таиланда, устраивая для «героев праздника» «Обезьяний банкет». Чествуют обезьян за помощь, которую в давние времена оказал их бог, спасая жену Рамы.

А еще есть такие Дни как:

Лошади — в Голландии;

Шлепанцев (сланцев) — в Новой Зеландии;

Тишины «Ньепи» — на Бали;

Речных раков, Середины лета, Всех сердец — в Швеции;

И еще, и еще, и еще...

Это Дни, а еще есть Ночи (!):
Ночи музеев по всему миру;
Ночь музыки в Париже;
Ночь Редиски — в Мексике...

***

Пожалуй, надо остановиться...

***

Какому же празднику посвятить финал нашей книги... Ну, конечно же, Новому году! Во всех странах мира отмечают *Новый год* и во всех по-разному, о некоторых обычаях мы уже рассказывали. Но Новый год отмечается по-разному у разных народов даже тогда, когда в основе его проведения лежат общие традиции и общая дата празднования с другими народами. К примеру, даже в западных странах, где основное вероисповедание христианство, где новогоднее веселье начинается со встречи Рождества, где обязательно наряжаются елки и делаются рождественские подарки близким, все равно существует огромное разнообразие самобытных традиций в каждой отдельной стране, и даже новогодних «дедов» величают по-разному. О специфических особенностях встречи Нового года в разных странах и у разных народов постоянно рассказывают СМИ в канун каждого Нового года, и мы не будем их пересказывать. Традиции эти порой наполнены значительным содержанием, порой просто забавны, но всегда полны яркими эмоциями и картинами радостного восприятия жиз-

ни, ее вечного движения и глубинного смысла. Этот смысл новогоднего сказочного торжества очень тонко передан в нижеприведенном тексте, которым без комментариев мы хотим закончить последний параграф нашей книги.

Автор ниже цитируемого текста главный редактор газеты «Нью-Йорк Сан» выпуска 1897 года. В своей авторской колонке редактор опубликовал письмо маленькой девочки, в котором она просила дать честный ответ на мучивший ее вопрос — существует ли Санта-Клаус на самом деле, или это выдумка, как сообщили ей ее друзья. «Скажите мне правду!» — просила девочка. И вот что ответила девочке газета в далеком 1897 году: «Дорогая Вирджиния, твои друзья ошибаются. Они жертвы нашей эпохи сомнений и верят только в то, что видят. Но Санта-Клаус, конечно, существует, Вирджиния. Он существует также, как существует любовь, щедрость, преданность. Ты ведь знаешь, что все это есть, более того — встречается очень часто. Именно эти вещи придают твоей жизни красоту и радость. И самое настоящее, самое важное — именно то, чего не увидеть глазами — ни детям, ни взрослым».

Контрольные вопросы и задания

1. Найдите на страницах интернета фотографии иллюстрирующие карнавалы, о которых рассказывается в данном параграфе.
2. Имеет ли, по вашему мнению, фестиваль «Бернинг мэн» схожие черты с карнавальным празднеством?
3. Какой из перечисленных всемирных праздников из раздела «всякой всячины» наиболее будоражит ваше профессионально-творческое воображение?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надеемся, что изложенный материал пособия достаточно убедительно демонстрирует то, что история праздничной культуры столь же велика, как и вся история человечества, что праздник, это та форма человеческой культуры, которая присуща всем нациям, народам и сословиям, всем большим и малым сообществам, где существуют духовные связи. История праздников — это история пронизывающая все века и эпохи, это ритм времени, который, соединяя нас с прошлым, уходит в завтрашний день, в будущее. К сожалению, вихрь времени часто ломает этот ритм, новые поколения делают попытки отправить «на свалку истории» устаревшие, по их мнению, традиции и обряды и этим обедняют человеческую жизнь, лишая ее глубинного поэтического смыслового вневременного содержания. Праздники — это и священная память, и напоминание, и дорогие воспоминания, и радостное торжество сегодняшнего бытия, и окрыленная праздничной свободой мечта. Праздники — это поэзия жизни.

Бесконечно разнообразие праздников в традициях и верованиях разных народов и в разные времена (к примеру, только индуизм называют религией тысячи праздников), но изучая это разнообразие, поражаешься тому, как много общего в высших духовных устремлениях людей разных культур. Так исстари на Руси отпускали специально купленных птиц на волю,

видя в возможности «даровать свободу» великое «утешение» своей земной жизни, и подобный же обычай существует в далекой Индии, где сидящих в клетке воробьев может купить и выпустить на волю каждый, кто хочет улучшить свою карму. Наши предки кликали весну с испеченными жаворонками, а древние греки в честь весны с ласточкой обходили дома и пели песни, поразительно напоминающие наши колядки. У всех народов есть священные праздничные дни почитания предков, победных торжеств, дни весеннего пробуждения природы и осеннего урожая, обряды инициации и свадеб, веселой карнавализации жизни и т.д. Вместе с тем, имея общую природу, все праздники неповторимы, как неповторима каждая человеческая индивидуальность. Более того, праздники помогают человеку понять не только окружающий мир и окружающих, но и самого себя, потому что именно на празднике, настоящем празднике он становится самим собой, раскрывая свои лучшие черты.

Объять весь мир праздников, мир человеческих радостей и надежд невозможно, но постигать его и теоретически осмысливать необходимо. За пределами изложенной информации в пособии осталось немало нераскрытых тем, вместе с тем рассмотрено в той или иной мере содержание основных, которые необходимо освоить обучающимся профессии режиссера массовых праздников.

В заключение, выскажем надежду на то, что данное пособие не только поможет будущим специалистам сферы праздничной культуры с помощью изложенного материала получить азы ее научного понимания и информационные ориентиры, но и пробудит в учащихся желание к дальнейшему непрерывному постижению и творческому осмыслению многогранного мира этой сферы культуры человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л. А. Возрождение из хаоса //Знание — сила, — № 12, декабрь, 2004. — С. 29–34.
2. Абрамян Левон. Первобытный праздник и мифология / Л. А. Абрамян. — Ереван: АН Армянской ССР, 1983. —231 с.
3. Аверченко А. Т. Кривые углы: Рассказы / Сост. И предисл. П. Горелова; Худож. В. Юрлов./ А. Т. Аверченко. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 63–69.
4. Андрейчук Н. М. Основы профессионального мастерства сценариста массовых праздников: Учебное пособие. — 5-е издание, дополненное. — СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «Планета музыки», 2020. — 232 с. — (Учебники для вузов. Специальная литература).
5. Андрейчук Н. М. Регуляция социально-психологической атмосферы клубной аудитории. Дисс. кан. пед. наук. — Л., 1990. — 151 с.
6. Андрейчук Н. М. Социально-психологическая атмосфера массовых праздников: [моногр.] / Н. М. Андрейчук; Алтайская государственная академия культуры и искусств. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2012. — 175 с.

7. Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. Т. 2 /Портр. Ю. Анненкова. — М.: Худож. Лит., 1991. — С. 111–141.
8. Ардов, М. Книга о Шостаковиче./М.Ардов // Новый мир, 2002, № 6. — С. 133.
9. Аксенов В. С. Организация массовых праздников трудящихся (1918–1920). — Учебное пособие по курсу «История массовых праздников» /С.Аксенов. — Л., 1974. — 76 с.
10. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 .
11. Берестов В. Д. Совсем недавно был Корней Иванович... / В. Д. Берестов // Воспоминания о Корнее Чуковском. Сост.: К. И. Лозовская, З. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. — М.: Советский писатель,1983. — С. 133–134.
12. Бондаренко Эльга Оскаровна. Праздники христианской Руси./ Э. О. Бондаренко. — Калининград: Кн. Изд-во,1995. — 416 с.
13. Бунин И. Окаянные дни / И. Бунин // Литература русского зарубежья: антология: т. 1, кн. 1. — М.: Книга,1990. — С. 66.
14. Васильев Г. Е. Актуальный философ К. С. Аксаков: современная публика и манипуляция сознанием / Г. Е. Васильев // Вопросы культурологи: Научно-практический и методический журнал. — 2007. — № 12. — С. 80–81.

15. Васильев Г. Е. Актуальный философ К. С. Аксаков: современная публика и манипуляция сознанием / Г. Е. Васильев // Вопросы культурологии: Научно-практический и методический журнал. — 2008. — № 1. — С. 45–47.
16. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук. — М.: Высш.шк., 1988. — С. 31–465.
17. Волков В. И. Актер о публике театра / В. И. Волков // Театр и наука. — М.: ид-во ВТО,1976. — С. 284–306.
18. Воловикова М. И. Представление русских о нравственном идеале / М. И. Воловикова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. — 312 с.
19. Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: праздник в жизни человека /М.И.Воловикова, С. В. Тихомирова, А. М. Борисова. — М.: ПЕР СЭ, 2003. — 143 с.
20. Генкин Д. М. Массовые праздники / Д. М. Генкин. — М.: Просвещение, 1975. — 140с.
21. Глан Б. Н. Праздник всегда с нами / Б. Н. Глан. — М.: СТД, 1988. — 191 с.
22. Гончаров И. А. Избранные сочинения. — М.: Худож. Лит., 1990. — С. 119–120.
23. Гребенюк В. П. Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром / В. П. Гребенюк // Новые черты в русской культуре и искусстве: XVII — XVIII в / В. П. Гребенюк. — М.: Наука,1976. С. 133–145.

24. Гюго Виктор. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Собор Парижской Богоматери: Роман / Пер. с фр. — М.: Московский рабочий, 1993. — С.196.

25. Даниленко Ольга Ивановна. Душевное здоровье в контексте культуры: Дис. ... д-ра культурологи: 24.00.01 / О. И. Даниленко. — СПбГУКИ — СПб., 2000. — С. 10.

26. Дворкин А. Л. Псевдохристианская секта «Свидетели Иеговы». О людях, никогда не расстающихся со «Сторожевой Башней» / А. Л. Дворкин. — СПб., Формика, 2002. — С.151–155.

27. Дмитриевский В. Н. Театр уж полон... / В. Н. Дмитриевский. — Л.: Искусство,1982. — С. 23–136.

28. Жидков В. С. Поиски новой театральности / В. С. Жидков / Театр и власть 1917–1927. От свободы до «осознанной необходимости». — М.: Алетейя, 2003. — С. 326–336.

29. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые: Размышления социолога / К. Жигульский. — М.: Прогресс, 1985. — 336 с.

30. Забылин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды и суеверия / М. Забылин. — М.: Изд-во ЭКСМО, 2002. — 608 с.

31. Захаров М. А. Контакты на разных уровнях / М. А. Захаров. — М.: Искусство, 1988. — С.152–158.

32. Зеленая Рина Васильевна. Разрозненные страницы / Рина Зеленая; предисл. В. Ливанова. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — С. 132.

33. За Май — против пасхи. // Культурная революция. — № 8 (11). 1 мая, 1929. — С.16–17.

34. Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. — СПб., 1994.
35. Кайуа Роже. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
36. Как мы провели первомайскую неделю // Культурная революция, 1929. — С. 35.
37. Касаткина Т. О самоубийстве / Т. Касаткина // Новый мир. — № 10, 2009. — С. 137.
38. Келлер Е. Э. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории / Е. Э. Келлер. — СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2001. — 319 с.
39. Константинова О. Секта без денег мертва / О. Константинова // Семья. — № 12, 2006. — С. 19.
40. Корнеева Н. Психология торжества / Н. Корнеева // Праздник. — № 7, 2007. — С.7.
41. Куликова С. Пироги и кони /С.Куликова // Праздник, № 1, 2003. — С. 20–22.
42. Левандовский А. П. Максимилиан Робеспьер. — М.: Молодая гвардия», 1965. — С.240.
43. Лихачёв Д. С. Русская культура./ Д. С. Лихачёв. — М.: Искусство, 2000. — 440 с.
44. Лихачёв Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачёв, А. П. Панченко, Н. В. Понырко. — Л.: Наука. — С.19 (295 с.).
45. Лихачёва Ольга Олеговна. Российский праздник в истории Петербурга первой четверти XIX века: Дис. ... канд. культурологич. наук: 24.00.02 / О. О. Лихачёва. — СПб., 1997. — 245 с.

46. Луначарский А. В. Религия и просвещение / А. В. Луначарский // Статья «О народных празднествах». — М.: Советская Россия, 1985. — С. 203–205.

47. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление /А.И.Мазаев — М.: Наука, 1978. —296 с.

48. Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс / Д. Майерс. — СПб.: прайм — ЕВРОЗНАК, 2002. — 512 с.

49. Махнач В. Русские на Дальнем Востоке В. Махнач // Аргументы недели. — 22 ноября 2004. — С. 12.

50. Мертворожденный культ. // Родина. — 1992, № 10. — С. 59–60.

51. Миненко Нина. Вечерки. Старинные забавы русских северян / Н. Миненко // Родина, 2006, № 4. — С. 128–133.

52. Михайловский А. http://www.strana-.ru/?numid =10&article= 42.

53. Набоков В. В. Истребление тиранов: Избр. проза / Сост. В. И. Саченко /В.В.Набоков. — Мн.: Маст. літ., 1989. — 640 с.

54. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / [Сост. А. А. Горелов.]. — Л.: Лениздат,1983. — 446 с.

55. Народный театр /Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. — М.: Сов. Россия,1991. — 544с., 24 л. ил. — (Б-ка русского фольклора; Т. 10).

56. Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века [Текст]: научно-популярная литература / А. Ф. Некрылова. — СПб,: Азбука-классика, 2004. — 255с.
57. Орлов О. Л. Праздничная культура России / О. Л. Орлов; Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. — СПб., 2001. — 160 с.
58. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен / О. Л. Орлов. — СПб.: Нестор, 2003. — 166 с.
59. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен: дис. ... д-ра культурологи: 24.00. 01 / О. Л. Орлов; СПбГУКИ. — СПб., 2004. — 336.
60. Панфилов В. В. Режиссеру праздника — об игре / В. В. Панфилов. — М.: ВЦХТ («Я вхожу в мир искусств»), 2004. — 176 с.
61. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ /отв. ред. Д. С. Лихачёв/ А. М. Панченко — Л.: Наука, 1984. — 206 с.
62. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. / Б. Д. Парыгин. — СПб.: ИГУП, 1999. — 592 с.
63. Пастухов В. Вера без надежды и любви / В. Пастухов // Аргументы недели. № 11. — 2006.
64. Петров Н. В. 50 и 500. — М.: Всероссийское Театральное Общество. — 1960
65. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: пер. с нем. И. В. Розанова / Общ.ред., вступ. Статья и предисл. И. М. Фрадкина. — Смоленск: Фирма «Русич», 1993. — 496 с.

66. Платон. Диалоги /пер. с древнегреч.; сост., ред. и авт. вступ. статьи А. Ф. Лосев; авт. примеч. А. А. Тахо-Годи. — М.: Изд-во «Мысль», 2000. — С. 433.
67. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история Б. Ф. Поршнев. — М., 1979. — С. 83–94.
68. Поэзия крестьянских праздников. / Общая редакция В. Г. Базанова. — Советский писатель. Л.О.,1970. — 640 с.
69. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования / Ст., коммент. И. В. Пешкова /В.Я. Пропп. — М.: «Лабиринт», 2000. — 192 с.
70. Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа / Д. М. Проэктор. — М.: Наука, 1972. — С. 483.
71. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны /Г.Раушнинг. — М.: Миф, 1993. — С. 166.
72. Розанов В. В. О нарядности и нарядных днях календаря // Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 1995. — С. 382–395.
73. Розов Виктор. Глазами ребенка (Из книги «Путешествие в разные стороны») //Юность, № 4, 1987. — С. 8.
74. Рольф Мальте. Советские массовые праздники / М. Рольф [пер. с нем. В. Т. Алтухова]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПСН) Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина,2009. — 439 с. — (История сталинизма).
75. Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси. — М.: Российский раритет 1991. — 80 с.

76. Свиридов Георгий. Стучусь в равнодушные сердца / Г. Свиридов // Труд, 20 декабря, 2000. — С. 5.
77. Скородинская Е. Поймай меня, если сможешь / Е. Скородинская // Здоровье. — № 12,2006. — С.17.
78. Снегирёв И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды / И. М. Снегирёв. — М.: Сов. Россия,1990. — Ч. 1. — 158с.; Ч 2. — 78 с.
79. Соколов А. В. Феномен социально-культурной деятельности / А. В. Соколов. — СПб.: СПбГУП, 2003. — С. 185.
80. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общая редакция, предисловие и примеч. А. В. Липского. — М.: Моск., рабочий; ТЕРРА, 1992. — С. 16.
81. Сорокин Питирим. История не ждет, она ставит ультиматум/ П. Сорокин // Родина. — ноябрь, 1989. — С. 67.
82. Старикова Л. Театральная жизнь старинной Москвы: Эпоха. Быт. Нравы / Л. Старикова. — М.: Искусство,1988. С. 98–130.
83. Терещенко А. В. История культуры русского народа / А. В. Терещенко. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.
84. Терцани Тициано. Еще один круг на карусели / пер. с ит. .Л.Беньковской; лит. обработка С. В. Калмыкова. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2009. — С. 320–321.
85. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Пер. с анrk. / А. Дж. Тойнби / Сост. Рашковский Е. Б. — «Прогресс» — «Культура», 1996. — 480 с.

86. Топоров В. Н. Праздник / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Т. 2. — М.: Сов.энциклопедия,1 992. — С. 329–331.

87. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1.: От Петра Великого до смерти Николая I / Р. С. Уортман. Пер. с англ. И. А. Пильщикова. — М.: ОГИ, 2004. — 605, [3] с.: ил. — (Классическая мысль).

88. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2.: От Александра второго до отречения Николая II / Р. С. Уортман. Пер. с англ. С. В. Житомирской. — М.: ОГИ, 2004. — 796, [4] с.: ил. — (Классическая мысль).

89. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств / Флоренский, П. А. Христианство и культура/ Вступ. ст.и примеч. А. С. Филоненко; — М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: «Фолио», 2001. — С. 508–520.

90. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. / Пер. с англ.М.К. Рыклина. — М.: Политиздат, 1980.

91. Фрейд Зигмунд. Массовая психология и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Пер. с немецкого. Книга 1. — Тбилиси « «Мерани»,1991. — С. 71–138

92. Фрейтаг фон-Лорингофен. Из дневника / Фрейтаг фон-Лорингофен. // Архив русской революции. Т. 2. — М.: Тега; Политиздат,1991. — С. 221–222.

93. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл./ Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян / Й. Хейзинга. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. — 464 с.

94. Ходасевич В. М. Портреты словами. — М.: Сов. Писатель, 1987. С. 69–72, 141–146, 237–238.
95. Хоххут Р. Геббельс в своих дневниках (предисловие) /В кн.: Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи: Пер. с нем. /Вступ. слово и общ. ред. А. А. Галкина / Р. Хоххут. — Смоленск: фирма «Русич», 1993. — С. 39–40.
96. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. — М.: Едиториал, УРСС, 2002. — 448 с.
97. Хренов Н. А. Социально-психологический аспект зрелищного общения / Н. А. Хренов // Социологические исследования театральной жизни. — М.: ВТО, 1978. — С. 102–122.
98. Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре / Н. А. Хренов. — СПб: Алетейя, 2005. — 604 с.
99. Чехов М. А. Атмосфера. Второй способ репетирования. /Литературное наследие. В. 2-х т. Т. 2. Об искусстве актера /Сост. И. И. Аброскина, М. С. Иванова, Н. А. Крымова; Вступ. Статья М. О. Кнебель / М. А. Чехов. — М.: Искусство, 1986. — С. 188–199.
100. Шароев Иоаким Георгиевич. Режиссура эстрады и массовых представлений [Текст]: учебник для студентов театр. высших учеб. заведений / И. Г. Шароев. — Изд. 3-е, испр. — М.: ГИТИС, 2009. — С.161–254.
101. Шафаревич И. Р. Две дороги — к одному обрыву. — / И. Р. Шафаревич — М.: Айрис-пресс, 2003. — 448 с.

102. Шафаревич И. Смертоносный пепел двадцатого века / И. Шафаревич // Слово. — март, 1991. — С.4.

103. Швыдкой М. Предполагает ли маска мир / М. Швыдкой // Театральная жизнь, 1988, № 15. — С. 9.

104. Шкловский В. Б. Драма и массовые представления / В. Б. Шкловский / Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). — М.: Советский писатель, 1990 — С. 85–86.

105. Шкловский В.Б О психологической рампе / В. Б. Шкловский / Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). — М.: Советский писатель, 1990. — С.90–91.

106. Шмелев И. С. Лето Господне. Человек из ресторана. — 2-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2003. — С. 26–387.

107. Элиаде М. Священное и мирское /Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского / Элиаде — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.

108. Эстетико-культурологические смыслы праздника /сб. науч. трудов. Ред. Кондаков и др. — М.: Гос. ит-т искусствознания. — 2009. — 460 с.

109. Юдин А. В. Русская народная духовная культура: учебное пособие для студентов вузов / А. В. Юдин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Высшая школа,2007. — 415 с.

110. Юрский С. Ю. Кто держит паузу. / С. Ю. Юрский. Л.: Искусство, 1977. — С.97.

ГЛОССАРИЙ

Амбивалентность (от *лат.*— «оба», «важный», «сила») — взаимоисключающие характеристики чего-либо, двойственность отношений, одновременное переживание противоположных чувств.

Балаган (*персид.* «bälähänä» — «балкон») — 1) временная легкая постройка для увеселительных представлений на ярмарках и народных гуляниях в дореволюционной России с конца XVIII века; 2) несерьезные грубовато-шутовские шумные действия.

Братчина («складчина», ссыпщина») — коллективная праздничная трапеза крестьян дореволюционной России за счет личных взносов каждого участника (съестным, деньгами).

Гаер — балаганный шут, фигляр

Гала (*фр.* «gala» «торжественный», «праздничный») — праздничное зрелище, торжество с участием официальных лиц.

Гала-концерт — большой праздничный концерт.

Герольд — глашатай, церемониймейстер при дворах королей, крупных феодалов, распорядитель на торжествах и рыцарских турнирах.

Глашатай — вестник, тот, кто всенародно объявляет (возглашает) официальные известия.

Двунадесятые праздники — двенадцать главных праздников православия (за исключением Пасхи).

Демонстрация (с *лат.* ««demonstratio» — показывание) — массовое шествие для выражения общественно-политических настроений, требований.

Дожинки — последний день жатвы у славянских народов, во время которого проводятся специальные обряды вокруг последних несжатых колосьев и последнего снопа, всеобщие праздничные застолья.

Зрелище (с *греч.*— «места для зрителей») — то, что представляется взору, привлекает взор (в частности, театрализованные массовые представления).

Канун — день, предшествующий какому-либо празднику или знаменательному событию.

Карнавал (с *древгреч.*— «корабельная колесница», «корабль-повозка»; с итал. «carne vale» — «прощай мясо») — народное празднество с безудержным весельем, переодеваниями, уличными маскарадными шествиями, играми, временной отменой всяческих норм и запретов.

Козульки (коровки, овсеньки, каледушки, каледашки) — обрядовое печенье.

Маскарад — бал, участники которого являются в характерных масках и фантастических костюмах.

Месяцеслов народный — годовой круг, расписанный по дням календарь русского крестьянства, в котором народные календарные празднества, обычаи, обряды и наблюдения за явлениями природы соотнесены с днями церковного календаря (месяцеслова).

Месяцеслов церковный (святцы) — православный календарь годового круга церковных праздников, поминовения святых и ангелов.

Мистерия (с *греч.*— «тайна») — тайные культовые религиозные обряды древнего мира для посвященных.

Мистерия средневековая — городские театрализованные представления на религиозные сюжеты со светскими мотивами.

Навмахия — инсценировка военно-морских сражений в Древнем Риме.

Обряд — совокупность установленных обычаем условных символических знаковых действий, оформляющих важнейшие события общественной, религиозной и семейно-бытовой жизни, календарных циклов и хозяйственной деятельности, воплощающих в себе те или иные идеи, образы и чувства, передаваемые из поколений в поколения.

Обычай — традиционно установившиеся правила стереотипного общественного поведения.

Пантеон (от *древнегреческого* «pan» –все, «theos» — бог) —

- в античном мире — храм, посвященный всем богам;
- в расширенном значении — совокупность богов того или иного культа.

Парад (от *фр.* «parade») — 1) торжественное шествие, смотр по случаю каких-либо торжеств (военный парад, парад спортсменов и т.д.). 2) в переносном значении — празднество, торжество

Пасха (от *древ.-евр.* «pesah» — «прохождение», «избавление», «пощада») — 1) главный праздник православия, отмечаемый как день воскресения Христа; 2) приготовленное к этому празднику сладкое кушанье из творога в форме четырехгранной пирамидки

Перформанс (от *англ.* «performance», от лат. «perfomans» — создающий) — представление, действие, спектакль, трюки — форма современного искусства, в котором произведением являются интригующе-странные в режиме реального времени бесфабульные, определенные четким сценарием, театрализованные действия самого автора (авторов), призванные шокировать чаще случайных зрителей, не вовлекая их в действенный процесс.

Основные черты перфоманса:

- шокирующее воздействие;
- эфемерность;
- активность;
- основное внимание приковано к одному или двум героям;
- основу содержания составляют немые сцены, направленные на зрительное восприятие;
- сам творец, создатель — произведение искусства;
- своеобразный синтез, переплетение самых разных спецэффектов — шума, громкого музыкального сопровождения, звуковых эффектов, театральных перевоплощений, ярких необычных актерских костюмов и т.д.

Петровские ассамблеи — светские собрания для свободного общения «не только для забавы, но и для дела».

Подблюдные гадания — гадание на Зимние Святки, в ходе которых обязательным атрибутом было блюдо. Обычно приурочивались к Васильеву вечеру.

Помочи (толока) — совместные неоплачиваемые и добровольные работы крестьян для оказания помощи друг другу, старикам и вдовам, проведения обще-

ственных работ, а также в ходе последнего дня уборки урожая, заканчивающиеся праздничным застольем.

Потлач — одна из церемониальных форм древнейшей традиции у разных народов одаривания друг друга дарами вплоть до демонстративного разрушения излишков частной собственности.

Праздник —

- коммуникация по поводу свободы (А. И. Мазаев);
- жизнь, временно принявшая условие игры, в соприкосновении с миром идеалов (М. М. Бахтин);
- интенсивное общение людей друг с другом в радости, в радостном приобщении к роду и племени, вершинное состояние души человека (М. И. Воловикова, С. В. Тихомирова, М. Борисова);
- день торжества и радости, день духовного единения, когда с помощью синтеза искусства и действительности, художественного оформления того или иного общественного или личностного события человек поднимается над буднями;
- многофункциональное социально-культурное явление, реализующее свободное непосредственное коллективное общение для совместного переживания значимых событий, возвышенных эмоционально-духовных преодолений и устремлений, радостной полноты и обновленной гармонии жизни, ее идеалов в связующей нити времен и поколений.
- разрядка духовно-эмоциональной и физической напряженности человека и общества, временная реализация мечты об идеальной

жизни, невозможной в обыденности, подняться над которой помогают крылья художественного осмысления и оформления праздничного события.

Праздничная ситуация — момент наивысшей психоэмоциональной готовности к празднику, напряженного его ожидания.

Ритуал (церемония) — подробный распорядок (порядок) торжественных действий обряда

Сбитень (от глагола «сбить», т.е. соединить вместе) — старинный горячий напиток на Руси, приготовленный из меда, пряностей и трав

Синкретизм — слияние, внешнее смешение культурных компонентов (например, православия и славянского язычества)

Социально-психологическое заражение — механизм передачи эмоционально-психического настроя между тесно общающимися индивидами, многократно усиливающий передаваемые эмоции с увеличением числа людей.

Социально-психологическая атмосфера — ситуативные перемены психического настроя человеческой общности, характеризующиеся высокой степенью подвижности.

Социально-психологическая атмосфера массового праздника — проявление характера праздника, преобладающего эмоционально-психического настроя в празднующей общности, который аккумулирует в себе психическое состояние каждого участника праздника, проявляющееся в их отношении и непосредственной сопричастности к совместным ценностям, к окружающим, друг к другу, и к самим себе как членам данной общности.

Сочиво (кутья) — особое постное блюдо из обваренных цельных зерен пшеницы (риса, чечевицы, ячменя), приправленное медом, сухофруктами, изюмом, а также соком из семян мака, орехов и конопли. Готовится славянами на сочельники и поминки, в канун Нового года.

Сочельник — название дня накануне двух великих праздников православия — Рождества и Крещения.

Сретенье (от *древгреч.* — «встреча») — двунадесятый праздник православия.

Театрализованное представление — сценическое синтетически-зрелищное действо с идейно-художественной целостностью, рассчитанное на созерцание зрителей, без активного включения их в действие.

Традиция (*лат.* «traditio» — «передача», «предание») — элементы социального и культурного наследия, порядки и правила поведения, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в течение длительного времени.

Фестиваль (*фр.* «festival», лат. «festivus» — «праздничный») — массовая праздничная встреча, имеющая широкий общественный резонанс, сопровождаемая показом (смотром) каких-либо достижений в разных областях жизни, в разных видах творчества и спорта.

Флешмоб (от *англ.* «flash mob» — «мгновенная толпа») — массовый розыгрыш.

Основные принципы флешмоба:

- спонтанность;
- отсутствие централизованного руководства;
- отсутствие каких-либо фискальных или рекламных целей, социальных или религиозных подтекстов;

- деперсонификация (участники не знают друг друга и не вступают в межличностный контакт);
- отказ от освещения флешмоба в СМИ.

Хэппенинг (от англ. — «случающееся, происходящее») — внерациональная, бесфабульная форма театрализованного представления, с помощью которой зрители вовлекаются в действие, с целью их подчинения новым, принципиально иным предлагаемым обстоятельствам, нежели их повседневная жизнь. В отличие от перформанса рассчитан на спонтанные акции исполнителей без заранее запрограммированного сценария и на активное участие зрительской аудитории.

Церемониал — официально принятый, строго регламентированный порядок обряда (церемонии).

Шоу (*англ.* — «show» — «зрелище», «показ») — пышное сценическое зрелище (праздничное, эстрадное, цирковое, политическое и др.), рассчитанное на шумный внешний эффект.

Экехерия — традиционный закон древней Олимпиады о всеобщем и обязательном перемирии воюющих государств и отмены смертных казней, сроком от полутора до трех месяцев. Нарушители его подвергались крупному штрафу или отстранялись от игр.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава IV. Религиозные праздники

Глава V. Праздники дальнего зарубежья

Нина Михайловна АНДРЕЙЧУК
КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
Учебное пособие
Издание второе, стереотипное

Nina Mikhailovna ANDREYCHUK
A BRIEF COURSE IN THE HISTORY AND THEORY OF A FESTIVE CULTURE
Textbook
Second edition, stereotyped

12 +

ЛР № 065466 от 21.10.97

Гигиенический сертификат 78.01.10.953.П.1028
от 14.04.2016 г., выдан ЦГСЭН в СПб

Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»
www.m-planet.ru; planmuz@lanbook.ru
196105, Санкт-Петербург, пр. Ю. Гагарина, д. 1, лит. А.
Тел./факс: (812) 336-25-09, 412-92-72.

Издательство «ЛАНЬ»
lan@lanbook.ru; www.lanbook.com
196105, Санкт-Петербург, пр. Ю. Гагарина, д. 1, лит. А.
Тел./факс: (812) 336-25-09, 412-92-72.
Бесплатный звонок по России: 8-800-700-40-71

Подписано в печать 28.02.24.
Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Формат 84×108 $^1/_{32}$.
Печать офсетная/цифровая. Усл. п. л. 17,43. Тираж 80 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в АО «Т8 Издательские Технологии».